

ВЫСТУПЛЕНИЯ
ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СССР НА ПЛЕНАРНЫХ
ЗАСЕДАНИЯХ
2-й СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ
ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ
(СЕНТЯБРЬ — НОЯБРЬ)

ЗА МИР И ДРУЖБУ НАРОДОВ,
ПРОТИВ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ НОВОЙ ВОЙНЫ
РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ
(18 сентября)

Господин председатель, господа делегаты!

Прошёл год со времени первой сессии Генеральной Ассамблеи. Необходимо оглянуться назад, на пройденный за это время путь, подвергнуть анализу работу, проделанную за это время организацией Объединённых наций, подвести некоторые итоги, наметить возможные перспективы. Каждая делегация, каждая страна — член организации Объединённых наций обязана выполнить этот свой долг нелицеприятно и с сознанием своей высокой ответственности в этом деле, требующем полной ясности, объективности и уважения к правде, которая должна быть превыше всего.

Бросая свой взгляд назад, советская делегация должна констатировать, что за отчётный период времени в работе организации Объединённых наций имели место серьёзные недостатки. Эти недостатки должны быть вскрыты и названы со всей решительностью и последовательностью. Они выразились главным образом в отступлении от важнейших принципов, положенных в основу организации, а в ряде случаев и в прямом нарушении ряда важных решений Генеральной Ассамблеи.

Эти недостатки в значительной мере являются результатом стремления таких влиятельных государств — членов Объединённых наций, как США, а также Великобритании, использовать организацию в своих узко групповых интересах, пренебрегая интересами международного сотрудничества на основе выраженных в Уставе принципов. Политика использования организации отдельными государствами в своих эгоистических узко понятых интересах ведёт к подрыву её авторитета, подобно тому, как это произошло с печальной памятью Лигой наций.

С другой стороны, неудовлетворительное положение дела в организации Объединённых наций, отрицательно сказывающееся на её авторитете, явилось результатом игнорирования организации со стороны указанных выше государств, пытающихся проводить в

жизнь ряд практических мероприятий вне и в обход организации Объединённых наций.

Необходимо обратить внимание на серьёзную опасность, которая создаётся в отношении организации Объединённых наций такой политикой, несовместимой с принципами Устава и с теми целями и задачами, которые поставили перед собой Объединённые нации, создавая организацию.

1. США и Великобритания против сокращения вооружений

Среди наиболее важных недостатков в деятельности организации Объединённых наций необходимо в первую очередь отметить неудовлетворительный ход работы по выполнению решения Ассамблеи от 14 декабря 1946 г. о всеобщем сокращении вооружений.

Единогласно принятая в прошлом году Генеральной Ассамблеей резолюция о всеобщем сокращении вооружений отвечает жизненным интересам миллионных народных масс, продолжающих, несмотря на окончание второй мировой войны, нести на себе бремя военных расходов и непомерных тягот, связанных с непрекращающимся ростом вооружений. Принятое Ассамблеей решение о всеобщем сокращении вооружений является вместе с тем выражением стремлений и требований миролюбивых народов к установлению прочного мира и международной безопасности, выражением требований, продиктованных пережитыми ими страданиями и понесёнными жертвами. Именно в силу этого указанное решение было встречено народами всего мира с глубоким удовлетворением и надеждами на быстрое и полное осуществление. Однако эти надежды не оправдались.

При попытках наметить в рамках Совета безопасности и в комиссии по обычным вооружениям практические мероприятия по осуществлению решения Генеральной Ассамблеи о всеобщем регулировании и сокращении вооружений представители США и Великобритании выдвинули такие условия сокращения вооружений, которые не могли не привести к срыву выполнения указанного решения Ассамблеи. Вся деятельность американской и английской делегаций в комиссии по обычным вооружениям свидетельствует о том, что США и Великобритания не хотят сокращать своё вооружение, не хотят разоружаться, тормозят разоружение, что даёт основание для тревоги в рядах миролюбивых наций. Заявление Бевина в Саутпорте о том, что он не собирается содействовать разоружению, служит убедительным ответом на вопрос о причинах неудовлетворительного положения вещей с выполнением решения Ассамблеи о сокращении вооружений. Об этом же говорит недавнее выступление Трумэна в Петрополисе, в котором президент США подчеркнул, что военные силы США будут сохранены, причём президент ни словом не обмолвился об обязательстве произвести какое-либо сокращение вооружённых сил, принятом на себя Объединёнными нациями в соответствии с решениями Генеральной Ассамблеи.

Такая позиция США и Великобритании в вопросе о сокращении вооружений и отсутствие положительных результатов в решении

задач, указанных в резолюции от 14 декабря 1946 г., порождает, как мы сказали, справедливую тревогу и беспокойство за успех начатого дела, чему особенно содействуют гонка вооружений, включая атомное оружие, и военные приготовления некоторых могущественных в военном и экономическом отношении государств. Тем самым подрывается вера в искренность миролюбивых деклараций и заявлений о решимости избавить грядущие поколения от бедствий войны.

II. США СРЫВАЮТ РАБОТУ ПО ЗАПРЕЩЕНИЮ АТОМНОГО ОРУЖИЯ

Особенную тревогу вызывает у миллионов простых людей неудовлетворительное положение дела с запрещением атомного и других основных видов оружия массового уничтожения. Такая тревога является тем более основательной, что атомное оружие представляет собой оружие нападения, оружие агрессии. В результате полутора лет работы атомной комиссии ни одна из задач, поставленных перед ней резолюцией Генеральной Ассамблеи от 24 января 1946 г., не только не выполнена, но и не достигнут какой-либо прогресс в деле их выполнения.

Советское правительство, со своей стороны, предприняло ряд шагов для того, чтобы содействовать положительному разрешению этого вопроса. В дополнение и в развитие своего предложения относительно заключения международной конвенции о запрещении атомного и других основных видов оружия массового уничтожения Советское правительство внесло на рассмотрение атомной комиссии предложение об основных положениях международного контроля над атомной энергией. Однако это предложение встретило противодействие со стороны, главным образом, Соединённых Штатов. Полагая, что у США останется монопольное положение в отношении атомного оружия, США сопротивляются всяким попыткам добиться уничтожения имеющихся у них запасов атомных бомб и запрещения их дальнейшего производства и в то же время сами систематически расширяют производство этих бомб. Возникшие на этой основе разногласия между членами комиссии мешают её работе и парализуют все усилия, направленные на то, чтобы успешно разрешить поставленную перед комиссией задачу.

Между тем не подлежит сомнению, что многие разногласия могли бы быть устранены при более объективном подходе к делу со стороны некоторых делегаций и в том числе американской делегации. Можно было бы устранить, например, разногласие, возникшее в связи с предложением советской делегации об уничтожении запасов готовых атомных бомб после вступления в силу конвенции о запрещении атомного оружия. Как известно, большинство комиссии выразило принципиальное согласие с необходимостью уничтожения запасов атомного оружия и использования содержащегося в нём ядерного горючего лишь в мирных целях. Только делегация Соединённых Штатов Америки продолжает возражать против уничтожения запаса атомных бомб, препятствуя, таким образом, принятию решения по этому вопросу, одобренного большинством комиссии.

Обращает на себя внимание и положение, создавшееся в вопросе

об инспекции. До последнего времени американская делегация подчёркивала особое значение инспекции. В предложениях советской делегации инспекция также занимает место основного мероприятия после запрещения атомного оружия. Однако в настоящее время американская делегация неожиданно стала умалять значение инспекции, выдвигая на первый план другие вопросы — о передаче атомных предприятий в собственность международному органу, об управлении, лицензировании и т. д.

При этом американская делегация не хочет считаться с мнением авторитетных учёных, которые, как об этом говорит, например, меморандум Британского совета ассоциации учёных-атомников, в состав которой входят такие видные деятели науки, как Рудольф Пайэрлс, Олифант, Мун и др., возражают против того, чтобы средства производства атомной энергии принадлежали органу международного контроля. Как известно, в указанном меморандуме английские учёные подчёркивают, что предоставление этому органу средств производства «в полнсе владение в обычном смысле этого слова вызвало бы затруднения, так как оно дало бы органу по контролю над атомной энергией право решать, имеет ли та или иная страна право строить энергетические заводы и право препятствовать использованию энергии, произведённой на таких заводах, или устанавливать условия снабжения такой энергией».

Английские учёные, критикуя положение, отстаиваемое американской делегацией, ещё со времени деятельности Баруха, справедливо говорят: «Такие ограничения создавали бы возможность для вмешательства в экономическую жизнь каждой страны в такой степени, которая не является необходимой для того, чтобы воспрепятствовать применению атомной энергии для разрушительных целей». Это — голос людей науки, рассматривающих данную проблему в аспекте интересов научного прогресса, который несовместим с неограниченным контролем со стороны какого-либо централизованного международного органа над научно-исследовательской работой, устремлённой на мирные цели, на цели открытия и увеличения энергетических ресурсов.

Вот почему меморандум английских учёных-атомников высказывается за план, который явился бы гарантией от накопления опасных материалов без разрешения органов по контролю над атомной энергией и в то же время дал бы возможность всем странам проявлять инициативу в строительстве на своей территории заводов, производящих атомную энергию в дополнение к другим энергетическим ресурсам.

III. СССР ЗА ЗАПРЕЩЕНИЕ АТОМНОГО ОРУЖИЯ, ЗА СТРОГИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОНТРОЛЬ

В интересах укрепления всеобщего мира Советский Союз предложил заключить конвенцию о запрещении применения атомного оружия во всех случаях. Это предложение Советского Союза получило широкий отклик и поддержку во всех странах. «Такая конвенция,— говорится в меморандуме Британской ассоциации научных

работников,— кажется нам весьма желательной, и трудно оправдать нежелание со стороны Великобритании и США согласиться с этим». Оценивая требование СССР уничтожить запасы готового атомного оружия и прекратить его производство, британские учёные пишут, что такое требование кажется чрезвычайно разумным.

Советский Союз стоит за строгий международный контроль над предприятиями атомной энергии, который, однако, не должен переходить во вмешательство в те отрасли национальной промышленности и в те вопросы, которые не связаны с атомной энергией. И здесь правы английские учёные-атомники, высказывающие в меморандуме, опубликованном 23 января, пожелание, «чтобы право инспекции было, насколько это возможно, ограничено и не являлось средством проявления чрезмерного любопытства в отношении законной промышленности и других видов деятельности».

В своём меморандуме, опубликованном в августе с. г., британские учёные ещё раз указывают на необходимость ограничить определёнными рамками права инспекции, которая не должна служить целям организованной экономической и военной разведки. «США и других сторонников плана Баруха,— указывается в меморандуме,— следует побудить сформулировать гарантии, которые обеспечивали бы такое положение, когда никакой план инспекции не превратился бы в тщательно разработанную систему шпионажа».

Исходя из изложенных выше принципов организации международного контроля, который, повторяем, должен быть реальным, сильным и эффективным, советская делегация считает необходимым инспекционные органы поставить в известные рамки, их права ограничить задачами действительного контроля над атомной энергией, исключив возможность использования контрольных органов для того, чтобы произвольно залезать в любые отрасли народного хозяйства, не считаясь даже с тем, что такого рода вмешательство может лишь подорвать и развалить народное хозяйство любой страны.

Американская делегация и некоторые другие поддерживающие её делегации особенно ратуют за то, чтобы владел и управлял всеми заводами, производящими атомные материалы в опасном количестве, международный контрольный орган, превращающийся в собственника, который будет поступать так, как этого требуют интересы большинства членов этого органа, на доброжелательное отношение которых к себе Советский Союз не может рассчитывать. Но именно такого положения и добиваются делегации, группирующиеся вокруг американской делегации и действующие под её руководством. Уже цитированный выше меморандум английских учёных не скрывает того обстоятельства, что американский план организации контроля над атомной энергией предусматривает меры, которые, как говорится в меморандуме, «можно истолковать как поддерживающие господство Соединённых Штатов в области атомной энергии»...

Против такого положения советская делегация возражает и будет возражать впредь, добиваясь не господства одной страны в международном контрольном органе, а равенства всех участников этого органа во всей его деятельности.

В этой связи также надлежит напомнить, что представители США в атомной комиссии упорно возражают против одновременного установления контроля над атомным производством во всех его стадиях — от добычи сырья до выпуска готовой продукции.

Представители США предлагают отложить на неопределённое время установление контроля над наиболее опасными конечными стадиями атомного производства, в которых США считают себя в данное время монополистами. Они настаивают вместе с тем на немедленном введении контроля над первоначальной стадией — добычей сырья.

Совершенно ясно, что американская позиция не может не быть расшифрована как позиция, направленная на то, чтобы контроль не был распространён на Соединённые Штаты Америки, в то время как все другие страны были бы теперь же подчинены международному контролю.

Таково положение дел в атомном вопросе.

Разумеется, нельзя рассчитывать на успех работы, в которой со стороны некоторых делегаций не проявляется стремления к сотрудничеству во имя достижения целей, указанных в резолюции Генеральной Ассамблеи от 14 декабря прошлого года. Нельзя терпеть такое положение, нельзя мириться с тем, что всё ещё не устранена угроза использования атомной энергии в целях массовых разрушений и истребления мирного населения. Совесть народов не может мириться с таким положением, когда, несмотря на призыв организации Объединённых наций покончить с атомным оружием и другими основными видами массового уничтожения людей, не только продолжается, но всё более расширяется изготовление средств массового истребления.

IV. ПЛАНЫ ТРУМЭНА — МАРШАЛЛА НЕСОВМЕСТИМЫ С ПРИНЦИПАМИ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

Особенно яркими примерами нарушения принципов организации и игнорирования её являются так называемые доктрина Трумэна и «план Маршалла».

Как показал опыт последних месяцев, провозглашение этой доктрины означало переход правительства США к прямому отказу от принципов международного сотрудничества и согласованных действий великих держав, к попыткам диктовать свою волю другим независимым государствам, используя в то же время экономические средства, выделяемые как помощь отдельным нуждающимся странам, явно для политического давления. Об этом наглядно свидетельствуют мероприятия правительства США, проводимые им вне и в обход организации Объединённых наций в Греции и Турции, а также мероприятия, намечаемые в соответствии с так называемым «планом Маршалла» в Европе. Эта политика находится в резком противоречии с принципом, провозглашённым Генеральной Ассамблеей в резолюции от 11 декабря 1946 г. о том, что помощь другим странам «никогда не должна быть использована в качестве политического оружия».

«План Маршалла» по существу представляет собой, как это теперь очевидно, лишь приспособленный к условиям послевоенной Европы вариант доктрины Трумэна. Выдвигая этот «план», правительство США, очевидно, рассчитывало при содействии правительств Великобритании и Франции поставить европейские страны, нуждающиеся в помощи, перед необходимостью отказаться от своего неотъемлемого права распоряжаться своими экономическими ресурсами, планировать по-своему национальное хозяйство, рассчитывало поставить все эти страны в прямую зависимость от интересов американских монополий, стремящихся предотвратить надвигающийся кризис ускоренным экспортом в Европу товаров и капиталов.

Как известно, не все страны Европы, несмотря на их нужду и трудности послевоенного экономического восстановления, согласились пойти на такое ущемление их суверенитета, на такое вмешательство в их внутренние дела, а те страны, которые пошли на известные переговоры по этому поводу в Париже, всё больше начинают понимать опасность своего положения, всё больше осознают истинный смысл этих предложений о помощи. Становится всё более очевидным для всех, что проведение в жизнь «плана Маршалла» будет означать подчинение европейских стран экономическому и политическому контролю со стороны США и прямое вмешательство последних во внутренние дела этих стран.

Вместе с тем этот план является попыткой расколоть Европу на два лагеря и завершить с помощью Великобритании и Франции образование блока ряда европейских стран, враждебного интересам демократических стран Восточной Европы и в первую очередь Советского Союза.

Важной особенностью этого плана является стремление противопоставить странам Восточной Европы блок ряда западноевропейских стран, включая и Западную Германию. При этом имеется в виду использовать Западную Германию и германскую тяжёлую промышленность (Рур) в качестве одной из важнейших экономических баз американской экспансии в Европе, вопреки национальным интересам стран, являющихся жертвами германской агрессии.

Достаточно напомнить об этих фактах, чтобы стала совершенно бесспорной полная несовместимость такой политики США и политики поддерживающих их британского и французского правительств с основными принципами организации Объединённых наций.

У. НАРУШЕНИЕ РЕШЕНИЙ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЁННЫХ НАЦИЙ

Нельзя также признать нормальным такое положение во взаимоотношениях между членами организации Объединённых наций, при котором иностранные вооружённые силы продолжают находиться на территориях государств — членов организации, являясь средством политического вмешательства в их внутренние дела и создавая тем самым неравноправные, зависимые, противоречащие Уставу отношения между государствами. Британские войска всё ещё находятся в Египте — вопреки воле последнего, в Греции — в нарушение её государственной конституции, в Трансиордании, которая

обратилась с просьбой о принятии её в члены организации. Американские войска продолжают пребывать в Китае, что отнюдь не способствует установлению там внутреннего мира и спокойствия. Пребывание иностранных войск на невражеских территориях не должно иметь места, если это пребывание не связано с охраной коммуникаций с бывшими вражескими территориями в период их оккупации. Упрочение всеобщего мира и взаимного доверия между странами требует скорейшего и положительного разрешения вопроса об эвакуации с территории невражеских государств иностранных войск, не несущих охраны коммуникаций с бывшими вражескими странами.

Следует также отметить невыполнение некоторыми членами организации важных решений Ассамблеи: по испанскому вопросу (Аргентина), по вопросу о дискриминации индийцев в Южной Африке, об установлении опеки над бывшей подмандатной территорией Юго-Западной Африки (Южно-Африканский Союз).

Генеральная Ассамблея не может пройти мимо таких действий отдельных членов организации, срывающих достижение целей, поставленных в её решениях, и умаляющих авторитет организации Объединённых наций.

В этой связи мы не можем не коснуться событий, происходящих в Индонезии. Эти события нельзя квалифицировать иначе, как акт агрессии, совершённый против индонезийского народа государством, являющимся членом Объединённых наций. Неспровоцированное военное нападение Голландии на Индонезийскую республику вызвало законное возмущение всех честных людей в мире. И что же, разве организация Объединённых наций оказала должную защиту индонезийскому народу? Все мы знаем, что этого не случилось. В результате рассмотрения индонезийского вопроса на Совете безопасности некоторые государства приложили немало усилий для того, чтобы умалить значение происходящих в Индонезии событий и навязать такое решение Совету безопасности по этому вопросу, которое ни в коем случае нельзя считать достаточным для ограждения законных интересов Индонезийской республики, ставшей жертвой военного нападения.

Ясно, что подобные решения не могут не подрывать авторитета организации Объединённых наций, которая как раз и призвана для того, чтобы обеспечить поддержание мира между народами.

Обращает при этом на себя внимание то, что, не проявляя должного интереса к устранению неудовлетворительного положения вещей с разрешением испанского и других названных выше вопросов, некоторые влиятельные державы проявляют особый интерес к иранскому вопросу, который всё ещё продолжает оставаться в повестке дня Совета безопасности спустя полтора года после его полного урегулирования, а также после заявления самого Ирана с просьбой о снятии этого вопроса с повестки дня Совета безопасности. Достоинно внимания такое упорное стремление делегатов США и Великобритании во что бы то ни стало, рассудку вопреки, удерживать иранский вопрос на повестке дня Совета безопасности для каких-то, очевидно, специфических целей. Тем более заслуживает

внимания то, что сверхординарное упорство в этом деле американского и английского членов Совета не смогло поколебать даже вполне обоснованное разъяснение генерального секретаря о том, что не существует никаких оснований, чтобы Совет занимался так называемым иранским вопросом.

Касаясь вопроса о Совете по опеке, советская делегация считает также необходимым отметить следующее:

На заседании Генеральной Ассамблеи 13 декабря 1946 г. делегация СССР подвергла критике представленные на утверждение Ассамблеи соглашения об опеке над бывшими подмандатными территориями, поскольку как самая подготовка этих соглашений, так и некоторые их статьи не соответствуют требованиям, предусмотренным Уставом Объединённых наций. То обстоятельство, что в основу организации Совета по опеке были положены указанные соглашения с отмеченными выше недостатками, не могло, конечно, не оказать влияния на отношение делегации СССР к выборам членов Совета, организованного на основе этих соглашений. Советская делегация и в настоящее время придерживается точки зрения, высказанной по этому поводу на заседании Ассамблеи 13 декабря 1946 г.

Делегация Советского Союза, являющегося постоянным членом Совета по опеке, хотела бы надеяться, что отмеченные выше нарушения Устава, имевшие место при заключении соглашений по опеке, будут исправлены, что, несомненно, облегчило бы Совету по опеке выполнение стоящих перед ним задач.

Само собой понятно, что это было бы как в интересах организации Объединённых наций в целом, так и в интересах населения территории под опекой.

Неудовлетворительное положение в работе организации Объединённых наций не случайно, а является следствием отношения к организации со стороны ряда стран — членов этой организации и в первую очередь США и Великобритании. Такое отношение не содействует укреплению организации и не служит делу международного сотрудничества. Наоборот, оно ведёт к ослаблению и расшатыванию организации Объединённых наций, что, несомненно, отвечает планам и намерениям реакционных кругов указанных стран, под влиянием которых и проводится соответствующая политика.

VI. СССР ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Что касается Советского Союза, то его политика в отношении организации Объединённых наций — это политика укрепления этой организации, политика расширения и укрепления международного сотрудничества, политика неуклонного последовательного соблюдения Устава и проведения в жизнь его принципов.

Укрепление организации Объединённых наций возможно лишь на основе уважения политической и экономической независимости государств, на основе уважения суверенного равенства народов, а также последовательного и безусловного соблюдения одного из важнейших принципов организации Объединённых наций — принципа согласованности и единогласия великих держав при решении важ-

нейших вопросов по поддержанию международного мира и безопасности. Это находится в полном соответствии с особой ответственностью этих держав за сохранение всеобщего мира и является гарантией защиты интересов всех стран — членов организации Объединённых наций, больших и малых.

Советский Союз считает своим долгом решительно бороться против всякой попытки поколебать этот принцип, какими бы мотивами эти попытки ни прикрывались.

Мне остаётся сказать ещё несколько слов относительно выступления государственного секретаря США г-на Маршалла. В этом выступлении были затронуты вопросы, уже не раз служившие предметом дискуссии. Большинство этих вопросов включено в повестку дня Ассамблеи отдельными пунктами, и, следовательно, мы будем иметь возможность высказаться по этим вопросам в своём месте и в своё время. В выступлении г-на Маршалла были поставлены также новые вопросы. Советская делегация считает необходимым теперь же остановиться на некоторых из этих вопросов.

Вопрос об угрозе независимости и территориальной целостности Греции. Оставляя обсуждение этого вопроса в должном объёме до того момента, когда Ассамблея по установленному порядку дня займётся этим вопросом, советская делегация считает необходимым отметить лишь, что самая постановка этого вопроса лишена какого бы то ни было основания. Выдвинутые американской делегацией обвинения против Югославии, Болгарии и Албании совершенно произвольны и бездоказательны. Они идут гораздо дальше выводов большинства комиссии, которые не поддержала почти половина членов этой комиссии и которые не выдерживают критики при сколько-нибудь серьёзном отношении к тем данным, на которых эти выводы основываются. Нетрудно будет доказать, что доклад большинства комиссии по так называемому греческому вопросу полон противоречий и грубых натяжек, лишаящих выводы этого большинства какого-либо значения.

Вопрос о Корее. Совершенно произвольно и неправильно изобразив дело так, что бесплодность работы Советско-американской комиссии по Корее оказалась отнесённой за счёт советской стороны, г-н Маршалл внёс предложение, которое является прямым нарушением Московского соглашения трёх министров иностранных дел в декабре 1945 г. по Корее. По этому соглашению США и СССР взяли на себя обязательство совместно подготовить решение вопроса об объединении Кореи в независимое демократическое государство. Новое предложение г-на Маршалла является нарушением обязательств, принятых на себя Соединёнными Штатами Америки, и поэтому неправильным и неприемлемым. Вместо того, чтобы, следуя декабрьскому Московскому соглашению о Корее, принять меры для выработки установленных мероприятий и внести их на совместное обсуждение правительств США, СССР, Великобритании и Китая, правительство США предпочитает нарушить принятые на себя обя-

зательства, пытаюсь прикрыть свои односторонние и не оправданные никакими обстоятельствами действия авторитетом Генеральной Ассамблеи. Советское правительство не может согласиться с таким нарушением указанного соглашения о Корее и будет настаивать на отклонении предложения, внесённого г-ном Маршаллом, как противоречащего обязательствам, принятым на себя по соглашению трёх держав о Корее.

Вопрос о временном комитете для «постоянного внимания к работе Ассамблеи» и для решения вопросов «постоянного характера». Г-н Маршалл предлагает предусмотреть создание комитета Генеральной Ассамблеи постоянного характера под названием «временный комитет по вопросам мира и безопасности». Несмотря на оговорки, имеющиеся в американском предложении, что этот комитет не будет затрагивать вопросы, главная ответственность за которые возлагается на Совет безопасности и специальные комиссии, не оставляет никакого сомнения, что попытка создать временный комитет является не чем иным, как плохо прикрытой попыткой подменить и обойти Совет безопасности. Функции этого комитета по рассмотрению ситуации и споров, наносящих ущерб дружеским отношениям, являются не чем иным, как функциями Совета безопасности, предусмотренными, в частности, статьёй 34 Устава. Уже в силу этого обстоятельства эти функции не могут быть переданы никакому другому учреждению, как бы это учреждение ни называлось, без явного и прямого нарушения Устава организации Объединённых наций, с чем, разумеется, советская делегация никак не может согласиться и против чего она будет решительно возражать. Повторяю, если указанные выше новые предложения, а также старые предложения в новой форме будут внесены американской делегацией на рассмотрение Генеральной Ассамблеи, советская делегация оставляет за собой право дать более подробный развёрнутый анализ этих предложений при обсуждении этих вопросов по существу, добиваясь отклонения этих предложений как противоречащих принципам, целям и задачам организации Объединённых наций, как предложений, принятие которых способно лишь подорвать самые основы организации Объединённых наций.

ВИ. ПРОПАГАНДА НОВОЙ ВОЙНЫ И США

Советская делегация считает необходимым поставить перед Генеральной Ассамблеей весьма важный вопрос о мерах против все усиливающейся в ряде стран пропаганды новой войны.

Уже более двух лет прошло с тех пор, как в Сан-Франциско был подписан, а затем ратифицирован пятьюдесятью двумя государствами Устав организации Объединённых наций, положивший начало деятельности нового международного объединения, поставившего своей задачей обеспечение мира и безопасности народов, развитие и укрепление международного сотрудничества для содействия экономическому и социальному прогрессу народов. Создание организации Объединённых наций относится к тому периоду, когда был разгромлен главный враг демократических стран — гитлеровская

Германия и когда был близок день разгрома Японии. Попытка этих врагов человечества утвердить своё мировое господство потерпела полное крушение в результате исторической победы демократических стран во главе с англо-советско-американской коалицией. Два исконных очага войны были уничтожены. Мы хотим быть уверенными, что они уничтожены навсегда, что поставленная союзниками задача полного разоружения Германии и Японии будет доведена до конца и что эти государства никогда не будут вновь угрожать свободолюбивым народам войной и агрессией. Мы хотим быть уверенными, что суровый урок, который агрессивные государства получили в минувшую вторую мировую войну, не прошёл бесследно, и что судьба сурово наказанных агрессоров в минувшей войне послужит грозным предостережением тем, кто, пренебрегая принятыми на себя обязательствами — развивать дружественные отношения между народами и укреплять мир и безопасность во всём мире, тайно и явно ведёт подготовку к новой войне. Военный психоз, подпореваемый усилиями милитаристских и экспансионистских кругов некоторых стран, и, в первую очередь, Соединённых Штатов Америки, всё более и более распространяется и принимает всё более угрожающий характер.

Уже в течение длительного времени ведётся бешеная кампания в печати, преимущественно американской, и в печати стран, послушно следующих за США, вроде Турции, по обработке мирового общественного мнения в пользу новой войны. Пущены в ход все средства психологического воздействия — газеты, журналы, радио, кино.

Эта пропаганда новой войны ведётся под самыми разнообразными флагами и предлогами. Но как бы ни были разнообразны эти флаги и предлоги, суть всей пропаганды одна: оправдать бешеную гонку вооружений в США, включая и атомное оружие, оправдать не знающее пределов стремление влиятельных кругов США к осуществлению экспансионистских планов, в центре которых стоит сумасбродная «идея» о мировом господстве.

Со страниц американской печати широкими потоками льётся проповедь новой войны и призывы лучше и скорее к ней подготовиться. Целый ряд газет и журналов, главным образом американских, изо дня в день на все лады кричат о новой войне, систематически ведя эту тлетворную психологическую обработку общественного мнения своих стран. Поджигатели войны ведут пропаганду под прикрытием криков об укреплении национальной обороны и необходимости борьбы против военной опасности, якобы угрожающей им со стороны других стран. Всеми способами и средствами пропагандисты и поджигатели войны стараются запугать мало осведомлённых в политике людей баснями и злобными измышлениями о якобы готовящемся нападении на Америку со стороны Советского Союза. Они, конечно, хорошо знают, что говорят ложь, что Советский Союз никак не угрожает нападением на какую-либо страну, что Советский Союз отдаёт свои силы делу восстановления разрушенных и вообще пострадавших от войны районов, делу восстановления и дальнейшего развития своего народного хозяйства.

Пропагандистам и поджигателям войны, подвизающимся в США, а также в Англии, Турции, Греции и в некоторых других странах, хорошо известно, что в Советском Союзе весь наш народ — рабочие, крестьяне и интеллигенция единодушно осуждают всякие попытки разжечь новую войну. Да это в Советском Союзе и невозможно. (Аплодисменты.) Советский Союз занят мирным строительством, поглощён мирной работой, которой у него непочатый край, работой по восстановлению разрушенных войной районов, по укреплению и дальнейшему развитию своего народного хозяйства, пострадавшего от тяжёлых ударов войны, навязанной Советскому Союзу гитлеровскими разбойниками. В Советском Союзе, в стране социалистической демократии, в стране мирного строительства новой жизни, нет и не может быть ничего даже отдалённо напоминающего то, что делается в некоторых странах, считающих себя демократическими и передовыми и в то же время допускающих такие позорные явления, как пропаганда войны, как отравление общественного сознания ядом человеконенавистничества и вражды к другим народам. Если бы в Советском Союзе кто-нибудь допустил хотя бы в ничтожной доле такое выступление, пропитанное преступной жадной новой человеческой бойни, то такое выступление встретило бы суровый отпор и общественное осуждение, как тяжкое общественно опасное деяние.

Тем не менее, у этих господ, сделавших своей профессией травлю Советского Союза и других демократических стран Восточной Европы, а также травлю последовательных демократов и противников новой войны в других странах, нет недостатка в лживых и клеветнических измышлениях, фабрикуемых этими провокаторами и поджигателями войны и распространяемых через многочисленные информационные каналы по всему миру.

Они настойчиво проповедают неизбежность и даже необходимость новой войны, прикрывая это якобы необходимостью предупредить агрессивную политику... Советского Союза и других стран Восточной Европы. Вот уже поистине — с большой головы на здоровую! Поистине, как говорит русская пословица: сам дерёт и сам же орёт! (Аплодисменты.)

Подготовка к новой войне ведётся буквально на глазах у всего мира. Да это не пытаются уже скрывать пропагандисты и поджигатели войны. Они открыто угрожают войной миролюбивым народам, хотя всячески и стараются именно на них переложить ответственность за развязывание нового очага бойни.

Подготовка к новой войне, как можно судить по ряду признаков, вышла уже из стадии голый пропаганды, психической обработки и игры нервов. Многочисленные факты говорят о том, что в некоторых государствах, — в особенности это относится к США, — военный психоз подогревается проведением в жизнь практических мероприятий военно-стратегического характера, сочетающихся с такими организационно-техническими мерами, как строительство и организация новых военных баз, передислокация вооружённых сил в соответствии с планами будущих военных операций, усиление произ-

водства нового вооружения и лихорадочная работа по усовершенствованию оружия.

Одновременно сколачиваются военные блоки, заключаются военные соглашения о так называемой взаимной обороне, проводятся мероприятия по унификации вооружения, разрабатываются в генеральных штабах планы новой войны... Не без основания известный американский радиокомментатор Леон Пирсон в своём недавнем выступлении должен был признать, что «американские офицеры медленно и тщательно готовятся к следующей мировой войне, в которой противником будет Россия».

Так действуют поджигатели и пропагандисты новой войны. В страхе перед новым кризисом они поджигают новую войну, рассчитывая таким образом устранить надвигающуюся угрозу краха и потери своих прибылей.

Поджигатели новой войны носятся с сумасбродным планом вооружённой рукой подчинить своему господству страны, борющиеся за свою независимость, отвергающие право других держав вмешиваться в их внутренние дела, и пытаются диктовать им свои каноны внешней и внутренней политики.

Разжигая новую войну и подстрекая своих единомышленников на борьбу против некоторых государств, поджигатели нового военного пожара думают добиться своих целей в порядке локальной войны. Они, видимо, не учитывают опыта минувших войн, которые учат тому, что в нынешнюю эпоху всякая новая война неизбежно превратится в новую *всемирную* войну. Они забывают, что новая всемирная война со всеми её бессмысленными разрушениями, гибелью многих и многих городов, уничтожением миллионов людей и накопленным человеческим трудом громадных материальных ценностей обрушится на человечество новым величайшим бедствием и отбросит его на многие десятилетия назад.

ВОЙНА — ИСТОЧНИК НАЖИВЫ АМЕРИКАНСКИХ МОНОПОЛИСТОВ

В этой пропаганде новой войны наиболее активную роль взяли на себя представители американских капиталистических монополий, представители крупнейших предприятий и ведущих отраслей американской промышленности, банковских и биржевых кругов. Это — те круги, которые извлекли из второй мировой войны, как в своё время это имело место и в отношении первой мировой войны, крупные барыши, заработав на этой войне громадные капиталы. Если сравнить пять предвоенных лет (с 1935 по 1939 г. включительно) с пятью годами второй мировой войны (с 1940 по 1944 г. включительно), то окажется, что прибыли всех американских корпораций за пять предвоенных лет, за вычетом налогов, составляли 15,3 миллиарда долларов, а за пять лет второй мировой войны прибыли этих корпораций (после уплаты налогов) составляли 42,3 миллиарда долларов. По данным департамента торговли, чистая прибыль этих корпораций за шесть лет войны (с 1940 по 1945 г.) составила 52 миллиарда долларов. Это прибыль, заработанная на человеческой крови, разрушенных городах, миллионах и миллионах вдов и сирот, оплакивающих своих погибших кормильцев.

Журнал «Экономическое обозрение», издаваемый конгрессом «Индустриальные организации», в № 11 за 1946 г. приводит интересные данные об увеличении прибылей (после уплаты налогов) пятидесяти компаний за 1945—1946 гг. Из этих данных видно, что отдельные монополии бешено нажились на войне, получив прибыли в 200—300 и выше процентов, причём в отдельных случаях эти прибыли достигали даже 500 и почти 800 процентов (например, Атлантическая сахароваренная компания).

По свидетельству указанного журнала, эти прибыли были в четыре раза больше средних прибылей в период 1936—1939 гг. Что касается торговых прибылей, то, как об этом заявил Джон Стильман, директор управления экономической стабилизации, в октябре 1946 г. они достигли самой высокой точки за всю свою историю.

Таким образом, война оказывается не столь уже ненавистой для тех групп общества в некоторых странах, которые умело используют военные бедствия в интересах обогащения. Не случайно поэтому Джеймс Аллен в своей книге «Международные монополии и мир», констатируя наблюдающуюся в капиталистических странах «потерю равновесия» и «радикальное расстройство» в экономике, цитирует из доклада правительственной организации по исследованию данного вопроса рассуждение, дающее основание для такого вывода, что «только в условиях войны современная экономическая система может обеспечить приблизительно полную занятость».

Едва ли нужны какие-либо комментарии к этому откровенному признанию: оно достаточно красноречиво говорит само за себя.

Следует отметить, что капиталистические монополии, обеспечившие себе во время войны решительное влияние, сохранили это влияние и по окончании войны, умело используя для этого миллиардные правительственные субсидии, дотации и то покровительство, которое они неизменно получали и получают со стороны различных правительственных органов и учреждений. Этому содействуют тесные связи монополий с сенаторами, членами правительства, которые сами сплошь и рядом принадлежат к числу руководителей или участников монополий.

Такое положение наложило свой отпечаток и на промышленную научно-техническую деятельность, сосредоточенную в лабораториях различных крупных предприятий, акционерных обществ, трестов, концернов.

Это надо сказать и об исследованиях в области использования атомной энергии. С этими работами наиболее тесно связаны такие капиталистические монополии, как химический трест Дюпонов, химическая компания «Монсанто кемикл», компании «Вестингауз», «Дженерал электрик», «Стандард ойл» и др., являющиеся полными хозяевами в этой области. До войны они поддерживали самые тесные картельные связи с германскими трестами, причём во многих картельных соглашениях предусматривалось, что обмен информацией должен возобновиться после войны.

Все эти факты в достаточной степени могут объяснить исключительную заинтересованность различных капиталистических монопо-

лий в производстве атомного оружия. В этих фактах можно найти объяснение того упорного сопротивления справедливым требованиям запретить производство атомного оружия и уничтожить запасы атомных бомб, в производство которых вложены крупнейшие денежные средства.

Погоня капиталистических монополий за прибылями, стремление во что бы то ни стало сохранить и дальше развить те отрасли военной промышленности, которые обеспечивают получение высоких прибылей, не могут не влиять и на направление внешней политики, усиливая милитаристские, экспансионистские и агрессивные тенденции этой политики в угоду всё более усиливающимся аппетитам влиятельных монополистических кругов.

кто поджигает новую войну?

Вот та почва, которая питает в США пропаганду новой войны, застрельщиками которой являются не только крупные представители американских влиятельных промышленных и военных кругов, влиятельные органы печати и крупные политические деятели, но и официальные представители американского правительства. Не случайно, что среди них особенно яростными подстрекателями к новой войне являются те, кто тесно связан с торгово-промышленными и финансовыми трестами, концернами, монополиями.

Нет необходимости называть многих из них. Достаточно остановиться на некоторых, имея в виду, разумеется, не их личностные взгляды, личные качества их и т. д., а главным образом те общественные группы, учреждения, промышленные, технические, научные общества, взгляды и интересы которых представляют эти лица.

1. Дорн, член палаты представителей, 7 мая при обсуждении в палате представителей предложения об ассигнованиях для оказания «помощи» греческому и турецкому правительствам сделал циничное заявление, достойное матерого поджигателя войны, что «Советский Союз нельзя остановить при помощи четырёхсот миллионов долларов, но это можно сделать при помощи крупных воздушных сил и бомбардировки потенциальных промышленных центров СССР, промышленного района Уральских гор и других жизненно важных районов». И это было сказано в палате представителей Соединённых Штатов человеком, считающим себя представителем американского народа.

2. Председатель Национальной промышленной конференции Джордан и клеветнически отзывался о Советском Союзе. По словам распорядившегося Джордана, США «должны произвести много атомных бомб и быстро сбросить их независимо от того, существуют ли какие-либо причины полагать, что данная страна производит вооружение».

3. Эрл, бывший посланник США в Болгарии, в комиссии палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности провокационно заявил, что США должны немедленно использовать атомные бомбы против страны, которая отказывается согласиться с американским проектом системы инспекции. Пугая советскими «реактивными бомбами с подводных лодок», он настаивал на том,

чтобы «секретно разработать самые ужасные виды оружия», «информировать русских, что, когда против нас (США) будет сброшена первая атомная бомба, мы уничтожим каждую деревню в России». Эрл настаивал на применении атомных бомб против Советского Союза.

4. И то н, председатель комиссии по иностранным делам палаты представителей, опубликовал в журнале «Америкэн мэгезин» статью, в которой заявлял, что «мы всё ещё можем блокировать Россию психологически; если мы не добьёмся успеха, мы должны разгромить её силой оружия...» Где это говорится? Это говорится в журнале «Америкэн мэгезин». Кто это говорит? Это говорит председатель комиссии по иностранным делам. Хороша будет иностранная политика у такого председателя комиссии по иностранным делам. (*Смех, оживление в зале.*)

5. Мак Магон, сенатор, бывший председатель объединённой комиссии конгресса по атомной энергии, заявил в конгрессе, что США «должны первыми сбросить атомные бомбы, если атомная война неизбежна».

В другой своей речи он заявил, что если не удастся договориться о международном контроле над атомной энергией, то у США остаются четыре возможности: «во-первых, накоплять громадные запасы атомных бомб; во-вторых, немедленно начать войну; в-третьих, создать международный контрольный орган без Советского Союза; в-четвёртых, установить дату вступления в силу международного контроля и объявить любую страну, отказывающуюся подчиниться ему, виновной в «агрессии».

6. Брукс, сенатор от штата Иллинойс, в своём выступлении в сенате 12 марта с. г. не постеснялся цинично заявить, что если бы Соединённые Штаты послушались советов, которые давала республиканская партия ещё до войны, и «дали бы немцам уничтожить Россию», теперешняя программа Трумэна не была бы необходимой. Он добавил, что США в военное время помогали Советскому Союзу, а теперь, заявил Брукс, они могут быть вынуждены вести войну против Советского Союза.

7. Генерал Дин (бывш. начальник военной миссии США в СССР) в своей книге заявил, что военная программа США должна быть рассчитана на то, чтобы справиться с «особой ситуацией, которую может повлечь за собой война с Россией».

8. Харвуд, вице-президент промышленной фирмы «Катлер Хаммер Инкорпорейтед», заявил, как сообщает газета «Джорнэл», что атомная бомба — слабое оружие, потому что она уничтожает чрезмерное количество недвижимого имущества вместо того, чтобы истреблять только людей. Этот Харвуд цинично заявил на совещании в американском профессиональном институте в Милуоки буквально следующее: «Хотя это и звучит бессердечно, всё же тот тип оружия, которым мы должны обладать, если мы должны будем вести войну, — это оружие, которое будет убивать только людей. Такое оружие устранил необходимость во время будущей войны восстанавливать страны и имущество в столь широких и дорого стоящих масштабах».

9. Наконец, я должен назвать имя всем хорошо известного Даллеса. (*Оживление в зале.*) Джон Фостер Даллес в своей речи

10 февраля с. г. в Чикаго призывал проводить «жесткий курс внешней политики по отношению к Советскому Союзу», утверждая, что если США откажутся от этого курса и будут рассчитывать на возможность добиться с Советским Союзом какого-либо компромисса, то война окажется неизбежной. В этой же речи Даллес хвалился, что со времени крушения Римской империи ни одна страна никогда не располагала таким огромным превосходством материальной мощи, как Соединённые Штаты, и призывал США использовать эту мощь для достижения своих целей. Нечего сказать, неплохой совет члена американской делегации в организации Объединённых наций. (*Смех, аплодисменты.*)

Смысл этих выступлений ясен. Это в одних случаях — открытое, а в других — плохо замаскированное подстрекательство к войне против СССР. Это провокационная попытка отвести глаза от настоящих поджигателей войны, прикрыть их поджигательскую работу демагогической клеветой насчёт «социальной революции во всём мире» и тому подобными бреднями в расчёте на доверчивость простоватых слушателей.

Таковы эти подстрекатели к новой войне из рядов американских политических деятелей, не останавливающиеся не только перед заведомо клеветническими выпадами против Советского Союза и перед разжиганием ненависти к СССР, но и систематически внушающие мысль о неизбежности и необходимости новой войны, систематически выступающие в роли пропагандистов и поджигателей новой войны.

Их выступления перекликаются с организованными выступлениями таких закоренелых реакционеров, как пресловутый Американский легион, на недавнем съезде которого некоторые из его участников, охваченные военным угаром, кричали о том, чтобы «никто не строил ложных иллюзий, будто бы США не возьмутся за меч, если потребуют обстоятельства». Психоз войны, военный угар делает своё дело, распространяя своё тлетворное влияние.

От реакционных политических деятелей, занимающихся поджигательством к войне, не отстают и многочисленные органы американской реакционной печати, находящейся в руках таких газетных магнатов, как Морган, Рокфеллер, Форд, Херст, Маккормик и др. Морган контролирует журналы «Тайм», «Лайф» и «Форчюн», издающиеся известным издательством «Таймс Инкорпорейтед», крупнейшим акционером которого является, между прочим, фирма «Браун Бразерс, Гарриман энд компани».

Известно, что крупнейшие капиталисты Америки являются собственниками или держат под своим контролем крупные органы печати — журналы, газеты, бюллетени, имеют собственные издательства, заполняющие книжный рынок соответствующей литературной продукцией. Вся эта печать по команде своих хозяев ведёт острую пропаганду за развязывание новой войны, пуская в оборот всевозможные инсинуации и фальшивки, сфабрикованные в соответствующем духе с целью возбудить ненависть к Советскому Союзу и другим восточноевропейским странам новой демократии. Со страниц этих газет и журналов изо дня в день раздаются провокационные призывы к нападению на другие страны, якобы угрожающие безопасности США.

хотя этим органам печати, как и их хозяевам, отлично известно, что на США никто нападать не собирается и что США никакая опасность в этом отношении не угрожает.

Нельзя, в качестве примера, не отметить, что такие органы печати, как «Нью-Йорк геральд трибюн» и целый ряд других аналогичных органов, преимущественно из херстовской печати, систематически печатают всевозможные провокационные статьи, внедряя в сознание своих читателей необходимость «военной акции, если в Европе наступит крах или она подпадёт под контроль Советского Союза». Таких выступлений не мало. Но главное, что нужно отметить,— не то, что такие выступления имеют место, а то, что они не встречают должного отпора, что только поощряет их к новым и новым провокациям.

Вся эта печать целиком в руках хозяев различных газетных предприятий и делает то, что ей приказывают, выдавая свои литературные упражнения за выражение общественного мнения, изображая дело так, будто она является глашатаем чувств, стремлений и чаяний американского народа. Однако можно с уверенностью сказать, что американский народ, как и народы других демократических стран, против новой войны, когда рубцы от второй мировой войны ещё не зажили на их теле. Но в большинстве случаев народ не имеет возможности в книгах, журналах и газетах с миллионными тиражами говорить о своих нуждах и желаниях. Это, конечно, облегчает дело пропагандистов и поджигателей новой войны, использующих своё привилегированное положение, вопреки интересам миролюбивых народов.

К изложенному выше нельзя не добавить несколько слов относительно пропаганды новой войны со стороны различных научных учреждений и университетов. Нельзя в этой связи не упомянуть о недавно опубликованном Иельском университетом сборнике под названием «Абсолютное оружие», в котором группа учёных авторов, говоря об атомном оружии и контроле над применением атомной энергии, не нашла ничего лучшего, как сделать вывод, что «наиболее сильным существующим средством предотвращения войны является способность начать атомную войну буквально мгновенно».

В этой книге под маской научной объективности излагаются различные варианты атомной войны, причём говорится, что если американским воздушным силам «удастся воспользоваться базами в Северной Канаде, то города Советского Союза окажутся на значительно более близком расстоянии», и что, таким образом, «явится возможность уничтожить, пользуясь своими базами, большинство крупных городов любой другой державы». Какая же это держава? — СССР. Вот о чём, оказывается, мечтают господа иельские учёные в своей книге «Абсолютное оружие».

В этой книге, посвящённой так называемому «абсолютному оружию» (атомной бомбе), группа американских авторов занимается подозрительными рассуждениями на тему о том, что «если мы (т. е. американцы.— А. В.) не сможем первыми нанести удар и тем самым устранить угрозу, прежде чем она превратится в действие, т. е. предпринять нечто такое, что наша конституция заведомо запрещает нам делать, то мы обречены на гибель, в результате атомной атаки...» Эти господа, оказывается готовы пожертвовать даже собственной

конституцией, лишь бы первыми напасть и первыми сбросить атомные бомбы, даже тогда, когда никто в мире и не собирается сбрасывать на Америку атомные бомбы. О том, что никто не собирается этого делать, известно и авторам этой лживой и клеветнической книги, но им выгодно лгать и клеветать, и наёмные перья писак в миллионах экземпляров разносят эту ложь по всему миру потому, что таков приказ монополий, держащих в своих руках рычаги информации.

В этой книге под прикрытием всякого рода «научных» рассуждений говорится об опасности «односторонних действий со стороны той или другой великой державы» и о том, что если в будущем и будут предприняты «односторонние действия», то их в значительно большей мере следует ожидать от Советского Союза. Из этого рассуждения следует провокационный вывод, что «серьёзная опасность для США заключается в том, что без должного предостережения с нашей стороны (т. е. со стороны США) Советский Союз может в один прекрасный день начать с нами войну».

Уже приведённых выдержек из этой книги достаточно для того, чтобы стало ясно, как разнообразны в Соединённых Штатах Америки формы и методы пропаганды новой войны, направленной, в первую очередь, против Советского Союза.

Как далеко зашла пропаганда новой войны, сопровождающаяся требованиями производства наиболее смертоносных видов оружия, можно судить по докладу Мерка, опубликованному в журнале «Кемикл энд инжиниринг ньюс», где в разделе под названием «Наука и цивилизация» открыто пропагандируются все смертоносные преимущества бактериологической войны. В этом же направлении построена и статья в журнале «Арми орднанс» о новом токсине, на исследование которого, по заявлению журнала, израсходовано 50 миллионов долларов, каковые расходы, однако, по выражению автора, «полностью оправданы», так как одной унции этого токсина достаточно, чтобы убить 180 миллионов человек.

Когда читаешь всю эту так называемую научную литературу, то чувствуешь, какая сатанинская энергия развивается поджигателями и пропагандистами новой войны, чтобы создать соответствующую атмосферу, дурманящую сознание людей военным угаром.

О том, какие настроения в общественных кругах создаются такого рода пропагандой, распространяющейся реакционерами по всему миру, и особенно дающие себя знать в сферах американского влияния, можно судить по статье английского журналиста Вернона Бартлета, опубликованной в начале августа этого года в лондонской газете «Ньюс кроникл». В этой статье можно прочесть знаменательные строки:

«С той минуты, когда человек, приезжающий в зону, подчинённую генералу Макартуру, попадает по пути в Японию на Окинаву, его поражает тон американских газет в их упоминаниях о Советском Союзе. Американского солдата безусловно нельзя винить, если на основе чтения этих газет он делает вывод, что война против России является, вероятно, делом месяцев.

Японцы были бы дураками, если бы они не обратили внимания на это близкое к истерии настроение».

С этим сообщением совпадает и сообщение журнала «Ньюс уик», опубликовавшего статью недавно возвратившегося из Японии редактора иностранного отдела этого журнала Керн. Керн заявляет, что в Японии американские генералы систематически обрабатывают японскую военщину в направлении неизбежности и необходимости войны против Советского Союза. Керн сообщает, что значительное число японских лётчиков-смертников, явившихся на американские аэродромы, заявляли о своей готовности участвовать в новой войне против России, которая, как они слышали, уже началась. Керн указывает на то, что японцы, вероятно, будут приветствовать возможность воевать с русскими и что японская армия, поддерживаемая Соединёнными Штатами, вероятно, могла бы «захватить русскую Азию» восточнее озера Байкал. К этому Керн добавил, что «господство Соединённых Штатов на морях сделало бы высадку возможной почти в любом месте. И сама Япония была бы в безопасности под защитой превосходящих американских воздушных и морских сил. Эти угрожающие стратегические факты объясняют, почему на японской мирной конференции отсутствие России никогда не будет чувствоваться». Эти факты, добавлю я от себя, объясняют и многое другое, от чего у каждого порядочного человека краска стыда должна залить лицо. (Аплодисменты.)

Таким образом, в течение уже длительного времени в Соединённых Штатах Америки систематически ведётся пропаганда войны, причём основное направление этой пропаганды сводится к следующему:

1. Всячески пропагандируется и внушается страх перед Советским Союзом, как могущественной державой, якобы стремящейся к мировому господству и готовящей нападение на США. При этом самым беззастенчивым образом используются всевозможные клеветнические вымыслы и провокационные выпады против СССР.

2. Ведётся открытая пропаганда усиления вооружений, дальнейшего усовершенствования атомного оружия при отказе от всякой попытки ограничить и тем более запретить употребление атомного оружия.

3. Проводятся открытые выступления с призывом к немедленному нападению на СССР, с использованием провокационных застрашиваний военной силой Советского Союза, с одной стороны, и необходимостью использовать нынешнее положение, когда, по мнению поджигателей войны, СССР слаб в военном отношении, не оправившись ещё окончательно после второй мировой войны. Таким образом, внушается страх перед мощным «белым медведем» — Советским Союзом, но тут же подстрекают: нападай скорее, пока этот белый медведь ещё не очень силен, пока у него ещё не закрылись все раны.

4. Всячески поддерживается в американском обществе военный психоз, разжигаемый и раздуваемый милитаристскими и экспансионистскими кругами США.

Это видят прогрессивные деятели США, делающие усилия разоблачить подготовку к войне, ведущуюся сейчас в Америке, и внести

отрезвление в сознание людей, охваченных военным угаром. Эти прогрессивные деятели США и прогрессивная часть американской печати разоблачают военную подготовку, ведущуюся в США при подстрекательстве военных групп и различных реакционных организаций.

Так, председатель организации «Прогрессивных граждан Америки» Кингдон в газете «Нью-Йорк таймс» по этому поводу писал, что в центре всей этой пропаганды находятся милитаристически настроенные лица, занимающие высокие посты в военном и морском министерствах, члены палаты представителей и сената, внимающие военным призывам, лидеры монополий и некоторые представители религиозных кругов. Военная партия, говорится далее, надеется, что можно будет сфабриковать какой-нибудь инцидент и использовать его в качестве предлога для того, чтобы сбрасывать атомные бомбы.

Американский журнал «Америкэн меркюри» в февральском номере с. г. подверг анализу план американской армии, готовящейся к третьей мировой войне. В этой статье констатируется, что «промышленная подготовленность является в настоящее время ключом всего правительственного планирования в Вашингтоне, где учитывается возможность третьей мировой войны». Поскольку этот вывод сделан такими военными авторитетами, как Петерсон, Ройялл и др. руководителями американской армии, эта статья приобретает особенное значение.

Из сказанного выше со всей очевидностью следует, что главными застрельщиками в деле пропаганды и подстрекательства к новой войне являются американские реакционные круги, считающиеся лишь со своими своекорыстными интересами, готовые во имя этих интересов ввергнуть человечество в новую истребительную мировую войну.

Но в этих своих усилиях американские реакционеры не одиноки. Их поддерживают их единомышленники в некоторых других странах, занятые возней на поприще сколачивания военно-политических и просто политических западных, северных и иных блоков. В этой связи необходимо сказать о выступлениях некоторых английских политических деятелей, выступающих, правда, не так решительно, как их американские единомышленники, больше исподтишка, но в том же алармистском духе.

Всем памятна фултонская речь Черчилля, где, говоря «об общей стратегической концепции», как Черчилль назвал свои основные высказывания, бывший английский премьер совершил «опасный акт, рассчитанный на то, чтобы посеять семена раздора между союзными государствами и затруднить их сотрудничество», как справедливо сказал по этому поводу Генералиссимус Сталин, подчеркнув, что «установка г. Черчилля есть установка на войну, призыв к войне с СССР».

Мы все помним, что Черчилль организации Объединённых наций, как объединению народов, говорящих на разных языках, противопоставил ассоциацию народов, говорящих лишь на английском языке, уподобившись, таким образом, Гитлеру, который начал «дело развязывания войны с того, что провозгласил расовую теорию, объявив,

что только люди, говорящие на немецком языке, представляют полноценную нацию» (Сталин). Теперь Черчилль утверждает, что лишь люди, говорящие на английском языке, представляют полноценную нацию.

Мы помним и многое другое из этой речи, в которой Черчилль пустил в ход инсинуации и клевету в отношении Советского Союза.

Черчиллю-отцу вторит Черчилль-сын, побивший рекорд поджигательства к войне в своём заявлении в Сиднее от 3 сентября.

Семейные выступления Черчиллей мало кого могли бы интересовать сами по себе. Но они являются показателем той чёрной работы, которая ведётся в известных английских кругах против дела мира, которая направлена на организацию новой войны, в виде ли повторения пресловутого черчиллевского военного похода против России, или в каком-либо ином виде, безразлично.

В этой связи следует отметить и такой факт, как то, что до сих пор продолжает функционировать англо-американский объединённый штаб в Вашингтоне. Известно, что в этом объединённом штабе представлены Великобритания военной миссией во главе с генералом Морганом и США — военной миссией во главе с адмиралом Леги. Этот объединённый англо-американский штаб, созданный для координации военных действий против Германии и Японии, несмотря на то, что война окончилась два года тому назад, продолжает до сих пор существовать неизвестно для каких целей.

Нет нужды перечислять многочисленные факты совершенно безудержной и выходящей за всякие пределы допустимого клеветнической и провокационной кампании по поджигательству войны против Советского Союза, которая ведётся уже в течение длительного времени в Турции. От реакционной американской печати старается не отставать реакционная печать Турции. «Куда конь с копытом, туда и рак с клешней», — говорит о таких случаях русская пословица. Турецкая печать, изо дня в день распространяющая гнусную клевету в отношении Советского Союза, якобы собирающегося захватить Турцию (газета «Акшам»), занимается провокационными предсказаниями о том, что «Объединённые нации постараются нанести решающий удар по России с побережья Чёрного моря» («Демокраси»), подстрекает турецкий народ готовиться к войне и одновременно восхваляет военную мощь Соединённых Штатов Америки, утверждая, что они обязательно должны вступить в войну против СССР.

Пресловутая «Джумхуриет» в статье некоего Давера с циничной откровенностью заявляет, что «единственный выход, который может поставить Москву на правильный путь», — это война. Ему вторит в «Улусе» депутат Атай — главный редактор этой газеты, заявляя, что «уже настало время, чтобы Америка и Англия приняли более решительные меры».

От них не отстаёт и известный своей провокаторской деятельностью редактор газеты «Танин» Ялчин, который ещё в сентябре прошлого года писал, что настало время, чтобы, «повесив над столом переговоров атомную бомбу, пригласить русских на откровенные переговоры». Он требовал предъявить русским ультиматум, заявив, что «они подвергнутся дождю атомных бомб, если не согласятся на

создание нового международного порядка». Тот же Ялчин на-днях писал, что с Москвой можно говорить только языком ультиматумов, и требовал «объединить весь мир против России». Язык ультиматумов, о котором мечтает Ялчин,— это всем нам знакомый язык «твёрдого курса» США.

Такие же провокаторские призывы раздаются со стороны и других продажных писак вроде Адвыза из реакционной турецкой газеты «Эргенекон», профессора Нихат Эрима, депутата и члена иностранной комиссии меджлиса, и некоторых других.

Эту провокационную шумиху энергично поддерживают греческие реакционные газеты, в частности газета «Элиникон Эма», опубликовавшая на-днях статью, в которой говорится: «Пусть не забывают русские, что главный русский источник нефти в Баку находится всего в ста километрах от турецкой границы, как на блюде».

И всё это происходит безнаказанно на глазах у всего мира.

Таковы козни врагов мира, подстрекающих к новой войне во имя своих корыстных интересов, во имя наживы на войне, несущей новые страдания и бедствия человечеству. Нет никакого сомнения, что эта кампания подстрекательства к новой войне встречает суровое и решительное осуждение со стороны миллионов людей.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА

Советское правительство считает, что с таким положением не может мириться совесть народов, вынесших на своих плечах все тяготы недавно закончившейся второй мировой войны, заплативших за эту навязанную миролюбивым народам войну своей кровью, своими страданиями и разорением.

По поручению Советского правительства делегация Советского Союза заявляет, что СССР считает неотложным делом принятие организацией Объединённых наций мер против ведущейся сейчас в некоторых странах, и главным образом в США, пропаганды новой войны. В этих целях советская делегация предлагает принять следующее постановление:

«1. Организация Объединённых наций осуждает ведущуюся реакционными кругами в ряде стран, и в особенности в Соединённых Штатах Америки, Турции, Греции, преступную пропаганду новой войны путём распространения всякого рода измышлений посредством печати, радио, кино, публичных выступлений, содержащих открытые призывы к нападению на миролюбивые демократические страны.

2. Организация Объединённых наций рассматривает допущение и тем более поддержку такого рода пропаганды новой войны, которая неизбежно превратится в третью всемирную войну, как нарушение долга, принятого на себя членами организации Объединённых наций, Устав которой требует «развивать дружественные отношения между нациями на основе уважения принципа равноправия и самоопределения народов, а также принимать другие соответствующие меры для укрепления всеобщего мира» и «не подвергать угрозе международный мир, безопасность и справедливость» (ст. 1, п. 2; ст. 2, п. 3).

3. Организация Объединённых наций считает необходимым призвать правительства всех стран запретить под страхом уголовного наказания ведение в любой форме пропаганды войны и принять меры, в целях воспрепятствования и пресечения пропаганды войны, как общественно-опасной деятельности, угрожающей жизненным интересам и благополучию миролюбивых народов.

4. Организация Объединённых наций подтверждает необходимость скорейшего проведения в жизнь решения Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1946 г. о сокращении вооружений и решения Генеральной Ассамблеи от 24 января 1946 г. относительно исключения из национальных вооружений атомного оружия и всех других основных видов вооружения, предназначенных для массового уничтожения, и считает, что проведение в жизнь этих решений отвечает интересам всех миролюбивых народов и явилось бы сильнейшим ударом по пропаганде и поджигателям новой войны.

Генералиссимус Сталин в своём приветствии Москве указал на то, что Москва является глашатаем борьбы за прочный мир и дружбу народов, глашатаем борьбы против поджигателей новой войны.

Эти слова вождя советских народов нашли глубокий отклик в сердцах всех советских людей, и мы верим — в сердцах всех простых честных передовых людей всего мира. Советский Союз не пожалеет сил, чтобы успешно была решена эта великая задача.

«Известия» №№ 221 (9443) и 222 (9444) от 19 и 20 сентября 1947 г.; см. также «Делегации СССР, УССР и БССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций», Госполитиздат, 1948, стр. 9—44.

ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КОРЕИ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

(23 сентября)

Советская делегация высказалась в генеральном комитете по повестке дня, указав те вопросы, которые не должны быть включены в повестку дня Генеральной Ассамблеи. Не касаясь существа этих вопросов, поскольку сейчас речь идёт о повестке дня, я должен остановиться на двух вопросах, которые предлагаются делегацией Соединённых Штатов Америки и Аргентиной и включение которых в порядок дня Ассамблеи было бы незаконным, неправильным и неоправданным задачами и целями организации Объединённых наций.

Делегация США предложила включить в повестку дня вопрос о Корее, имея в виду внести на эту сессию Генеральной Ассамблеи, как выразился Маршалл, проблему о независимости Кореи. Своё предложение г-н Маршалл мотивировал тем, что работа Совместной советско-американской комиссии не дала до сих пор результатов и что в силу этого необходимо включить вопрос о предоставлении Кореи независимости. При этом г-н Маршалл положение дела в Смешанной советско-американской комиссии по Корею тенденциозно изобразил таким образом, что ответственность за отсутствие должного результата в этой работе была возложена на советскую делегацию. Насколько тенденциозно и неправильно было дано освещение работы комиссии г-ном Маршаллом, видно из следующих фактов. Ещё 26 августа советская делегация в Смешанной комиссии внесла ряд предложений в ответ на предложения американской делегации от 12 августа, согласившись с некоторыми существенными предложениями американской делегации и, в частности, согласившись не проводить устной консультации с корейскими демократическими партиями и общественными организациями, как это было предусмотрено основным соглашением. Советская делегация предложила ограничиться изучением имеющихся в комиссии письменных предложений этих партий и организаций, а также внесла новое предложение о создании временного общекорейского Народного собрания в качестве консультативного органа. Эти предложения американская делегация отклонила. Спустя некоторое время, а именно 17 сентября, советская делегация внесла новое предложение, заключающееся в том, чтобы приступить к реализации тех положений из предложений американской делегации от 12 августа и из предложений советской делегации от 26 августа, по которым точки зрения обеих делегаций сближаются. На это заявление до сих пор не последовало ответа от американской делегации, а вместо ответа на это заявление г-н Маршалл предложил включить корейский вопрос в повестку дня Генеральной Ассамблеи.

Из сказанного видно, что ответственность за положение, создавшееся в Совместной советско-американской комиссии, должна

целиком лежать на американской стороне, которая отказывается выполнить принятые на себя обязательства в силу декабрьского соглашения 1945 г., предпочитая получить поддержку со стороны некоторых делегаций на Генеральной* Ассамблее своим односторонним действиям, притом ничем не оправданным.

Декабрьское соглашение 1945 г. предусматривало определённый порядок урегулирования корейского вопроса. Только неделю тому назад советская делегация внесла, как было указано выше, свои новые предложения, на основе которых возможно такое урегулирование в соответствии с декабрьским соглашением 1945 г.

При таком положении дела советская делегация не видит никакой необходимости в рассмотрении Генеральной Ассамблеей поставленного американской делегацией вопроса и предлагает этот вопрос не включать в повестку дня сессии Генеральной Ассамблеи.

К сказанному следует добавить также и некоторые юридические соображения. Статьи 10 и 11 Устава организации Объединённых наций уполномочивают Генеральную Ассамблею обсуждать любые вопросы, относящиеся к поддержанию международного мира и безопасности в соответствии с пунктом 2 статьи 35. В этом случае Генеральная Ассамблея уполномочена делать в отношении любых таких вопросов рекомендации заинтересованному государству или государствам, или Совету безопасности, или и Совету и заинтересованному государству или государствам; кроме того, Генеральная Ассамблея может обращать внимание Совета безопасности на ситуации, которые могли бы угрожать международному миру и безопасности.

Остальные статьи Устава, говорящие о компетенции Генеральной Ассамблеи, уточняют указанные выше полномочия, не оставляя сомнений в том, что такие вопросы, как вопросы, внесённые г-ном Маршаллом о Корее, тем более при наличии международного соглашения, как это имеет место в настоящем случае, не могут служить предметом рассмотрения Генеральной Ассамблеи.

Ввиду изложенных обстоятельств, советская делегация настаивает на том, чтобы вопрос о Корее не был включён в повестку дня настоящей сессии Генеральной Ассамблеи.

Вторым вопросом, заслуживающим внимания, является аргентинское предложение о пересмотре мирного договора с Италией.

Уже на генеральном комитете советская делегация указала на то, что предложение Аргентины, поддержанное некоторыми другими странами Латинской Америки, обсудить на Ассамблее вопрос о мирном договоре с Италией является необоснованным и незаконным.

Это предложение противоречит Уставу Объединённых наций, который исключает все мероприятия союзных держав в отношении тех стран, с которыми они находились в войне, из компетенции организации Объединённых наций.

Напомню делегатам статью 107 Устава, которая гласит:

«Настоящий Устав, ни в коей мере, не лишает юридической силы действия, предпринятые или санкционированные в результате второй мировой войны несущими ответственность за такие действия правительствами, в отношении любого государства, которое в течение

ние второй мировой войны было врагом любого из государств, подписавших настоящий Устав, а также не препятствует таким действиям».

Устав, как видно, не оставляет никаких сомнений на этот счёт. Он ясно указывает, что проводимые или санкционированные в отношении таких государств союзными державами мероприятия осуществляются только державами, ответственными за эти мероприятия.

Больше того, оставаясь в рамках Устава, нельзя проводить какие бы то ни было мероприятия, направленные на ослабление юридической силы мирного договора, будет ли речь идти о всём договоре в целом или о той или другой его части. Совершенно бесспорно с юридической стороны, что предложение дать какие бы то ни было рекомендации Генеральной Ассамблее о пересмотре мирного договора, заключённого 21 государством с Италией и вступившего в силу лишь 15 сентября, означает прямое нарушение статьи 107 Устава.

Не менее грубой ошибкой было бы представление какой-либо рекомендации и с политической стороны.

Полезно в этой связи указать на другие положения Устава, в частности, на его преамбулу, в которой указывается на необходимость для членов организации уважать обязательства, вытекающие из международных договоров.

При подготовке Устава положения об уважении договоров кое-кем оспаривались. Но конференция в Сан-Франциско их приняла, и после подписания и ратификации Устава они стали, как и в целом Устав, законом для всех Объединённых наций и составляют одну из основ в отношениях между государствами.

Спрашивается, чем объяснить, что, несмотря на очевидную необоснованность и незаконность предложения обсудить на Ассамблее вопрос об итальянском мирном договоре, это предложение всё же внесено. Объяснить это можно только тем, что некоторые государства прилагают усилия к тому, чтобы оказать морально-политическое давление на другие государства с целью сделать возможным пересмотр этого договора. Представитель Аргентины заявил на генеральном комитете, что он не сомневается в том, что вынесение какого-либо решения на Ассамблее по существу вопроса невозможно, но что всё же, по его мнению, желательно принять соответствующую рекомендацию странам, подписавшим договор с Италией, мотивируя это тем, что договор, по их мнению, является несправедливым, жёстким и т. п. Повидимому, эти господа имеют весьма странное представление о справедливости, с которым, конечно, мы не можем согласиться, так как оно является **фальшивым**.

Известно, что по мере приближения сессии Ассамблеи всё увеличивалось число так называемых друзей Италии и итальянского народа, особенно друзей в Аргентине.

Позволительно спросить, где были эти друзья, когда советский народ ценой тяжёлых жертв освобождал народы Европы, в том числе и итальянский народ, от фашизма?

В этой связи я напомним делегатам, что на Парижской мирной конференции делегация Австралии вносила предложение о включении

в мирный договор с Италией положения, предусматривающего возможность его пересмотра. Однако это предложение было отклонено конференцией.

Как известно, со времени отклонения этого предложения Парижской конференцией не произошло ничего такого, что могло бы оправдать возвращение к обсуждению такого предложения вновь. Не вдаваясь в существо вопроса об итальянском договоре, я считаю необходимым, тем не менее, заметить, что он обеспечивает для Италии нормальное развитие её экономики и поддержание нормальных отношений со всеми государствами. Дело Италии и итальянского народа использовать эти возможности. А использовать их возможно путём честного и добросовестного выполнения взятых по договору обязательств.

Я не могу не выразить сожаления по поводу линии, занятой в этом вопросе делегацией США, которая высказалась за поддержку аргентинского предложения. Правительство США не впервые уже показывает неумение и нежелание считаться с обязательствами, принятыми им по некоторым важным соглашениям, относящимся к послевоенному устройству. Продолжение такой политики не может, разумеется, не затруднять решения остающихся задач по мирному урегулированию. Советский Союз не желает и не будет следовать этому принципу, он остаётся верным своим обязательствам.

По соображениям, на которые я указал, советская делегация возражает против включения предложения Аргентины в повестку дня Ассамблеи.

«Известия» № 226 (9448) от 25 сентября 1947 г.;
см. также «Делегации СССР, УССР и БССР
на второй сессии Генеральной Ассамблеи
Организации Объединённых Наций», Госполитиздат,
1948, стр. 421—426.

ПРЕСС-КОНФЕРЕНЦИЯ У ГЛАВЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЛЕГАЦИИ НА СЕССИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

А. Я. ВЫШИНСКОГО

(26 сентября)

ЗАЯВЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО

Советская делегация на Генеральной ассамблее Объединённых наций решила пригласить вас, г-да, на сегодняшнюю пресс-конференцию в связи с тем особым значением, которое мы придаём вопросу о борьбе с поджигателями войны. Наше заявление по этому поводу, сделанное в Генеральной ассамблее 18 сентября, вызвало многочисленные отклики, причём в связи с этим заявлением имел место ряд выступлений и обращений ко мне с некоторыми вопросами и замечаниями, которые нельзя оставить без разъяснения и ответа. Нужно сказать, что некоторые обращения и заявления по поводу моей речи 18 сентября показали явное стремление представителей тех самых

реакционных кругов, о которых шла речь в моём заявлении 18 сентября, уйти от поставленного советской делегацией вопроса о пропаганде новой войны и необходимых мерах борьбы с такой пропагандой и с поджигателями новой войны. Представители этих кругов обнаружили явную растерянность перед лицом внесённых советской делегацией предложений и, не будучи в состоянии опровергнуть приведённые в моём заявлении факты, сочли за благо отделаться общими фразами и повторением вновь и вновь всевозможных провокационных и клеветнических выпадов против Советского Союза и советского правительства. Разумеется, на все эти выпады и совершенно недостойные инсинуации и домыслы ответных реакционеров я не думаю отвечать, не думаю дискуссировать с ними по этому поводу. С этими господами невозможны никакие дискуссии раньше всего потому, что они совершенно бесполезны. Тем более, что советской делегацией на Генеральной ассамблее вопрос о борьбе с поджигателями войны поставлен достаточно ясно, точно и определён. Цель сегодняшней пресс-конференции — в другом. Здесь я рассчитываю дать разъяснения тем, которые нуждаются в разъяснении тех или других вопросов, связанных с моим выступлением 18 сентября. Я вижу необходимость дать ответ на некоторые выступления, как бы заведомо враждебны они ни были, обращаясь к тем, кто не потерял способности спокойно и объективно, добросовестно и вдумчиво смотреть на вещи, видя их такими, какими они являются в действительности.

Я хотел бы раньше всего остановиться на том, как реагировали на моё выступление те или иные круги Соединённых Штатов Америки, поскольку об этом можно судить по выступлениям представителей этих кругов, подвизающихся на политической арене, на поприще печати, на международном поприще.

Первый вопрос. Как реагировали те или другие из числа прономерованных мною типов из галереи поджигателей войны? Надо сказать, что некоторые из них просто пробуют отрицать приписанные им выступления с подстрекательством к новой войне против миролюбивых стран и прежде всего против Советского Союза. Так поступил, например, г-н Даллес, заявив, что он не произносил приписанных ему мною слов. Однако это — голословное и не соответствующее действительности заявление. Обратимся к фактам. Я указывал на то, что Даллес в своих выступлениях призывал к жёсткой внешней политике по отношению к СССР со всеми теми последствиями, которые должны вытекать из такого курса. Говоря так, я исходил из тех заявлений г-на Даллеса, как это я и отметил в своём выступлении 18 сентября, которые представляли собой некоторые места из заявлений Даллеса для «Инлэнд дейли пресс ассошиэйшн» от 10 февраля 1947 года и были посвящены тенденциозной критике внешней политики Советского Союза. В нескольких местах этого пространного заявления г-на Даллеса можно, между прочим, прочесть следующее: «Я полагаю, что советский динамизм будет оставаться в терпимых пределах, но это будет так потому, что он встретится с тем, что сильно, а не потому, что он встретит податливость...» «Мир заложен не в компромиссе, а в усилении нашей исторической

политики...» «Мы должны поддерживать сильную военную машину и волю к использованию её, если это будет необходимо...» «Со времени крушения Римской империи не было ни одной нации, которая обладала бы столь большим превосходством материальной мощи, как Соединённые Штаты сегодня...» «Лишь используя престиж нашей мощи в целях достижения такого идеала, мы можем быть в безопасности в этом мире».

Приведённые выше отрывки из речи Даллеса не нуждаются, разумеется, в каких-либо дополнительных комментариях.

Приведу ещё одно выступление Даллеса (из журнала «Лайф» от 17 января 1947 года):

«В начале 1946 года Иран, Турция и Греция подверглись угрозе. Однако результатом этого не явился успех Советов. Советские руководители обнаружили, что они не могут стрелять из двух стволов одновременно. Националистическая агрессия положила конец идеалистической пропаганде. Эта потеря не была компенсирована какой-либо выгодой, так как агрессивность Советов вызвала в США и Великобритании более сильное сопротивление, нежели руководству Советов хотелось. В этих странах общественное мнение быстро стало более твёрдым. Оно поддержало меры по перестройке военных институтов, которым не было позволено распыляться. США продемонстрировали в Средиземном море военно-морскую и авиационную мощь. Казалось, что, если Советы будут продолжать ту линию, по которой они пошли сначала, это может привести даже к крупной войне».

Если проанализировать все эти заявления, которые, кстати сказать, были не единичны, а представляют собой определённую систему взглядов, пропагандируемых Даллесом из года в год, то нетрудно сделать тот вывод, который и был мною сделан относительно подстрекательства со стороны Даллеса к такой внешней политике по отношению к СССР, которая увеличивает опасность войны. Тут простым отрицанием, отказом от своих собственных слов ничего не поделаешь. За эти слова, за такие призывы нужно иметь мужество отвечать.

2. Другие из названных мною господ, как, например, Эрл, вновь повторили свои провокационные заявления. Это, как и его предыдущие циничные выступления, не встретило отпора. Поджигателя новой войны не пригвоздили к позорному столбу. Вероятно, Эрл и ему подобные с тем же бесстыдством будут повторять свои провокационные выпады и впредь, стараясь всячески — инсинуациями, клеветой, злобными вымыслами против советского народа — как можно больше повредить делу мира, делу сотрудничества между нашими странами, разжечь пламя новой войны.

Я напомним, как реагировал на моё выступление Эрл. Он сказал в своём доме в Вест Гроув (штат Пенсильвания, Филадельфия): «Я восхищён и в высшей степени почтён быть названным г-ном Вышинским военным поджигателем. Если под военным поджигателем он разумеет то, что я призываю к использованию бомбардировки атомными бомбами России, то г-н Вышинский абсолютно прав».

Конечно, одни эти слова сами по себе достаточны для того, чтобы у каждого был совершенно ясен в сознании моральный облик этого человека. Новое выступление Эрла характерно, однако, не его откровенным цинизмом, а тем, что старый рецидивист публично хвалится своей циничностью, рассчитывая, очевидно, на поддержку определённых кругов общества США. Это лишний раз подтверждает своевременность и правильность постановки Советским Союзом вопроса о необходимости энергичной и честной борьбы со всеми поджигателями новой войны. Такова вторая категория этих людей. Перейду к третьей категории.

3. Кое-кто, вроде вице-президента концерна Катлер-Хаммер-Харвуд, будучи припёрт к стене, пробует отшутиться. Каждый, конечно, избирает такие шутки, которые больше всего соответствуют его психике и другим его личным качествам, а также вкусам, о которых, как известно, не спорят.

4. Нашлись и такие, которые отвечают просто бранью и грубостью. Очевидно, это в стиле и натуре этого типа людей. Так поступил сенатор Макмагон. Он приглашает внимательно ознакомиться с его речами, что якобы должно опровергнуть моё утверждение о Макмагоне, как о поджигателе войны. Я присоединяюсь к этому приглашению. Но пусть Макмагон не увёртывается от ответа, пусть скажет, как всё-таки обстоит дело с его провокационными «четырьмя возможностями» для США — накапливать огромные запасы атомных бомб, немедленно начать войну, создать международный орган контроля без СССР, объявить агрессором каждую страну, не желающую подчиниться такому, с позволения сказать, «международному» органу. Так поступил американский делегат Остин, заявив, что моё выступление 18 сентября представляет собой «полную фальсификацию американских мотивов и клевету на лиц и учреждения».

Было бы лучше, правдивее и полезнее для мира и международного сотрудничества, если бы вместо грубых окриков мои оппоненты потрудились представить какие-либо факты, которые могли бы противостоять фактам, приведённым мною.

Однако Остин предпочёл никаких фактов не приводить. Говорят, что для этой цели приспособляется другой делегат американской делегации. Что ж, поживём — увидим. Остин заявил, что он «отказывается верить, что Вышинский имел намерение затронуть честь США». Это, конечно, верно. В моём выступлении не было ни звука, который дал бы основание для какого-либо сомнения по этому поводу. На честь американского народа посягают поджигатели войны, с которыми мы не только не смешиваем американский народ, но которых — мы в этом твёрдо убеждены — американский народ клеймит и осуждает как тяжких преступников против интересов американского народа, интересов всех миролюбивых народов, всего человеческого человечества. Замечание Остина тем более не оправдано, что я в своей речи сказал по этому поводу следующее: «Можно с уверенностью сказать, что американский народ, как и народы других демократических стран, — против новой войны, когда рубцы от второй мировой войны ещё не зажили на их теле».

Итак, сегодня 26 сентября. С момента моего выступления в Генеральной ассамблее прошло восемь дней. Что же противопоставили нашим предложениям о борьбе с поджигателями войны те, кто отрицает необходимость такой борьбы и пытается перейти в наступление, обвиняя Советский Союз? Ничего. Что противопоставили нашим фактам? Ничего. Я говорю ничего, потому что брань, диффамация, клевета — не доказательства, ибо, сколько бы ни клеветали, факты, как говорит английская пословица, упрямая вещь, они остаются фактами.

5. Нельзя пройти мимо выступления английского делегата на Генеральной ассамблее г-на Макнейла, который пытался своей речью 22 сентября придать острый и язвительный характер, пересыпая её потугами острословия, смешанного с грубыми и клеветническими измышлениями по адресу Советского Союза. Не знаю, что в этой речи производило наиболее курьёзное впечатление: защита ли Макнейлом Черчилля, невозмутимо расхаживавшего, по словам Макнейла, по улицам Лондона во время бомбардировок, или упрёки по адресу Египта в неблагодарности за все благодеяния, оказываемые египетскому народу «просвещёнными» английскими мореплавателями, или наиболее курьёзными нужно признать рассуждения Макнейла по поводу государственного суверенитета с точки зрения марксизма, о котором Макнейл взялся неожиданно рассуждать с таким же видом знатока, с каким он обыкновенно в английском парламенте привык давать ответы на заранее подготовленные вопросы оппозиции.

Макнейл потратил по крайней мере четверть часа в своей речи, чтобы доказать, что представленные в Париже страны, соблазнившиеся планом Маршалла, совершенно добровольно и в полную силу своего государственного суверенитета готовы надеть на свою шею ярмо, являющееся, как известно, плохим украшением для независимых государств. Макнейлу нехватило оружия из арсенала лейбористской партии для подтверждения своей теории, ниспровергающей концепцию государственного суверенитета народов. В пылу полемики он решил даже на такой смелый шаг, как цитирование московского журнала «Большевик» и московской газеты «Правда», чтобы заявить о своём несогласии с этой «устаревшей теорией абсолютного суверенитета», которая, по откровенному признанию Макнейла, только мешает сотрудничеству. Макнейл заявил, что ныне не следует считаться с таким досадным историческим пережитком, как «абсолютный» государственный суверенитет, и что эту концепцию нужно поскорее сдать в музей древностей.

Похвальная откровенность. Нужно только пожалеть, что она была сказана такой скороговоркой и сопровождалась такой путаницей, что истинное значение сделанного Макнейлом откровенного признания много потеряло в своей ясности.

Но это — между прочим. Главное не в этом. Главное, что интересует советскую делегацию, — это вопрос о борьбе с поджигателями новой войны, с пропагандой новой войны. К сожалению, именно здесь Макнейл неожиданно потерял всё своё красноречие, чуть ли не потерял дар речи.

Известно, что в своём выступлении 18 сентября я говорил специально о Черчилле. Теперь Макнейл отвечает, что обвинения, выдвинутые против нас,—он говорит—не против Черчилля, а против «нас»,—являются вымышленными, обвинения в том, что мы (не Черчилль, говорит Макнейл, а «мы») являемся будто бы поджигателями войны. Так, Макнейл объединяется с Черчиллем, о котором шла речь. Макнейл счёл возможным тут же заявить, что Великобритания уже разоружилась. Он так и сказал: «Мы провели разоружение», хотя двумя строчками ниже добавил со «всей возможной торжественностью», как он выразился, что систематического разоружения не может быть без реальной основы для коллективной безопасности. Остаётся, конечно, загадкой, как удалось Великобритании разоружиться, когда, оказывается, нет никакой реальной возможности для разоружения?

Макнейл решительно не согласен с тем, что поджигатели новой войны должны быть посажены на цепь, так как каждый гражданин свободен—де выражать свои мысли и так как «нужно терпимо относиться к свободному выражению взглядов гражданами свободных государств».

Мы уже не первый раз слышим эти песни о свободе совершать преступления, разжигать звериные инстинкты, свободе подстрекать к массовым убийствам, разрушениям, грабежам, истреблению людей. Неизвестно только, почему, запрещая и преследуя порнографию, торговлю женщинами и детьми и сажая в тюрьму совершающих подобные преступления, нельзя посадить в ту же тюрьму поджигателей войны, провокаторов и подстрекателей к массовой человеческой бойне, которые являются самыми тяжкими из тяжких преступниками против свободы, прогресса и счастья человечества.

В письмах американцев ко мне ставится вопрос, как совместить предложение о запрещении и наказании в уголовном порядке пропаганды и подстрекательства к войне со свободой печати? Я отвечаю на этот вопрос. В США 25 июня 1910 года был издан акт о запрещении торговли белыми рабами, который карает в случае нарушения этого закона штрафом в 5 тысяч долларов или лишением свободы до пяти лет. Имеется закон от 5 февраля 1917 года, который также предусматривает различные наказания за различные безнравственные деяния. Имеются аналогичные законы во Франции, Великобритании. Имеется также основной принцип, что пропагандировать то, что запрещено законом,—это значит подстрекать к совершению преступлений. Это тоже карается, как преступление. Таким образом, свобода печати тут не при чём. Поэтому наше предложение о том, чтобы запретить под страхом уголовного наказания пропаганду и подстрекательство к войне, вполне совместимо со свободой печати, подобно тому, как совместимы со свободой печати законы, которые запрещают торговлю женщинами, детьми, работорговлю, распространение порнографических и тому подобных безнравственных произведений. Ссылки на свободу печати, ссылки на то, что, как заявил Макнейл, «в свободном государстве каждый гражданин свободно высказывает своё мнение», не могут быть терпимы в отношении таких мнений, которые заключаются не в чём ином, как в призыве к новой войне,

как в разжигании новой войны, как в подстрекательстве к новой массовой человеческой бойне.

Нет, кто опускает в бессилии руки перед распоясавшимися поджигателями войны, тот берёт на себя великую ответственность перед миллионами простых людей, по живым телам которых хотят пустить эту страшную машину смерти. Тут не может, не должен молчать закон; тут не может, не должна уступать человеческая совесть.

В своём выступлении я указал на то, что приведённые мною факты представляют только незначительную часть того моря огня, который раздувается реакционными кругами в некоторых странах, и особенно в США, со всех концов, чтобы зажечь пожар новой войны.

В своём выступлении я назвал лишь некоторые из этих фактов. Теперь меня спрашивают, почему я назвал именно те факты, какие были мною действительно названы, а не другие. Я получаю ежедневно немало писем, в которых наряду с злопыхательством и недоброжелательством имеется много советов назвать и разоблачить ещё других поджигателей войны, которые и без моего содействия стяжали себе здесь плохую славу, но, может быть, мы должны со своей стороны помочь делу дальнейшего разоблачения поджигателей войны, прибавив к названному мною списку ещё некоторые имена.

В таком случае я должен был бы, конечно, назвать Буллита, который уже не первый год подстрекает к войне против Советского Союза и который своей специальностью сделал запугивание мощью Советского Союза и его действительно могучей экономикой. Я должен был бы тогда сказать о Франке Ганнете, вернувшемся из дальних странствий и клеветнически заявившем на завтраке, данном национальной ассамблеей общественных отношений, что «величайшей угрозой международного мира является сейчас Россия». Этот бред «Нью-Йорк таймс» подала в номере от 19 сентября под кричащим заголовком: «СССР — главная опасность, — говорит Ганнет, вернувшийся из поездки».

Может представить особый интерес статья, опубликованная в бюллетене «деловых людей» с Уолл-стрита «Бэрронс уикли». В этой статье можно прочесть следующие перлы: «Если бы этот уход состоялся, — пишет бюллетень, имея в виду уход СССР из Объединённых наций, — то как вооружения, так и экономическое сотрудничество между западными странами развивались бы усиленным темпом. Земной шар был бы открыто разделён на два мира, и наш мир усмотрел бы с полной ясностью необходимость постоянного увеличения своей силы. Переводя всё это на деловой язык, мы имели бы в этом случае бум в вооружениях, в ходе которого производство орудий войны не было бы ограничено требованиями нашей страны, но предусматривало бы поставку оружия на выгодных условиях Западной Европе и тихоокеанским странам. Можно предполагать, что правительство не было бы слишком опечалено, если бы Россия ушла из организации Объединённых наций, при условии, что можно было бы представить этот уход как выступление против мира. Правительство вряд ли желало бы создать впечатление, что оно преднамеренно провоцирует этот уход, поскольку в общественном мнении как внутри

страны, так и за границей в последнем случае возникла бы очень плохая реакция. Американская публика, по всем данным, очень привязана к Объединённым нациям. Чтобы заставить её проглотить заключительное представление, которое повлекло бы за собой полный разгром организации Объединённых наций, нам следовало бы в качестве нации быть духовно значительно лучше подготовленными... Хотя правительство, возможно, отдаёт себе отчёт в этом факте, но ещё не посмело публично выразить его словами».

В своём заявлении 18 сентября я напомнил о громадных прибылях, которые принесла вторая мировая война американским капиталистическим монополиям. Я назвал общую сумму этих прибылей за 5 лет войны в 52 миллиарда долларов. Это кое-кого задело за живое. «Дейли ньюс» разразилась передовой, в которой больше ругани по моему адресу, чем логики и здравого смысла. Немало было и других ругателей, воображающих, что ругань может в какой бы то ни было мере помочь защите их аргументов. В этом отношении я, несмотря на полное отсутствие у меня всякого уважения к этому человеку, не имею никакого права не упомянуть его фамилии. Дело идёт о радиокомментаторе Уолтере Уинчелле. *(Смех в зале.)*

Этот новоявленный американский барон Мюнхгаузен, прославившийся, как известно, своим несусветным враньём, наговорил с три короба всякой чепухи, которая была, повидимому, предназначена для того, чтобы прикрыть подлинные мотивы своего пасквиля. По логике этого мудреца, нельзя властвовать над кем-либо, когда у претендента на господство армия демобилизована, флот находится в портах, а авиация — на земле.

Удивительно сногшибательная аргументация. Уинчеллу она кажется неотразимой: будто армию нельзя мобилизовать, как это и бывает, когда начинают войну, флот отправить из портов в поход, а авиацию поднять в воздух.

Но где нехватает логики, там приходит на выручку низкопробное враньё. В основе же всего этого вздора лежит заказ — во что бы то ни стало опровергнуть факт наживы разных монополий на войне. Уинчелл пробует выполнять заказ, но что же ему делать, если нет фактов? *(Смех.)* Тогда остаётся одно — попробовать солгать. Однако как же обстоит дело действительно с прибылями? Может быть, я действительно допустил ошибку, когда я говорил, что американские монополии за пять лет второй мировой войны положили себе в карман чистеньких 52 миллиарда долларов? Нет, я не ошибся. Я беру в руки «Мансли бюллетен оф статистик» и там читаю:

а) Сумма банковских депозитов повысилась в США за годы войны на 61 миллиард долларов — «Ежемесячный статистический бюллетень», май 1947 года. (Издание статистического отдела ООН.)

б) Согласно органу министерства торговли США, «Сервей оф каррент бизнес» за апрель месяц 1946 года, прибыли американских частных предприятий, после вычета всех налогов и исключая дивиденды от заграничных капиталовложений, выражаются в следующих цифрах, по годам:

(в млрд. долларов)

1934 — 0,860	1940 — 6,112
1935 — 2,132	1941 — 9,067
1936 — 4,162	1942 — 9,098
1937 — 4,568	1943 — 9,875
1938 — 1,956	1944 — 9,681
1939 — 4,735	1945 — 9,020

с) Всего за годы войны с 1940 по 1945 гг. включительно прибыли составили 52,853 миллиарда долларов.

д) Тогдашний директор военной мобилизации и реконверсии Стиллмен в своём докладе (восьмом) президенту и конгрессу от 1 октября 1946 года заявил относительно прибылей: «Прибыли частных предпринимателей после уплаты налогов находятся на высочайшем в истории уровне, несмотря на то, что в результате процесса реконверсии прибыли в некоторых отраслях промышленности находятся на низком уровне, в связи с наибольшим выпуском готовой продукции».

Уинчелл, приведя в своих радиокомментариях лишённый всякого смысла вздор, закончил это своё радиокомментирование вопросом: «Что вы скажете, ваше превосходительство, по этому вопросу?»

Так как бесспорно, что Уинчелл пришёл в бешенство именно потому, что я затронул вопрос о прибылях его хозяев, то, ответив ему той справкой, которую я сейчас привёл, я хотел бы также обратиться к нему с вопросом: «Что вы скажете по этому вопросу, г-н радиовраль Уинчелл?» (Смех.) Я бы сказал этому господину словами Гамлета: «that is the question» — «вот в чём вопрос».

Меня спрашивают: какой может быть выход из создавшегося в настоящее время положения?

Советская делегация уже дала ответ на этот вопрос, внеся свои четыре предложения.

ОТВЕТЫ НА ВОПРОСЫ

Сделав своё заявление, Вышинский перешёл к ответам на письменные и устные вопросы, заданные ему в большом количестве участниками пресс-конференции. Блестящие остроумные ответы советского делегата неоднократно встречались смехом и одобрительными замечаниями в зале.

Корреспондент американского агентства Юнайтед Пресс Роберт Маннинг спросил:

— В связи с возрастающими опасениями войны какие шаги вы считаете необходимыми для улучшения отношений между СССР и США?

— Надо прямо сказать,—ответил Вышинский,—что те четыре предложения, которые внёс Советский Союз через свою делегацию на 2-й сессии Генеральной ассамблеи Объединённых наций,—предложения, направленные против пропаганды провокаторов и поджигателей новой войны,—являются одним из путей к улучшению советско-американских отношений. Попытки сломать устав организации Объединённых наций мешают советско-американскому сотрудничеству.

ству. Напротив, отказ от таких попыток улучшит возможности для этого сотрудничества. Попытки создать какой-то «временный комитет мира и безопасности», какую-то «малую ассамблею» с функциями, которые по существу подменяют функции Совета безопасности, направлены к тому, чтобы закрыть путь к сотрудничеству. Отказ от таких попыток сделал бы советско-американское сотрудничество возможным и прочным. Когда заявляют, что должна быть нарушена, сломана самая основа международного сотрудничества, какой является предложенный в своё время покойным президентом Рузвельтом принцип единогласия пяти великих держав, то это, конечно, не свидетельствует о стремлении к международному сотрудничеству.

Вообще позволительно, продолжал Вышинский, поставить вопрос тем, кто говорит о сотрудничестве: что вы понимаете под этим, милостивые государи? Не думаете ли вы называть сотрудничеством те отношения, которые существуют между всадником и лошадью? Мы подобное сотрудничество отрицаем. Мы не хотим изображать собою лошадь, на которой гарцуют всадники. Быть может, некоторым странам подобное «сотрудничество» нравится. В частности, быть может, оно нравится тем, кто соблазнен так называемым планом Маршалла. Быть может, им нравится, чтобы на их спине гарцовали всадники. Это — их дело. Мы понимаем сотрудничество совершенно иначе. Мы боремся против такого извращённого вида «сотрудничества», которое основано на принципе диктата, командования, а не на уважении к суверенным правам народов.

Корреспонденты Метс («Крисчен сайенс монитор»), Бэрроус («Чикаго дейли ньюс»), Гольдштейн («Сан-Луис пост диспетч»), Лезер (радиокомпания «Колумбия»), Уайт («Нью-Йорк ньюс»), Лубар («Тайм») задали ряд коллективных вопросов. Они спросили, в частности, будет ли Советский Союз участвовать в заседаниях «временного комитета мира и безопасности», если такой комитет будет создан.

— Я отказываюсь отвечать на вопрос о том, что произойдёт, когда что-нибудь произойдёт, — ответил Вышинский. — Я предпочитаю сказать другое: советская делегация считает, что такого комитета быть не должно. Советская делегация приложит все усилия к тому, чтобы такого комитета не было.

Те же шесть корреспондентов спросили, какому курсу намерен следовать Советский Союз, если переговоры о контроле над атомной энергией и всеобщем сокращении вооружений окончатся неудачей.

— Повидимому, шесть корреспондентов, задавших этот вопрос, заражены пессимизмом, — заметил Вышинский, — я не хотел бы разделять их компании.

Среди других вопросов, заданных перечисленными шестью корреспондентами, был и такой: считаете ли вы, что органы печати и лица, которых вы обвинили на сессии Генеральной ассамблеи в разжигании военных настроений, выражают отношение американского народа в целом к Советскому Союзу?

— Я опять должен сказать, что шесть корреспондентов впали в пессимизм, если у них могла шевельнуться мысль о том, что я или мои коллеги по советской делегации могут хотя бы на миг поставить

поджигателей войны на одну доску с американским народом. Уважаемые шесть журналистов, оставьте ваши пессимистические мысли в своих редакциях.

— Каковы перспективы урегулирования корейского вопроса на сессии Генеральной ассамблеи? — спросили А. Я. Вышинского.

— Я считаю, — ответил Вышинский, — что для урегулирования этого вопроса необходимо провести одно небольшое мероприятие: снять этот вопрос с повестки дня Генеральной ассамблеи. Это будет самое разумное и самое законное из всего, что следует сделать в этом отношении на Ассамблее. Как я уже говорил на пленарном заседании сессии, нет никаких оснований для того, чтобы Генеральная ассамблея рассматривала этот вопрос, который должен быть урегулирован путём точного выполнения обязательств, взятых на себя тремя великими державами — Советским Союзом, Соединёнными Штатами и Великобританией. США должны добросовестно выполнить соглашение трёх держав о Корее. К этому следует добавить, что постановка этого вопроса на сессии противоречит уставу организации Объединённых наций.

В сегодняшних дневных американских газетах, — продолжал Вышинский, — опубликовано сообщение из Сеула о том, что генерал Штыков от имени советского правительства предложил вывести из Кореи одновременно американские и советские войска к началу 1948 года и передать вопрос об образовании корейского правительства на решение самого корейского народа. Я думаю, что это совершенно правильное предложение. Надо убрать войска из Кореи, — пусть корейский народ сам решает вопрос о судьбе своего государства, о своей собственной судьбе.

Из толпы корреспондентов раздался голос:

— Обвиняете ли вы в ведении пропаганды войны правительство Соединённых Штатов или же отдельных лиц?

Вышинский ответил:

— Мы говорим о пропаганде войны реакционными кругами ряда стран и, в особенности, США, отдельными лицами, отдельными учреждениями, отдельными органами печати, капиталистическими монополиями и отдельными представителями американского правительства.

— Проводите ли вы разницу между правительством США и группой лиц, представляемых Даллесом? — продолжал вопрошающий.

— Я думаю, что Даллес в значительной степени вдохновляет внешнюю политику Соединённых Штатов, — гласил ответ Вышинского.

Вопрошающий не унимался. — Означает ли это, что вы обвиняете правительство Соединённых Штатов? — снова спросил он.

— Я сказал совершенно ясно, — возразил Вышинский, — даже на суде не требуют более точных формулировок...

Пресс-конференция продолжалась два с половиной часа и была закрыта т. Вышинским за поздним временем, несмотря на многочисленные требования продолжить пресс-конференцию.

О ВЫДАЧЕ ВОЕННЫХ ПРЕСТУПНИКОВ

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ (31 октября)

Я не намерен повторять то, что уже было сказано моим коллегой Родионовым, но я хотел бы уточнить некоторые вопросы, приобретающие значительный интерес, особенно в связи с тем, что мы услышали здесь от Макнейла.

Макнейл здесь сказал, что он понимает чувства и переживания представителей стран, требующих выдачи военных преступников, совершавших свои злодеяния на территории этих стран. Но эти добрые слова отнюдь не открыли Макнейлу путь к добрым делам.

Дело не в том, что представители стран, пострадавших от злодеяний военных преступников, испытывают и выражают законное негодование. Мы боремся за выполнение этих обязательств не потому, что в наших сердцах кипит негодование и мы теряем равновесие, которого хватило бы не на одного Макнейла. Мы полностью сохраняем равновесие и в этом отношении можем поспорить с Макнейлом. Мы боремся за последовательное соблюдение международных соглашений о выдаче и наказании военных преступников, потому что этого требуют обязательства, взятые на себя союзниками перед лицом всего мира и перед гекатомбами жертв, принесённых в войне против фашизма.

Разве то, что сказал здесь Макнейл, говорит о выполнении английским правительством этих обязательств? Разве можно считать нормальным такой порядок, когда, к примеру, английский бригадир Картью самовольным актом решает освободить из-под ареста после 1 октября всех военных преступников, находящихся под арестом в британской зоне, если они до этого числа не будут переданы соответствующим союзным правительствам? Разве не ясно, что ни английский бригадир Картью, ни даже целая генеральная ассамблея таких бригадиров не вправе издавать подобных приказов, ломающих торжественно принятые на себя английским правительством обязательства? И разве ваше правительство, г-н Макнейл, не могло отменить такое незаконное распоряжение, изданное вашим бригадиром ещё 17 июля?

Вы здесь говорите, что мы вас неправильно понимаем и что вы выполняете и впредь будете выполнять решения о выдаче и наказании военных преступников. Но разве эти заявления соответствуют тому, что происходит в действительности? Такие заявления представляют собою пустые слова, грубо противоречащие фактам. Поставьте бригадира Картью на место, наведите порядок в собственном доме. Без этого не может быть и речи о подлинном выполнении международных соглашений о выдаче и наказании военных преступников.

Вы заявляете теперь, что будете продолжать расследования по делам военных преступников и будете выдавать их, если признаете

это нужным. Но такое заявление само по себе говорит о новом вопиющем нарушении указанных соглашений. Эти соглашения отнюдь не предоставляют государствам, под контролем которых находятся территории, где укрылись военные преступники, право решать — выдавать или не выдавать этих преступников государствам, на территории которых они совершили свои чудовищные преступления. В международных соглашениях не сказано, что требования о выдаче военных преступников должны удовлетворяться лишь с согласия тех государств, в руках которых они находятся.

Союзные державы торжественно обязались в своей декларации от 30 октября 1943 г. найти военных преступников даже на краю света и отправить этих преступников обратно в места их преступлений, чтобы народы, над которыми они совершали насилия, судили их. Это торжественное обязательство нарушается. Больше того, теперь хотят это нарушение закрепить и увековечить.

Сейчас пытаются укрыть преступников под маской политических «оппонентов», как сказал здесь представитель Сальвадора. Говорят, будто бы мы требуем выдачи таких «оппонентов», а не военных преступников. Но вы прекрасно знаете, о ком идёт речь, выдачи кого мы требуем. Здесь уже называли много имён. Вы сомневаетесь, что это преступники? Мы требовали выдачи организаторов дивизии СС «Галичина» Кубштовича и Кирмановича. Эта дивизия входила в состав гитлеровской армии. Она совершила неслыханные зверства. Её организаторов проклинают матери, потерявшие сыновей, дети, оставшиеся без родителей. Разве этого мало, чтобы назвать Кубштовича и Кирмановича военными преступниками? Мы требовали выдачи гитлеровского наймита Омельченко, который в 1943 г. возглавлял карательные экспедиции, предававшие огню и мечу мирные сёла Украины и Белоруссии за то, что крестьяне отказывались давать хлеб гитлеровской армии. Разве этого мало, чтобы назвать Омельченко военным преступником?

Но Омельченко, как и многие другие преступники, жив, здоров и гуляет на свободе. Раньше он жил на хлебах ЮНРРА, теперь его кормят другие его покровители. Но он агент гитлеровской разведки, военный преступник. Вы должны выдать его, чтобы народ судил его. К этому вас обязывает декларация союзных держав, под которой стоит подпись и британского правительства. Но вы не хотите это сделать и вы этого не делаете.

Советская делегация не может не привлечь внимания Генеральной Ассамблеи к фактам систематических нарушений США и Великобритании международных соглашений о выдаче и наказании военных преступников, хотя мы и не питаем надежд на то, что здесь будет принята резолюция, которая способствовала бы ликвидации этих нарушений. Известно, что здесь в силу определённых обстоятельств сложился такой порядок, при котором любое предложение, исходящее от меньшинства, отклоняется даже в том случае, если всем очевидна важность этого предложения. С другой стороны, любое предложение, исходящее от большинства, возглавляемого делегациями США и Великобритании, рассматривается как благо и автоматически принимается. Это обстоятельство нас несколько не сму-

щает и не останавливает в борьбе за справедливость, за право меньшинства отстаивать свою правоту, бороться за правду.

Большинство юридического комитета предлагает в английской резолюции «принять во внимание всё сделанное». Но ведь в действительности для выдачи и наказания военных преступников ничего не сделано. Эта фраза явно не соответствует действительности. Международные соглашения о выдаче и наказании военных преступников американскими и английскими властями не выполняются, и об этом надо прямо сказать. Этого, конечно, в английской резолюции нет.

Большинство юридического комитета вносит проект резолюции, в котором, вопреки существующим международным соглашениям, законам и решениям, предлагается странам, требующим выдачи военных преступников, представлять исчерпывающие доказательства их вины. Начинается свистопляска по поводу юридических терминов *prima facie* и т. п.

Вы говорите, что вам неизвестно, кто именно является военным преступником, что вам неясно, кого надо зачислять в категорию лиц, совершивших военные преступления? Прочтите устав Международного военного трибунала, разработанный при участии ваших представителей в Лондоне почти 2 года тому назад. Там ясно сказано, кто такие военные преступники.

Что же касается юридических доказательств вины этих преступников, то мы не обязаны представлять вам исчерпывающих доказательств. Мы должны указать только основные факты, где был и что делал тот, чьи руки обгажены кровью невинных жертв, пролитой в годы войны. В соответствии с существующими международными соглашениями, законами и решениями мы говорим вам — извольте выдать нам этих преступников, и наш суд сам рассудит и определит степень виновности каждого из них, определит кару, которую он должен понести. Судить их должен наш суд, а не вы, держащие в руках преступников, которых вы не хотите выдавать, прикрываясь юридической казуистикой и крючкотворством. Но речь сейчас должна идти не о крючкотворстве, разводимом приказными крысами, а о выполнении международных обязательств.

Проект резолюции, представленный большинством комитета, содержит в своём названии упоминание о выдаче военных преступников. Но, в действительности, это проект резолюции не о выдаче, а о невыдаче военных преступников. Мы голосуем против такой резолюции, которую хочет проташить при помощи механического голосования большинство юридического комитета, представившее этот проект.

«Известия» № 260 (9482) от 4 ноября 1947 г.; см. также «Делегации СССР, УССР и БССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций», Госполитиздат, 1948, стр. 503—507.

**О СОЗДАНИИ МЕЖСЕССИОННОГО КОМИТЕТА
ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ**

(13 ноября)

1. ПОХОД ПРОТИВ СОВЕТА БЕЗОПАСНОСТИ

Советская делегация считает, что вопрос о межсессионном комитете имеет чрезвычайно большое политическое значение, так как он затрагивает интересы всей организации Объединённых наций, всю её деятельность, затрагивает вопрос даже о самом существовании организации Объединённых наций как международного органа по охране и поддержанию мира и безопасности народов. Этот вопрос мы рассматриваем как тесно связанный с вопросом о Совете безопасности, с тем местом, которое занимает Совет безопасности в системе организации Объединённых наций, с той ролью, которую Совет безопасности играет в деятельности организации Объединённых наций. Уже при самой постановке вопроса о межсессионном комитете не было и не могло быть у нас никакого сомнения в том, каковы истинные цели, преследуемые инициаторами предложения об учреждении межсессионного комитета. Сегодняшнее выступление Даллеса с этой трибуны было направлено на то, чтобы ещё раз сделать попытку убедить, что целью учреждения межсессионного комитета вовсе не является его противопоставление Совету безопасности, вовсе не является то, что мы сказали, — убить Совет безопасности. Даллес сказал, что таких кровавых планов и намерений ни у кого нет.

Я постараюсь дальше показать, как обстоит дело в этом отношении в действительности. Есть ли такие планы или нет таких планов, есть ли такие планы и есть ли попытки прикрыть эти планы, завуалировать, замаскировать таким образом, чтобы не создалось такого впечатления, что этот межсессионный комитет действительно организуется и учреждается для того, чтобы его противопоставить Совету безопасности.

Ни для Советского правительства, ни для советской делегации уже с самого начала, когда предложение о создании межсессионного комитета было внесено государственным секретарём Маршаллом 17 сентября, не было никакого сомнения, что речь идёт именно о том, чтобы свести на-нет Совет безопасности, чтобы подрубить его корни, и в этом отношении та карикатура, которая в дни празднования 30-летия Великой Октябрьской социалистической революции фигурировала, по словам Даллеса, на улицах Москвы и о которой здесь сегодня говорил Даллес, вполне соответствует тому пониманию всего этого дела, которое за многие тысячи километров отсюда москвичи подхватили и правильно передали всему советскому обществу.

Уже тогда, когда ставился вопрос об учреждении межсессионного комитета, советская делегация указывала на то, что этот комитет предполагают учредить с тем, чтобы этот новый орган, который, судя по его полномочиям и функциям, будет призван играть важную роль в жизни нашей организации, подменил собою Совет безопас-

ности, получив право рассматривать дела и вопросы, подлежащие исключительно компетенции Совета безопасности. Учреждение межсессионного комитета — это поход против Совета безопасности.

Я хочу напомнить заявление Маршалла от 17 сентября с. г. На Ассамблее Маршалл, излагая свои соображения о межсессионном комитете, назвал его межсессионным комитетом по вопросам мира и безопасности. Я прошу обратить на это название особое внимание. Он сказал: это будет межсессионный комитет по вопросам мира и безопасности. Он сам пояснил далее, что в его функции будет также входить рассмотрение различных споров и ситуаций, наносящих ущерб дружественным отношениям между народами. Он добавил к этому, что создание межсессионного комитета укрепит аппарат для мирного разрешения споров и предоставит неограниченную возможность для дальнейшего изучения по окончании этой Ассамблеи проблем, которые организация Объединённых наций должна разрешить, если она хочет преуспеть.

Не случайно, таким образом, Маршалл вопрос о межсессионном комитете связал с требованием внести изменения, как он выразился, в особые правила Совета безопасности, т. е. в правило единогласия, которое является обязательным при решении в Совете безопасности всех важных вопросов. Попытка подменить Совет безопасности межсессионным комитетом была настолько ясна и вызвала такие сомнения и подозрения у ряда делегатов в конституционности учреждения межсессионного комитета, что правительство Соединённых Штатов поспешно перестроилось в этом вопросе и приняло меры к тому, чтобы, по возможности, замаскировать свои настоящие цели. Вот почему, когда спустя 10 дней в Генеральной Ассамблее появился американский документ с предложением об организации межсессионного комитета, мы могли убедиться в том, что из заголовка «Межсессионный комитет по вопросам мира и безопасности» исчезли слова «мира и безопасности», и этот комитет, задуманный, запроектированный как межсессионный комитет по вопросам мира и безопасности, неожиданно превратился в скромный комитетик обычного типа без единого намёка на вопросы мира и безопасности.

Чем объясняется такая неожиданная трансформация? О мотивах такой трансформации сообщила одна нью-йоркская газета, в которой было напечатано следующее: «Государственный секретарь Маршалл заявил в Ассамблее, что комитет, предусмотренный в его предложении, предназначается не для того, чтобы «вмешиваться» в функции Совета безопасности или любой из её комиссий; но многие делегации, очевидно, не были убеждены в этом. Становилось ясным, что предложение Соединённых Штатов не получит требуемых двух третей голосов Генеральной Ассамблеи, если оно не будет таким путём изменено. Сейчас считают, что оно получит две трети голосов, несмотря на решительные возражения Советского Союза и его сторонников».

Что означает это сообщение американской печати? Оно означает не больше, не меньше, как то, что, исключая из самого названия этого комитета — «межсессионный комитет по вопросам мира и безопасности» — слова «по вопросам мира и безопасности», авторы этого

предложения стремились замаскировать свои действительные цели — собрать побольше голосов, привлекая к себе те делегации, которые поверят, что это не тот комитет по вопросам мира и безопасности, новый, второй, параллельный комитет, который будет конкурировать с настоящим комитетом по вопросам мира и безопасности, законным комитетом по вопросам мира и безопасности, тем комитетом, который называется Советом безопасности. Если бы были другие цели, а не маскировка, то зачем бы понадобилось убирать слова «мира и безопасности» из заглавия межсессионного комитета. Допуская такую аляповатую, грубую форму, я бы сказал примитивную форму, правительство США не подумало о том, что оно должно считаться с общественным мнением организации Объединённых наций. В спешке, которая вообще характеризует всю эту страпню с организацией межсессионного комитета, не подумали его авторы о том, какое впечатление произведёт заголовок, в котором указывается, что это — комитет по вопросам мира и безопасности, а в то же время имеется другой комитет по вопросам мира и безопасности, — именно Совет безопасности. Но когда реакция получилась неблагоприятная, когда это грубое, аляповатое, я бы сказал, солдатское предложение смутило значительную часть делегаций, которые начали выражать тревогу, сомнения, тогда явилась необходимость мобилизовать маляров от политики, которые сумели бы перекрасить фасад, замазать старую вывеску, навесить на старое здание новую вывеску и сделать вид, будто это так было задумано с самого начала. Я считаю, что вся эта история с перемены названия — это скандальная история. Она изобличает действительно бесцеремонное обращение с Генеральной Ассамблеей, когда после того, как Генеральная Ассамблея услышала из уст представителя американского правительства в лице государственного секретаря Маршалла предложение об организации межсессионного комитета по вопросам мира и безопасности, из документа эти слова поспешно убрали.

Итак, самое изменение названия временного комитета, исключение этих важных слов было сделано для того, чтобы успокоить встревоженных делегатов, которые могли бы отказаться подать две трети голосов за столь обнажённое в своём неприглядном виде предложение Соединённых Штатов Америки. Иначе нельзя понять отклики нью-йоркской печати, которые нашли своё выражение в цитируемой мною сейчас статье. Меня поэтому не удивило, что Даллес всю свою речь посвятил сегодня тому, чтобы ещё раз доказать, что этот орган не будет представлять никакой конкуренции по отношению к Совету безопасности, что никаких кроважидных замыслов у авторов этого проекта не имеется и что, в сущности, для него непонятно, из-за чего загорелся этот сыр-бор. Ведь дело идёт об обыкновенном комитете, каких много, какие учреждаются периодически, о которых никто не шумит и которых, может быть, даже не замечают, а здесь вдруг советская делегация подняла шум и начала атаку!

Эта история с названием межсессионного комитета говорит сама за себя. Ясно, что это свидетельствует о топорной работе, проделанной в спешке, о том, что этот комитет подготовлялся, очевидно, по русской поговорке: «Тяп да ляп, вышел корाप».

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ МАНЕВРЫ

Вся эта история не так уже проста, как здесь пытался сегодня изобразить представитель США. Это — определённый политический маневр. Но это не единственный и не самый важный маневр. Более серьёзным маневром является попытка представить межсессионный комитет в качестве вспомогательного органа, чтобы, таким образом, решение об учреждении межсессионного комитета, противоречащее Уставу, прикрыть статьёй 22 Устава, в которой говорится, что Генеральная Ассамблея уполномочивается учреждать такие вспомогательные органы, которые она сочтёт необходимыми для осуществления своих функций.

Таким образом, весь вопрос переносится в другую плоскость. Нам говорят: статья 22 разрешает организовывать вспомогательные органы. Вот мы и учреждаем этот комитет, который и есть вспомогательный орган. Сначала пытались изобразить советскую позицию так, будто бы советская делегация отрицает право Генеральной Ассамблеи создавать вспомогательные органы. Мы это опровергли, указали на несостоятельность такого рода утверждения. Мы указывали на то, что доказать, что это есть вспомогательный орган, можно, только обратившись к анализу самих функций этого комитета. Даллес здесь ссылаясь на моё определение того, что такое вспомогательный орган. Неплохо, конечно, что он принимает наше определение, но как его применить теперь на практике? Если мы определили, что это есть орган, который обязан и должен, может и способен оказывать помощь Генеральной Ассамблее, и только в этих пределах должны строиться его функции, то надлежит теперь сделать следующий логический шаг и посмотреть, соответствуют ли этому определению вспомогательного органа и тому принципу, который положен нами в основу данного определения, те функции, которыми наделяется межсессионный комитет решением большинства первого комитета, которое сегодня предложено на ваше утверждение.

Анализ функций этого комитета доказывает, что это не вспомогательный орган. Советская делегация не может согласиться с тем, что это вспомогательный орган.

Американские представители утверждают, что все функции этого органа заключаются только в том, чтобы подготовить материалы, доложить эти материалы Генеральной Ассамблее со своими заключениями. Такой же подготовительный характер они пытаются придать межсессионному комитету и говорят о функции по расследованию тех или других фактов, связанных с поддержанием международного мира и безопасности.

Однако, несмотря на всю казуистику и ухищрения, американский представитель не может не признать, что утверждением межсессионного комитета преследуется цель компенсировать, как он выразился, недостаточную деятельность Совета безопасности. Развивая эту свою теорию компенсации, Даллес привёл очень образный пример. Он сказал: если одна рука парализована, то что же, прикажете парализовать и другую руку? Нет, другой руке, не парализованной,

здоровой, сильной, нужно дать дополнительную нагрузку. Эта рука будет выполнять свою работу и возьмёт на себя нагрузку другой, парализованной руки. Вдумайтесь в теорию компенсации применительно к нашей организации. Что получается? Получается такая картина: парализованный орган — это Совет безопасности, дряблый, неспособный к деятельности, бессильный, чего не может терпеть организация Объединённых наций; необходимо создать взамен этого органа другой орган, чтобы он мог компенсировать потерю, которую понесла организация в целом, организм в целом. Если парализована левая рука, то нужно усилить нагрузку правой руки.

3. АМЕРИКАНСКИЙ ЗАКОН КОМПЕНСАЦИИ

Американское предложение требует, чтобы был создан новый орган, который выполнит работу, какую не может выполнять Совет безопасности. Этот орган — межсессионный комитет. Значит, межсессионный комитет — это есть орган, который будет выполнять ту работу, которую не выполняет Совет безопасности. Вот американский закон компенсации. Это означает поставить межсессионный комитет на один уровень с Советом безопасности. Это значит, что межсессионный комитет должен заменить собой Совет безопасности. Всем известно, — и это записано в статье 7 Устава, — что Совет безопасности является главным органом организации Объединённых наций. Как же можно, в таком случае, называть межсессионный комитет вспомогательным органом, если этот орган призывается для того, чтобы заменить собой главный орган и, следовательно, стать на место этого главного органа, т.е. сам превращается в главный орган? Не ясно ли, что автор теории компенсации опроверг свои собственные доводы и соображения в пользу того, что межсессионный комитет — вспомогательный орган.

Говорят, что когда одна мастерская закрывается (такой пример был приведён в комитете), то открывается другая мастерская. Что это означает? Это означает опять-таки, как утверждал Эватт, который настойчиво следует в этом вопросе за Даллесом, хотя патент на изобретательство они могут разделить между собой поровну, что между Советом безопасности и межсессионным комитетом нет соперничества. Это же утверждали и Шоукросс и некоторые другие делегаты, в том числе китайский делегат. Эти делегаты, поддерживая предложение США, пели в унисон, дудили в одну дудку, утверждая, что тут никакого соперничества нет. Они говорят: когда закрывается одна мастерская, то все идут в другую. Это означает, что в представлении Эватта Совет безопасности — уже закрывшаяся мастерская. Эватт, видимо, готов уже похоронить Совет безопасности. Но если Совет безопасности прекращает своё существование, превратившись в закрытую мастерскую, то, по его мнению, возникает необходимость открыть новую мастерскую. И вот открывается новая «мастерская» в виде межсессионного комитета. Разве это не подтверждает, что межсессионный комитет — это орган, который создаётся взамен Совета безопасности?

4. ИСКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛНОМОЧИЯ МЕЖСЕССИОННОГО КОМИТЕТА

Это пока аллегорическое рассуждение, но как обстоит дело фактически? Фактически дело обстоит, как я дальше постараюсь показать, таким образом, что те самые функции, которые должны принадлежать согласно этому проекту резолюции межсессионному комитету, разумеется, не могут идти ни в какое сравнение с теми скромными функциями, которыми обыкновенно наделяются комитеты и действительно вспомогательные органы. И это, конечно, заметили некоторые делегаты, как, например, французский делегат. Пароди при рассмотрении этого вопроса в первом комитете заявил, что во всяком случае не может идти речь о расширении полномочий самой Ассамблеи или о делегировании Ассамблеей полномочий другому органу. Он заявил по этому поводу, что, по мнению французской делегации, любая из этих процедур основывалась бы на очень сомнительной законности. Он высказал сомнение в том, имеет ли вообще Ассамблея право делегировать свои полномочия подчиненному органу. И эти сомнения совершенно законны. Выходит так, что Генеральная Ассамблея имеет право переносить свои права, указанные в статьях 11, 12, 13, 14 и т. д., на какой-то другой орган.

Французский делегат справедливо усомнился в таком праве Ассамблеи. Такое сомнение совершенно законно, ибо когда Генеральная Ассамблея наделена какими-то правами, то она наделена ими по Уставу, и вместе с правами она обладает и определенными гарантиями, которых не может быть ни у какого вспомогательного органа, если это ему не предоставлено самим Уставом.

И тем более естественно, что те исключительные полномочия, которые принадлежат Генеральной Ассамблее, она не может передавать кому-либо другому. Скажем, какой-либо член организации Объединенных наций, например, Советский Союз, решает обратиться к Генеральной Ассамблее с тем или другим предложением, например, с предложением о том, чтобы принять меры против пропаганды и поджигателей новой войны. Но мы обращаемся к Генеральной Ассамблее, а не к какому-то комитету, не предусмотренному даже Уставом. Генеральная же Ассамблея вместо того, чтобы нас выслушать, перепоручает это межсессионному комитету. Мы не на таких условиях вступали в организацию Объединенных наций, и ни одна уважающая себя держава не может согласиться с такими условиями пребывания в организации Объединенных наций, когда её обращение к Генеральной Ассамблее может даже не выслушиваться Генеральной Ассамблеей, а передаваться просто в какой-то межсессионный комитет, которому будет поручено «разобраться и доложить». Мы здесь равноправные члены организации и должны участвовать в принятии решения о том, будет ли тот или другой вопрос разрешен непосредственно Генеральной Ассамблеей или будет передан на предварительное обсуждение какому-нибудь комитету. Без нас в этом деле никто хозяйничать не имеет права. С иными порядками мы не можем согласиться и не согласимся, пока действует Устав организации Объединенных наций.

Вы хотите создать новый орган, не предусмотренный Уставом? В таком случае извольте действовать в соответствии с установленной Уставом процедурой внесения в Устав изменений. Поставьте вопрос о пересмотре Устава, введите новые правила. Тогда мы ещё посмотрим, войдут ли эти новые правила в жизнь, будут ли они одобрены двумя третями большинства Генеральной Ассамблеи. Будут ли они ратифицированы большинством двух третей, включая совпадающие голоса пяти постоянных членов Совета безопасности, великих держав. Извольте обратиться к нормальному, легальному, конституционному пути для изменения Устава, если вы считаете нужным изменить этот Устав. Но вы не имеете права нарушать Устав, вводить новые правила рассмотрения, утверждения и т. д. разного рода предложений без того, чтобы не был соблюден Устав организации Объединённых наций, ибо мы — организация международная, где диктату места нет, где командованию места нет, где в основе должно лежать соглашение, добровольное исполнение решений. Уважение к этим принципам не может быть поколеблено даже решением большинства двух третей голосов.

Поэтому совершенно естественно и правильно заявил Пароди в первом комитете о том, что вся эта история сомнительна с точки зрения конституции Устава, с точки зрения обоснованности законом организации Объединённых наций. Мы не согласны с тем, что он так нерешительно говорил об этом. Но это, конечно, его дело. Я здесь не буду вдаваться в эту критику.

Высказанные в этом направлении мнения заслуживают внимания. Сторонники межсессионного комитета высказывались в том смысле, что создание межсессионного комитета даст возможность Генеральной Ассамблее продолжать работу вне своих сессий. В частности, этой мыслью, безусловно, руководствовался Маршалл, когда он заявил в своём докладе 17 сентября, что «создание межсессионного комитета сделает возможности Генеральной Ассамблеи постоянно доступными в течение этого следующего года для всех её членов. Это укрепит аппарат для мирного разрешения споров и возложит в основном ответственность за такое разрешение на всех членов организации Объединённых наций».

Что это означает? Это означает попытку превратить межсессионный комитет во вторую Генеральную Ассамблею или, как уже говорят сейчас, в так называемую малую ассамблею. Все прекрасно знают, кто защищает межсессионный комитет, что создание межсессионного комитета преследует также ту цель, чтобы через этот комитет сделать заседания и работу Генеральной Ассамблеи перманентными, постоянными. Это пытаются достичь тем, что к Генеральной Ассамблее пристраивается новый орган, который под именем межсессионного комитета будет продолжать функционировать так, как функционирует сама Генеральная Ассамблея, конечно, с некоторыми ограничениями. Без всяких ограничений обойтись в этом деле нельзя. Это всё равно, что явиться сюда в дезабилье. Я потом скажу, чего стоят эти ограничения. В действительности эти ограничения имеют очень мало цены.

5. О МОРАЛЬНОЙ СИЛЕ РЕКОМЕНДАЦИЙ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

Я пользуюсь случаем в двух словах ответить Даллесу на его заявление о том, что советская делегация считает рекомендации Генеральной Ассамблеи не имеющими значения. Советская делегация никогда этого не говорила. Нет, мы знаем, что рекомендации имеют своё значение. Но мы говорили о другом, о том, что те рекомендации, которые очень часто здесь выносятся, в противоречии с принципами организации, вопреки духу Устава, действительно не имеют под собой моральной силы. Можно привести в качестве примера рекомендации по греческому вопросу. Ведь мы в течение почти целого месяца доказывали, что нет никаких моральных оснований предъявлять обвинения трём балканским странам — северным соседям Греции — в их так называемых преступлениях. Конечно, в прямой форме американской делегации эти обвинения не удалось провести, но в косвенной, завуалированной форме, при помощи французской и английской поправок, это ей в известной мере удалось сделать.

Можно ли утверждать, что эти рекомендации могут иметь какую-либо моральную силу?

Нет, нельзя, так как, действительно, этим рекомендациям нет никакого морального оправдания. Мы это утверждали при рассмотрении так называемого греческого вопроса. Мы будем и дальше утверждать перед всем миром, что эти рекомендации не имеют моральной силы, хотя они, конечно, имеют формальную силу.

Мы не говорим, что все рекомендации не имеют моральной силы. Наоборот, мы утверждали, что некоторые резолюции, как, например, резолюция против пропаганды войны, хотя она и отличается от проекта советской резолюции, всё же имеет моральную силу. Как известно, эта резолюция воплотила идею советских предложений. Она была единодушно одобрена Ассамблеей. Поскольку она содержит в себе основную идею советской делегации — убить пропаганду войны, несмотря на то, что американская делегация призывала убить советскую резолюцию, мы, несмотря на её половинчатость, недостаточность и непоследовательность, голосовали за эту резолюцию и знаем, что она имеет моральную силу. Г-ну Даллесу следовало бы со своими рассуждениями о моральной силе или ценности резолюций Генеральной Ассамблеи обратиться не ко мне и не к советской делегации, а раньше всего к самому себе, против которого также направлена эта резолюция, или обратиться к газетам, вроде «Нью-Йорк таймс», которая на следующий же день после принятия указанной резолюции не постеснялась заявить во всеуслышание, что эта резолюция есть нарушение Устава, что она больше способствует возбуждению конфликтов, чем их ликвидации. Эта газета, таким образом, открыто призывает не выполнять резолюцию Генеральной Ассамблеи. Она, эта газета, — и одна ли только эта газета? — осудила резолюцию против поджигателей войны, открыто и недвусмысленно заявив о том, что эта резолюция лишена моральной ценности и значения.

Так что же вы, г-н Даллес, теперь валите с большой головы на здоровую? На каком же основании вы нам, советской делегации,

приписываете, что мы якобы отрицаем моральную ценность всех резолюций и решений, которые принимаются Генеральной Ассамблеей? Это неправильно, это не то, что мы говорим.

Даллес вообще любит полемизировать, приписывая противнику то, что он не говорил. Но мы утверждали и утверждаем, что есть резолюции, которые имеют моральную и формальную силу, а Генеральная Ассамблея — это такой международный инструмент, который больше всего заинтересован в том, чтобы иметь моральную силу, моральный авторитет. Поэтому мы и боремся за предложения, которые считаем правильными, и против предложений, которые считаем неправильными. Хотя мы останемся в меньшинстве, но меньшинство не всегда бывает неправо, ибо тот, кто сегодня в меньшинстве, завтра может быть в большинстве. И мы не сомневаемся, что если мы сегодня в меньшинстве, когда требуем, чтобы были реально обузданы поджигатели войны, то завтра будем в большинстве. Народы заставят принять реальные, а не бумажные меры против поджигателей новой войны.

Даллес пытался упрекать нас в непоследовательности. Он утверждал, что мы якобы против того, чтобы Ассамблея обсуждала политические вопросы. Это — явный вздор. Мы против того, чтобы Ассамблею заставляли рассматривать такие вопросы, как итальянский договор или корейский вопрос, так как это не относится к компетенции Ассамблеи и не соответствует требованиям Устава.

Здесь никакого противоречия и никакой непоследовательности у нас нет. Вопрос о пересмотре итальянского договора никакого отношения к организации Объединённых наций не имеет, ибо в самом Уставе организации Объединённых наций предусмотрен другой порядок рассмотрения таких вопросов. Кроме того, нельзя передать этот вопрос на рассмотрение государств, многие из которых никакого отношения не имели к войне с Италией и к заключению с ней мирного договора. Другое дело — экономические вопросы, связанные с проблемами, относящимися к компетенции организации Объединённых наций. Такие вопросы американская делегация обязана была бы внести на рассмотрение организации, но этого-то как раз и не было сделано, например, в отношении плана Маршалла.

Представитель США нам говорил здесь о «мощной силе морального и умственного убеждения». Он говорил, что якобы в организации Объединённых наций нет никакого механического голосования. Но давайте всё-таки говорить откровенно. Ну, разве мы не помним всю эту историю с выборами Украинской республики в Совет безопасности, которая только сегодня, после 12 безрезультатных туров, оказалась всё же избранной? Но почему же Украина 12 раз голосовала и не могла быть избранной? Что изменилось с тех пор? Почему же вы играли такую игру?

И после этого нам говорят, что нет автоматического голосования. Нет, оно есть. Имеется много фактов, которые способны доказать перед всем миром, что автоматизм, дипломатический сговор в ряде случаев существует. Это автоматическое большинство налицо. В ряде случаев мы не видели здесь ни морального, ни умственного убеждения. Нам говорят: позвольте, какой же это автоматизм голо-

сования, когда сплошь и рядом резолюции, внесённые первоначально, заменяются другими. Но, во-первых, известно, что это также своего рода дипломатический маневр, когда вносится одна резолюция, чтобы произвести определённое давление, а потом путём уступок дойти до своего настоящего требования. Так было с резолюцией по греческому вопросу, когда внесли одну грозную резолюцию, а потом приняли другую, которую внесли свои же люди по предварительному уговору. Это и есть кулуарная дипломатия.

Я должен перейти к замечаниям Шоукросса в первом комитете. Он старался доказать, что межсессионный комитет — это действительно вспомогательный орган и что здесь нет решительно никаких нарушений Устава. То, что он ссылаясь на ту же 22 статью Устава, никого ни в чём не убеждает, потому что простое повторение текста 22 статьи вовсе не есть ещё доказательство. Но нам говорят: Генеральная Ассамблея создаёт разные комитеты, например, палестинский комитет. Почему же она не может создать межсессионный комитет? Я уже говорил по этому поводу и ещё раз скажу, что палестинский комитет был создан в совершенно ином порядке.

Палестинский комитет был создан в силу просьбы, с которой правительство Соединённого Королевства обратилось к генеральному секретарю ООН, чтобы поставить этот вопрос на повестку дня Ассамблеи, так как дальше пользоваться мандатом на Палестину англичане не намерены. Статья 10 Устава предусматривает такого рода возможность. Генеральный секретарь поставил этот вопрос на рассмотрение специальной сессии, созванной по этому поводу. Эта сессия определила положение и в рамках Устава и в соответствии с ним приняла соответствующую рекомендацию. Но разве это то, о чём говорит статья 34 Устава? Разве это расследование ситуации и споров, которые предусмотрены этой статьёй? Конечно, нет, ничего похожего на статью 34 нет.

Говорят, что Ассамблея имеет право назначать всякие комиссии по расследованию. Такое утверждение мы считаем неправильным. Ассамблея имеет право назначать комиссии по исследованию, а вовсе не по расследованию. Поэтому в Уставе применены даже разные слова — «study» и «investigate». На эту разницу обратил внимание в первом комитете Шоукросс, когда он говорил, что он представляет себе, что вопросы по исследованию, передаваемые межсессионному комитету, будут носить академический характер, как, например, вопрос о том, что такое агрессия и т. д. Но ведь, когда мы говорим о расследовании в смысле статьи 34 Устава, мы имеем в виду расследование тех инцидентов, фактов, столкновений, споров, которые способны угрожать миру и безопасности.

А что сказано в этой резолюции? Разве не сказано, что этот межсессионный комитет уполномочен проводить расследования и назначать для этого комиссии, поскольку он находит это целесообразным и необходимым? По каким вопросам? Да этот вопрос — по каким вопросам идёт речь — даже не поставлен в резолюции, потому что в том же проекте резолюции в пункте 2 «б» говорится, что этот комитет имеет право рассматривать любые вопросы, т. е. рассматривать представленные в Генеральную Ассамблею вопросы,

касающиеся любого спора, любой ситуации, которые в силу статей 11, п. 2, 14 и 35 Устава переданы для внесения в повестку дня Генеральной Ассамблеи тем или другим членом организации Объединённых наций.

Если вы обратитесь к статье 34, то увидите, что Совет безопасности способен или может рассматривать только те вопросы, которые могут привести к международным трениям или вызвать спор. Это весьма существенное ограничение. Он может производить расследование лишь для того, чтобы определить, может ли данный спор или ситуация угрожать международному миру и безопасности. Это второе существенное ограничение. Вы видите, как ограничены функции Совета безопасности. Поставьте рядом с этими функциями функции, которые изложены в п. 2, «б» и «е», и посмотрите, чи же функции шире, какие функции шире — те, которые предоставлены Совету безопасности по расследованию ситуаций и споров, в соответствии со статьёй 34 Устава, или те функции, которые предоставляются сейчас межсессионному комитету пунктами 2 «б» или 2 «е», или, лучше сказать, в их совокупности? Ну, господа, если вы ослеплены тенденцией и предвзятостью, желая во что бы то ни стало доказать, что это белое, а не чёрное, или что это зелёное, а не коричневое, то тогда у нас нет общего языка. Мы не сможем договориться. Но если вы свободны от предвзятости и можете, как юристы или даже как простые школяры из юридической школы, сравнить эти тексты, вы увидите, что они отличаются один от другого, как Эйфелева башня отлична от какой-нибудь простой мачты. Вот почему мы говорим, что нельзя согласиться с учреждением комитета с такими функциями, в корне изменяющими структуру организации.

То, что вы покропите его святой водой и скажете, что это вспомогательный орган — это ничего не изменяет. Есть много охотников называть вещи не собственными именами, чтобы легче и лучше протолкнуть свою вещь потребителю. Мы держимся другого мнения. Мы видим, что эти статьи придают межсессионному комитету столь важное значение, что называть его вспомогательным органом — это не только значит отойти от понятия о том, что такое вспомогательный орган, но значит вступить в противоречие с принятым определением. Мы, советская делегация, с этим согласиться не можем.

6. ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА О МЕЖСЕССИОННОМ КОМИТЕТЕ

Я хотел бы напомнить, что эта история с межсессионным комитетом имеет уже своё прошлое. Известно, что вопрос о межсессионном комитете возник не сегодня, и сами американские делегаты не оспаривают первенство в этом деле Голландии, которая ещё в декабре 1945 г. внесла предложение создать такой комитет из 18 членов с функциями, которые были гораздо более скромными, чем те, которые сейчас предлагают ему придать. Здесь те же самые формулировки, даже то же название — межсессионный комитет. Через два года американские эксперты взяли название из голландского документа и добавили к нему слова «по вопросам мира и безопасности», что оказалось не очень удачным.

Но тогда голландская делегация просила вовсе снять этот вопрос с рассмотрения, потому что все делегаты указывали, что создание такого органа прямо затрагивает прерогативы Совета безопасности.

Почему же тогда все единодушно признавали, что учреждение межсессионного органа затронет функции Совета безопасности, а сейчас это пробуют отрицать? Разве функции стали другими?

Или, может быть, функции, которые вы сейчас придаёте этому комитету, являются более скромными, чем те, которые хотели придать ему голландцы, когда они в декабре 1945 г. вносили это предложение на рассмотрение исполнительного комитета подготовительной комиссии?

Конечно, нет. Тогда функции были гораздо скромнее и, тем не менее, всеми членами подготовительной комиссии было признано, что учреждение межсессионного комитета явится нарушением Устава. А почему теперь, когда предлагается учредить комитет с более ответственными и важными функциями, отрицают, что это нарушает прерогативы Совета безопасности? В чём дело? Или мы изменились, или что-либо изменилось вокруг нас? Да, господа, многое изменилось вокруг нас, да и многие изменились из нас.

7. «НОВЫЙ КУРС» США И МЕЖСЕССИОННЫЙ КОМИТЕТ

Эти изменения произошли в международном положении разных стран и во внешней политике, которую некоторые страны теперь решаются проводить, не считаясь с другими странами и не считаясь с принципом согласованных действий, который был заложен в Ялте, Тегеране и Потсдаме и который был подтверждён в Думбартон-Оксе и в Сан-Франциско, принцип, который записан в нашем Уставе, за который мы стоим и требуем, чтобы стояли все, кто желает и дальше работать вместе с организацией. Всё это теперь подвергается ревизии. Даже больше. Это теперь вывозится на свалку, в мусорную яму истории. Голландская делегация сама попросила два года тому назад снять этот вопрос, убедившись, очевидно, что внесённое ею предложение действительно нарушает прерогативы Совета безопасности, и он был снят.

Но когда изменились обстоятельства, тогда вытаскивается из архива этот запылённый инструмент. Его быстро реставрируют, модернизируют, немного видоизменяют, хотя всё принципиальное остаётся тем же, и выносят сюда и предлагают Ассамблее принять, как панацею от такого несчастья, как принцип единогласия, как вето. В то время межсессионному комитету голландская делегация отводила малую роль, скромную роль, сам состав его ограничивался 18 членами, сейчас проектируется состав комитета в 57 членов.

Нам говорят — он не решает, он только рекомендует. А что же решает Генеральная Ассамблея? Разве она тоже, главным образом, не рекомендует? Она рекомендует разным учреждениям; межсессионный комитет рекомендует Генеральной Ассамблее, чтобы вместе с ней рекомендовать разным учреждениям. Это ничего по существу не меняет. Но тем не менее тогда, в 1945 г., это было отвергнуто. Теперь,

наоборот, это воспринимается как необходимое, как важное, воспринимается, конечно, не случайно, воспринимается именно потому, что сейчас это отвечает требованиям времени, т. е. отвечает тем интересам внешней политики, тому курсу внешней политики, который проводится некоторыми государствами и, в первую очередь, Соединёнными Штатами Америки и поддерживающими их государствами — Великобританией, Францией, Китаем.

Что же это за внешняя политика? Это та внешняя политика, которая предлагает действовать не методами соглашения, а методами давления, методами использования своей финансовой мощи, кстати, вопреки тому правилу, которое требует, чтобы никакая экономическая помощь не использовалась в политических целях. При такой внешней политике предпочитают действовать методами диктата, давления, использования своей экономической и финансовой мощи, своих организационно-технических преимуществ и военного превосходства по отношению к другим странам, более слабым и менее стойким в сопротивлении иностранному давлению. Вот почему государства, проводящие такую внешнюю политику, не только не стремятся к укреплению организации Объединённых наций, которая является органом международного сотрудничества, но не прочь ослабить эту организацию, ибо при известных обстоятельствах она может оказаться помехой в проведении планов диктата и экспансии. Этим странам организация Объединённых наций, действительно, служит препятствием и помехой, и это особенно нужно сказать о таких органах, как именно Совет безопасности, который, в силу действующих в Совете безопасности правил процедуры и принципа единогласия пяти постоянных членов — великих держав, не превратился ещё до сих пор и, пока будет действовать это правило, не превратится в простую контору государственного департамента США. Идея международного сотрудничества при таком положении отходит на второй план, всё более тускнеет и блекнет. Новый курс внешней политики, провозглашённый США, идёт в направлении отказа от этой идеи. Некоторые американские политические деятели откровенно говорят, что международное сотрудничество было необходимо во время войны, когда нужно было дать отпор опасному врагу, но в мирное время, когда эта опасность непосредственно не угрожает, нет необходимости в таком сотрудничестве, которое требует взаимных уступок, уважения взаимных интересов, требует ограничения своих эгоистических поползновений.

Видные вдохновители американской внешней политики, вроде Даллеса, открыто призывают отказаться от «системы Тегерана, Ялты, Потсдама». На заседании первого комитета Даллес заявил:

«В Москве государственный секретарь Маршалл заявил: «Отступления к Ялте не будет». Это заявление, — говорил Даллес, — продолжает быть действительным, и я знаю, что я выражаю точку зрения подавляющего большинства населения Соединённых Штатов, когда я говорю, что мы не отступим к системе Тегерана, Ялты и Потсдама, которая могла быть и, конечно, была вызвана военной необходимостью; однако во время мира мы хотим исследовать до конца принцип справедливости и законности и оказать воздействие на эти

проблемы использованием морального приговора мирового общества через посредство этой важнейшей Ассамблеи организации Объединённых наций».

В этой цитате я считаю необходимым подчеркнуть, как самое однозное, призыв к тому, чтобы не возвращаться к системе Тегерана, Ялты, Потсдама. Даллес пытался разъяснить это своё скандальное заявление, направленное на подрыв международного сотрудничества и изобличающее агрессивные настроения автора, заявив, что сказанные им слова означают лишь то, что руководители американской внешней политики — против тех тайных соглашений, которые были заключены в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Но это — лицемерное заявление, потому что всем известно, что США нисколько не отказываются от тайных соглашений и сейчас, что такие соглашения подготавливаются и вынашиваются за спиной и в обход организации Объединённых наций. В связи с этим я должен опять сослаться на доктрину Трумэна, план Маршалла или англо-американские соглашения по поводу Германии и т. д. Разве это не соглашения, подготовленные в результате тайных переговоров, к которым впоследствии приобщилась Франция, поскольку она оказалась прижатой к стене своими более сильными партнёрами? По сравнению с временами Ялты, Тегерана и Потсдама дело в этом отношении изменилось только в том, что, вместо соглашений между тремя великими державами — США, Великобританией и СССР, — первые две державы предпочитают за последние годы после окончания войны договариваться между собой, пытаясь поставить СССР перед фактом.

«Не будет возврата к Тегерану, Ялте, Потсдаму» — это лозунг отказа от международного сотрудничества, потому что именно в Тегеране, Ялте, Потсдаме были достигнуты всемирно-исторические образцы того, как нужно сотрудничать в самые тяжёлые годы, когда на человечество обрушилась самая тяжёлая война, какую оно когда-либо знало.

8. МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО И ПРИНЦИП ЕДИНОГЛАСИЯ

Когда создавалась организация Объединённых наций, умами подавляющего большинства государств владела идея найти форму международного сотрудничества, которая избавила бы человечество от всех тяжчайших последствий и ужасов, которые периодически падали на его голову в прошлом. Тогда был найден путь. Это, раньше всего, установление в Совете безопасности того самого правила единогласия, инициатором которого явилось, как известно, американское правительство и, в частности, покойный президент Рузвельт. Ведь, в самом деле, в документе, который был представлен руководителем американского правительства в Ялте руководителям Великобритании и Советского Союза, указывалось на два важных элемента в вопросе о правиле единогласия в Совете безопасности.

«Первый заключается в том, — говорилось в этом заявлении, — что для сохранения всеобщего мира необходимо единогласие среди постоянных членов.

Второй состоит в том, что для народа Соединённых Штатов исключительно важно, чтобы была предусмотрена справедливость для всех членов организации.

Примири эти два главных элемента — наша задача. И мы считаем, что предложения, представленные маршалу Сталину и премьер-министру Черчиллю 5 декабря 1944 г., дают разумное и справедливое решение и удовлетворительно комбинируют эти два главных соображения».

Так писал тогдашний президент США Рузвельт. А разве заявление, сделанное через 4 месяца после этого в Сан-Франциско от имени четырёх приглашающих делегаций, также не подчёркивало, что этот принцип является основой всей организации Объединённых наций? Я просто приглашу вас вспомнить, возобновить в своей памяти эти исторические документы для того, чтобы со всей ясностью встало перед вами всё то великое значение для жизни и дееспособности такой международной организации, как организация Объединённых наций, принципа единогласия, который является основой деятельности Совета безопасности, против которого сейчас учреждением межсессионного комитета направляются главные удары так же, как и против принципа единогласия.

Тогда государственный секретарь США Стеттиниус рассуждал иначе, чем теперешний государственный секретарь США Маршалл. Тогдашнее правительство говорило, возражая на критику принципа единогласия, что эта критика возникает потому, что забывают, что «Объединённые нации не федерация, не мировое государство и что процедура голосования суверенных членов-наций не может рассматриваться на той же базе, как процедура голосования в парламентах штатов или конгрессе». Тогда американское правительство устами исполняющего обязанности государственного секретаря Джозефа Грю утверждало, что правила процедуры голосования в Совете безопасности, принятые в Сан-Франциско как часть предложения в Думбартон-Оксе, представляют собой основу для международной организации. Тогда правительство США считало, что в этих правилах голосования нет ничего, что могло бы помешать любому государству представить вниманию Совета безопасности любой спор или любое положение, которое это государство считает способным привести к международным трениям или возбудить спор.

Так здраво смотрели тогда реалистические руководители США на вопрос о Совете безопасности и на так называемое вето, отдавая должное установленной тогда системе международного сотрудничества. Тогдашние руководители внешней политики США видели необходимость в учреждении полномочного Совета безопасности, опирающегося на принцип единогласия, сдерживающего противоречия и обеспечивающего согласованность действия, и в утверждении самого правила единогласия. Тогда не могли рассчитывать на успех проблемы так называемого межсессионного комитета.

9. ПРОТИВ НАРУШЕНИЙ УСТАВА

Сегодня эта проблема возникла потому, что пришли другие времена. Новые времена, господа, говорят,— новые песни. Мы, Советский Союз, эти песни распевать не желаем. Мы не желаем петь песню, которая призывает к колебанию основ организации Объединённых наций. Мы считаем, наоборот, что мы должны направить все силы на то, чтобы укрепить авторитет организации Объединённых наций, придать ей наибольшую мощь, потому что без этого будут повторяться уроки печальной памяти Лиги наций. Но для этого недостаточно только одних тех средств, которые есть в её распоряжении. Нужно, чтобы эта организация обладала моральной силой, но для этого нужно раньше всего уважать её Устав, уважать великие принципы, уважать договорённость, быть вместе в важнейших вопросах, ничего не предпринимая за спиной друг друга и против друг друга. На этой основе мы, Советский Союз, стоим и будем стоять.

Вот почему мы будем голосовать против учреждения межсессионного комитета, как опасного и незаконного акта, опасного потому, что он чреват тяжёлыми последствиями для нашего единства и всего будущего организации Объединённых наций, незаконного потому, что он является нарушением Устава, под которым мы дали свою подпись и торжественно обещали его соблюдать. Мы настойчиво обращаемся ко всем членам организации с призывом соблюдать Устав, не нарушать Устав, уважать его, уважать принципы Устава, уважать не только большинство, но и меньшинство, потому что в нашей организации, строго говоря, нет большинства и меньшинства, а есть равноправные суверенные государства, которые должны вместе делать то важное дело, от которого зависят судьбы мира и безопасность народов.

Вот соображения, по которым мы, советская делегация, от имени Советского Союза заявляем, что мы не согласны с учреждением этого органа, как нарушающего Устав и его принципы и опасного и вредного для дела укрепления сотрудничества в организации Объединённых наций. Мы будем голосовать против этого постановления. Если вы его примете,— а можно думать, что вы его всё-таки примете, поскольку его уже принял первый комитет и у вас имеется сколоченное большинство,— Советский Союз участия в таком органе не примет.

«Известия» №№ 272 (9494) и 274 (9496) от 19 и 21 ноября 1947 г.; см. также «Делегации СССР, УССР и БССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций», Госполитиздат, 1948, стр. 192—215.

ЗА НЕЗАВИСИМОСТЬ КОРЕИ
РЕЧЬ А. А. ГРОМЫКО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

(13 ноября)

Учитывая важность вопроса о Корее, советская делегация считает необходимым изложить свою позицию по этому вопросу и на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи. Это необходимо сделать хотя бы уже потому, что принятая политическим комитетом и представленная на утверждение Ассамблеи резолюция не даёт решения этого вопроса. Более того, эта резолюция, навязанная, как известно, Соединёнными Штатами, лишь осложняет весь этот вопрос, так как в основу этой резолюции положены не интересы корейского народа, а расчёты Соединённых Штатов, срывающих и продолжающих срывать должное решение вопроса о будущем Кореи.

В политическом комитете делегация СССР, излагая позицию Советского правительства по корейскому вопросу, подробно осветила все главные аспекты этого важного вопроса, имея в виду помочь другим делегациям разобраться в нём. Мы исходили при этом из того факта, что позиция Советского Союза в вопросе о Корее, как правило, представлялась в неверном освещении, а часто и прямо извращалась. Делалось это правительством Соединённых Штатов и его официальными представителями как здесь, в США, так и в Южной Корее.

Разумеется, детальное обсуждение этого вопроса в политическом комитете освобождает делегацию СССР от необходимости вдаваться в детали этой проблемы на пленарном заседании Ассамблеи. Поэтому я коснусь лишь наиболее важных вопросов, возникающих в связи с обсуждением резолюции политического комитета, касаясь главным образом советских и американских предложений по Корее.

Прежде всего необходимо указать на то, что Советское правительство сделало всё от него зависящее для того, чтобы добиться решения вопроса о Корее в строгом соответствии с теми обязательствами, которые взяли на себя СССР, США и Великобритания и к которым позже присоединился Китай по Московскому соглашению от 27 декабря 1945 г. Согласно этому обязательству союзные державы должны обеспечить восстановление Кореи как независимого государства, создание Временного корейского демократического правительства и создание условий для развития страны на демократических основах.

Кроме того, Соединённые Штаты и Советский Союз, содержащие свои войска на территории Кореи, взяли по этому соглашению особые обязательства. Они обязались при помощи созданной в соответствии с этим соглашением Совместной советско-американской комиссии подготовить соответствующие рекомендации, по которым после рассмотрения их правительствами четырёх держав правительства США и СССР должны принять окончательные решения для достижения

указанной выше цели — создания независимого демократического корейского государства.

Соглашением были предусмотрены и методы, при помощи которых правительства двух держав должны были решить поставленные перед ними задачи. Было предусмотрено, что при подготовке рекомендаций Совместная советско-американская комиссия должна консультироваться с демократическими политическими партиями и общественными организациями Кореи. Это и понятно, так как невозможно не учитывать мнения корейского народа при подготовке решений, определяющих будущее этого народа.

К сожалению, работа советско-американской комиссии зашла в тупик почти сразу же после её начала, так как Соединённые Штаты отказались выполнять взятые на себя обязательства, прежде всего в вопросе об упомянутой мною консультации. Вопреки взятому обоими государствами обязательству консультироваться с демократическими партиями и общественными организациями представители США в комиссии настаивали на проведении такой консультации с антидемократическими партиями и организациями, к тому же ведущими борьбу против Московского соглашения, и решительно возражали против привлечения к консультации демократических партий и организаций в Южной Корее, как, например, Всекорейской конфедерации труда, Всекорейского женского союза, Всекорейского союза молодёжи, Всекорейского крестьянского союза, объединяющего свыше 3 миллионов корейских крестьян, и др.

Уже в первоначальный период работы Совместной советско-американской комиссии стало ясно, что взятые правительством США обязательства по Московскому соглашению по существу были маневром, ибо поведение американских представителей в комиссии являлось прямо противоположным тому, что предусматривалось этим соглашением.

Советское правительство неоднократно через своих представителей в комиссии, а также в письмах министра иностранных дел СССР В. М. Молотова на имя государственного секретаря США Маршалла настаивало на необходимости точного выполнения Московского соглашения. Комиссия после перерыва в работе, длившегося с мая 1946 г. по апрель 1947 г., вновь возобновила свою деятельность, однако без каких-либо заметных результатов ввиду того, что занятая правительством США позиция в вопросе о консультации, противоречащая Московскому соглашению о создании независимого демократического государства, осталась неизменной.

Соединённые Штаты, таким образом, грубо нарушили взятые на себя обязательства и сорвали выполнение Московского соглашения. Я считаю необходимым заявить об этом ещё раз, так как делегация США на Ассамблее, следуя примеру американских представителей в советско-американской комиссии в Корее, извращает действительное положение вещей, пытаясь обвинить СССР в том, что корейский вопрос не удалось до сих пор урегулировать, хотя, как известно, американская делегация не смогла привести ни одного факта в подтверждение таких своих заявлений или вообще в подтверждение своей позиции. Это и неудивительно, так как сами факты

раскрывают перед нами действительную обстановку в Корее, разоблачают двойную игру, которую до сих пор проводили Соединённые Штаты в корейском вопросе, и подтверждают обоснованность позиции СССР, упорно настаивавшего на необходимости строгого выполнения взятых на себя союзными государствами обязательств в отношении Кореи.

Нельзя не указать на то, что государственный департамент США и американские представители в советско-американской комиссии систематически давали в прессу не соответствующие действительности сведения о положении в Корее и о работе комиссии. Фальсификация фактов стала их излюбленным приёмом, что не могло не поставить ещё больше под сомнение намерения правящих кругов США решать совместно с другими союзными государствами вопрос о будущем Кореи действительно в соответствии с интересами корейского народа, стремясь к созданию независимой и демократической Кореи. В этом отношении происходило своего рода соревнование между государственным департаментом и военным командованием США в Южной Корее. За всей этой тенденциозной пропагандистской шумихой нельзя было не усмотреть желания похоронить весь план решения корейского вопроса, определённый Московским соглашением, и заменить его каким-то особым планом Соединённых Штатов, преследующих, повидимому, в Корее свои собственные цели, если исходить не из заявлений официальных представителей США, а из фактов.

Сделав всё возможное для того, чтобы Соединённые Штаты и Советский Союз действовали в строгом соответствии с принятыми ранее на себя обязательствами в отношении Кореи, и убедившись, что правительство США по каким-то мотивам не желает выполнять эти обязательства, затягивая и срывая работу Совместной советско-американской комиссии, правительство СССР внесло через своего представителя в этой комиссии 26 сентября с. г. свои новые предложения по вопросу о Корее. Сущность этих предложений состоит в том, что все иностранные войска, находящиеся на территории Кореи, должны быть выведены из Кореи в начале 1948 г. Тем самым предусматривается, что корейский народ должен сам решать свои внутренние дела: организовать выборы в представительные учреждения, создать национальное правительство Кореи, создать свои собственные вооружённые силы и организовать без всякого давления и вмешательства извне всю внутреннюю политическую и экономическую жизнь страны на демократических началах. Нетрудно понять, что новые советские предложения соответствуют коренным национальным интересам корейского народа, которые не могут не совпадать с нашими общими интересами поддержания международного мира и безопасности.

Эти советские предложения предусматривают радикальное решение корейского вопроса, устраняя сразу всякие трудности и осложнения, возникшие на пути выполнения взятых союзными державами ранее на себя обязательств, предоставляя вместе с тем полную возможность самому корейскому народу решать все свои внутренние государственные дела. Эти новые предложения дают наиболее простое решение корейского вопроса. Добавьте к сказанному и то, что советские предложения соответствуют национальному самосознанию

корейского народа, идут навстречу естественному чувству его национального достоинства, и вам станет ещё яснее значение этих предложений.

Как были встречены эти советские предложения в Корее? Корейский народ встретил эти предложения полным одобрением. Не только демократические деятели, демократические политические партии и общественные организации приветствуют эти предложения. Их приветствуют также многие деятели даже правых партий и организаций, о чём в последние дни опубликовано немало сообщений, в частности в американской печати. Об этом писала, например, газета «Нью-Йорк таймс» от 5 ноября с. г. в статье Розенталя.

Против вывода иностранных войск из Кореи из среды корейцев возражают только отъявленные враги корейского народа, безнадёжные реакционеры, на которых опирается в своих действиях американское военное командование в Южной Корее. Эти люди знают, что они не могут встретиться с глазу на глаз со своим собственным народом в случае ухода из Южной Кореи американских войск. Они готовы торговать Кореей оптом и в розницу. Они готовы продавать и предавать интересы своего народа в угоду своим иностранным хозяевам.

Что касается руководящих кругов Соединённых Штатов, то, как видно из позиции американской делегации на Генеральной Ассамблее, внесение советских предложений полностью спутало карты этих кругов и, разумеется, американской делегации на Ассамблее.

До сих пор видное место в американской пропаганде по вопросу о будущем Кореи занимали утверждения о том, будто бы Соединённые Штаты заинтересованы в скорейшем выводе иностранных войск из Кореи. Когда же были внесены советские предложения о выводе всех иностранных войск из Кореи, то вместо того, чтобы поддержать эти предложения, США стали решительно возражать против них. Этим самым они показали лицемерие утверждений о желании поскорее вывести из Кореи войска.

При обсуждении советских предложений в политическом комитете делегация США по существу уклонилась от дискуссии по этим предложениям и ограничилась лишь некоторыми частными, недостаточными связанными между собой замечаниями, свидетельствовавшими о том, что американская делегация боится даже обсуждать эти предложения, отдавая себе, повидимому, отчёт в том, что против них она не может привести каких-либо убедительных доводов.

Тем временем делегация США была в политическом комитете в одну точку — добивалась ускорения голосования по своим предложениям, которые, как известно, коренным образом отличаются от советских предложений. В предложениях США всё поставлено наголову. Вывод иностранных войск с территории Кореи, согласно этим предложениям, должен не предшествовать избранию представительных органов и образованию демократического правительства Кореи, а, напротив, рассматривается в качестве последнего мероприятия в системе мер, предложенных этим американским планом, причём для вывода иностранных войск из Кореи не устанавливается вообще никаких определённых сроков. В предложениях содержится никого ни

к чему не обязывающая формула о выводе войск просто «по возможности скорее» после проведения выборов и создания правительства Кореи. Не ясно ли, куда гнут авторы этих предложений? Таким образом, согласно американскому плану, проведение выборов в представительные учреждения, в том числе в Национальное собрание Кореи, и образование национального правительства Кореи должно производиться в условиях пребывания иностранных войск. Это, разумеется, нельзя расценивать иначе, как попытку организовать выборы в условиях иностранного вмешательства во внутренние дела Кореи с целью обеспечить избрание в представительные учреждения и включение в состав правительства людей, на которых уже давно опираются американские военные власти в Корее, т. е. отъявленных реакционеров, заботящихся не столько о судьбах собственного народа, сколько о выгодах для своих иностранных покровителей и о своих личных выгодах.

Весь этот американский план не позволяет корейскому народу свободно выразить свою волю, но в то же время он на руку реакционным антидемократическим группам и политическим деятелям Кореи, так как помогает им остаться у власти. Расчёты США, как видим, довольно просты, но беда состоит в том, что они не соответствуют ни интересам корейского народа, ни нашим общим интересам укрепления международного сотрудничества, так как осуществление их означало бы создание не демократического корейского государства, а антидемократического государства, к тому же зависимого от Соединённых Штатов и являющегося фактически их колонией. Этот вывод неизбежно напрашивается, если иметь в виду характер американских предложений, положенных в основу принятой первым комитетом резолюции, а также отношение правительства США к советским предложениям.

Очевидно, для того, чтобы прикрыть действительный смысл американских предложений, делегация США внесла предложения, также одобренные первым комитетом, о создании так называемой временной комиссии Объединённых наций, которая, по замыслу авторов этого предложения, должна фактически осуществлять контроль над Кореей как в период выборов, так и в период образования корейского национального правительства. Но создание такой комиссии не меняет существа дела. Более того, решение о создании комиссии делает весь этот американский план ещё более грубым и неприемлемым для всех тех, кто действительно стремится к созданию демократической Кореи, а не играет словами, за которыми скрываются реакционные проекты, рассчитанные на закабаление корейского народа американскими монополиями.

Образование такой комиссии является недопустимым, так как оно противоречит принципу национального самоопределения корейского народа. Эта комиссия превратится лишь в ширму, прикрывающую односторонние действия, проводимые Соединёнными Штатами Америки в Южной Корее, направленные к превращению Кореи в американскую колонию.

Сказанное подтверждается той практикой, которую проводят американские военные власти в Южной Корее. Во время дискуссии в по-

литическом комитете советская делегация приводила немало фактов, свидетельствующих о том, что американские военные власти в Южной Корее проводят антидемократическую политику. США сделали ставку в Южной Корее на узкие, изолированные от корейского народа реакционные группы, всячески поощряя деятельность этих групп, направленную против демократических партий и организаций. Они также поощряют своим попустительством террористическую деятельность полуфашистских организаций, ставших на путь открытой борьбы против демократических сил страны, вплоть до физического уничтожения видных деятелей корейских демократических партий и общественных организаций. Эта политика американских военных властей в Южной Корее вызвала законное негодование всего корейского народа. Об этом говорится, например, в письме Народного единого национального демократического фронта Северной Кореи, написанном от имени входящих в него многочисленных политических партий и общественных организаций два месяца тому назад и адресованном правительствам США и СССР. В этом письме говорится: «...То, что творится на юге Кореи в последнее время, превосходит все самые мрачные дни разгула реакции». В письме разоблачается антинародная политика американского военного командования. Делегация США продолжает молчать об этом документе.

Почти ежедневно в мировой печати, в том числе и в американской, публикуются сообщения о том, что действующие при поддержке американских властей реакционные и террористические полуфашистские группы в Южной Корее всё более наглеют, что недовольство всего народа — рабочих, крестьян и интеллигенции с каждым днём растёт. Это и неудивительно, ибо в Южной Корее не проведено демократических реформ в отличие от Северной Кореи. Земля, являвшаяся на протяжении столетий заветной мечтой корейского крестьянина, всё ещё не распределена между теми, кому она по праву должна принадлежать. Крестьянин в Южной Корее так и остаётся безземельным в отличие от крестьянина Северной Кореи. Разве может при таких условиях корейский крестьянин поддерживать существующие порядки в Южной Корее? Конечно, не может. Не следует поэтому удивляться заявлению побывавшего в Корее корреспондента Марка Гейна в газете «П. М.» от 3 ноября 1947 г. о том, что «...русские создали себе друзей, у нас же их нет». Мы согласны с этим корреспондентом.

Я мог бы привести много фактов, подтверждающих, что и положение корейского рабочего в Южной Корее не лучше, чем положение крестьянина, но это широко известно всему миру. О положении рабочих свидетельствуют многочисленные забастовки и демонстрации протеста против политики американских властей в Южной Корее и политики их ставленников из корейских реакционеров.

Следует ли, учитывая всё это, удивляться, что многие люди, посетившие Южную Корею, по возвращении оттуда подвергают резкой критике действия американского командования. Даже многие американцы возмущаются, наблюдая существующее в Южной Корее положение, и указывают, что положение не только не улучшается, но, напротив, ухудшается и что американские власти проявляют полное равнодушие к судьбе корейского народа. Тот же корреспондент

Марк Гейн сообщает о разговоре на тему о положении крестьянства с одним американским чиновником, заявившим ему, что корейцы якобы «привыкли к этой системе».

Если учесть все эти факты, станет понятным, почему делегация Соединённых Штатов решительно возражала против того, чтобы обсуждать корейский вопрос в Генеральной Ассамблее в присутствии избранных представителей корейского народа. Она, очевидно, боялась услышать голос этого народа, она, очевидно, боялась услышать правду о положении в Южной Корее, на чём настаивала делегация СССР, считая, что мы не можем рассматривать существо корейского вопроса, не заслушав мнения представителей этого народа.

Как вы знаете, Соединённым Штатам удалось добиться того, что голос корейского народа так и не был услышан на Генеральной Ассамблее и одобренная политическим комитетом резолюция была принята в отсутствие корейских представителей. Это является результатом игнорирования интересов корейского народа. Такие решения несовместимы с национальным достоинством этого народа.

Смысл американских предложений станет ещё более ясным, если мы учтём не только практику военных властей США в Южной Корее, но и заявления некоторых официальных американских лиц о Корее и об её значении для Соединённых Штатов Америки.

Советская делегация указывала уже во время дискуссии в политическом комитете на заявление генерала Ходжа о том, что американцы «окопались в Корее» и останутся там до тех пор, пока не выполнят своей миссии. Она указывала также на заявление бывшего помощника государственного секретаря генерала Хиллдринга, выразившего опасение, что вывод американских войск из Кореи «может вызвать серьёзные отголоски на Востоке».

Надо отдать должное откровенности таких людей. Подобные заявления проливают свет на планы Соединённых Штатов в отношении, в частности, Южной Кореи, которую американские власти в Корее начинают всё больше и больше экономически приспособлять к экономике Соединённых Штатов. Политически Южную Корею начинают превращать в центр реакции в Восточной Азии. В территориальном отношении Корея, повидимому, рассматривается как своего рода база Соединённых Штатов. Недаром наиболее реакционная американская пресса уже подчёркивает стратегическое значение Кореи, делая прозрачные и недвусмысленные намёки на то, каким образом и против кого такая база может быть или даже должна быть использована. Взоры этих органов печати устремлены из Кореи на север и северо-запад.

И вот в таких условиях нам предлагают принять американский план урегулирования корейского вопроса — план, который не рассчитан вовсе на его урегулирование, а ведёт к созданию лишь затруднений на пути такого урегулирования. Ясно, что за такое положение несут ответственность прежде всего те, кто навязывает такого рода планы.

Что же касается Советского Союза, то он и впредь будет разоблачать всякие попытки тех, кто, прикрываясь маркой Объединённых наций, старается использовать Корею в интересах, не имеющих ни-

чего общего с интересами поддержания мира и международной безопасности. Он будет добиваться такого решения вопроса о будущем Кореи, которое соответствовало бы коренным национальным интересам корейского народа и в то же время находилось бы в соответствии с нашими общими интересами в деле укрепления мира и безопасности народов. Советская делегация уже указала в политическом комитете на то, что нельзя в Генеральной Ассамблее рассматривать по существу вопрос о Корее и принимать решения в отсутствие представителей корейского народа. Поскольку большинство в комитете решило рассматривать этот вопрос по существу и принимать решения, делегация СССР заявила, что она не считает возможным принять участие в голосовании по американскому предложению по указанным выше мотивам.

По этим же мотивам советская делегация не находит возможным участвовать в голосовании по резолюции комитета и на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи.

«Известия» №№ 274 (9496) и 277 (9499) от 21 и 25 ноября 1947 г.; см. также «Делегации СССР, УССР и БССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций», Госполитиздат, 1948, стр. 433—443.

О РАСШИРЕНИИ КОМПЕТЕНЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО СУДА

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

(14 ноября)

Вопрос, который стоит сейчас перед Ассамблеей, представляет, несомненно, большой интерес и не только с теоретической стороны, но и со стороны практической. Этот вопрос выходит вместе с тем далеко за пределы юридической компетенции, потому что, в сущности говоря, вопрос, который поставлен перед нами по первой резолюции шестого комитета, сводится к тому, чтобы не только уточнить то, что сказано в Уставе о функциях Международного суда, но чтобы определить его компетенцию, что становится более важным, по отношению к другим главным органам организации Объединенных наций и, в первую очередь, по отношению к Генеральной Ассамблее и Совету безопасности.

Если это так, то в таком случае, разумеется, данный вопрос выходит за пределы обычного юридического или правового спора и приобретает большое политическое значение. На этой сессии Генеральной Ассамблеи мы, к сожалению, не раз уже сталкивались с попытками некоторых делегаций подвергнуть Устав организации Объединенных наций ревизии, чтобы приспособить его к тем своим

задачам и целям, которые очень часто расходятся с задачами и целями организации Объединённых наций.

Принципы, заложенные в Уставе организации Объединённых наций, очевидно, не всех сейчас устраивают в должной мере. Наоборот, для некоторых делегаций они превращаются в своего рода помеху, в препятствие для решения тех задач, которые не совпадают с задачами организации Объединённых наций. В частности, эти делегации столкнулись с препятствием в виде правил XVIII главы Устава, в которой указано, каким путём можно было бы подвергнуть Устав пересмотру или изменению.

Мы рассматриваем данный случай как один из тех показателей такого рода политики, которая ведётся за последнее время в организации Объединённых наций, которая сводится к тому, чтобы под видом поправок и резолюций всякого рода попытаться изменить Устав в том направлении, какое окажется необходимым или важным для тех или других представленных здесь делегаций.

Не будучи в состоянии, а может быть, считая это просто затруднительным и слишком хлопотливым, изменить Устав с соблюдением установленной процедуры и ставить вопросы об изменении Устава или тех или других его частей, эти делегации, представляющие соответствующие правительства, считают, очевидно, гораздо более удобным прибегнуть к разного рода обходным способам и обходным маневрам.

Вместо того, чтобы изменить Устав, пытаются принять частные решения или частную рекомендацию по какому-либо вопросу, кажемуся отвлечённым и специфическим, как это часто бывает с юридическими вопросами, и путём такого частного решения провести необходимые изменения на практике без того, чтобы внести соответствующие изменения в Устав. Это я должен сказать, чтобы определить ту исходную позицию, с которой советская делегация рассматривает и австралийский проект, видя в нём попытку путём частного решения, которое предлагается здесь принять в соответствующей резолюции за № 165, фактически внести серьёзное изменение в обход Устава в практику организации Объединённых наций.

В самом деле, в этом проекте резолюции предлагается, чтобы Генеральная Ассамблея рекомендовала органам организации Объединённых наций и специализированным учреждениям периодически пересматривать, как говорится в проекте резолюции за № 165, трудные и важные вопросы права, относящиеся к компетенции Международного суда, в частности вопросы права, относящиеся к толкованию Устава организации Объединённых наций или устава специализированных учреждений; рекомендуется запрашивать от Международного суда консультативные заключения по одобренным таким образом вопросам. Таким образом, австралийской резолюцией предлагается предоставить Международному суду право толковать Устав организации.

Советская делегация считает это неправильным. Советская делегация целиком согласна с польской делегацией, возражающей против этого предложения. В данном случае получается как раз обратное тому, о чём говорили здесь вчера, в частности г-н Даллес,— не поль-

ская делегация механически следует за Советским Союзом, а советская делегация следует за польской делегацией, конечно, не механически, как и польская делегация делает это не механически, а по всей своей совести и по всему своему чистому разуму.

Так вот я говорю, что советская делегация считает позицию польской делегации правильной и поддерживает польскую делегацию. Правильной потому, что, как и польская делегация, мы, советские делегаты, считаем, что Международный суд не имеет права по Уставу заниматься толкованием Устава.

Здесь уже приводилась историческая справка о специальной комиссии, состоявшей из представителей компетентных государств, — если я не ошибаюсь, это были Соединённые Штаты Америки, Англия, Франция, Бельгия, Норвегия и Югославия, которые все согласились на определённых принципиальных положениях, какие нашли своё отчётливое выражение в их докладе, известном под № 887 от 9 июня 1945 г. Этот доклад наша советская делегация распространила среди всех делегаций. Поэтому я на него могу здесь только сослаться, не цитируя его подробно. Но я не могу не сказать, что этот доклад представляет большой принципиальный интерес как с юридической, так и с политической точки зрения.

К чему сводились в то время выводы и предложения, сформулированные представителями этих стран в только что мною отмеченном докладе юридического подкомитета? Эти предложения сводились, во-первых, к тому, чтобы каждый орган организации Объединённых наций — Генеральная Ассамблея, Совет безопасности и т. д. — сам толковал Устав в процессе его применения, в процессе осуществляемой им практики. Кто применяет Устав, тот и толкует Устав. Что означает эта формула? Для каждого юриста эта формула элементарна. Для того, чтобы применять Устав, нужно его понимать. Для того, чтобы его понимать, нужно в нём разобраться применительно к практической обстановке. Следовательно, кто призван применить Устав, тот должен его правильно понять, должен правильно истолковать, ибо в данном случае, как и в других, понимание — равнозначуще истолкованию. Совершенно естественно, и так бывает во всей судебной практике любого государства, что если суд должен применить какую-нибудь статью уголовного кодекса, то он не может это сделать, если он не понимает этой статьи или неправильно её толкует.

Странно было бы думать, чтобы судья, применяющий уголовный кодекс по тем или другим практическим случаям жизни, был бы лишён права истолковывать его так, как он его понимает. Поэтому естественно, что тот, кто исполняет Устав, тот его и толкует, ибо без этого нельзя правильно его применять.

И вот та комиссия, о которой я сейчас говорил, совершенно правильно сформулировала этот принцип, который является единственно верным и надёжным руководством во всякой деятельности. Что она сказала? Она сказала, что кто применяет Устав, тот и толкует Устав. Но как же быть в таком случае, если при применении Устава различными органами возникнет какая-то коллизия? И на этот вопрос комиссия ответила, что в таком случае они, эти органы, которые

столкнулись в том или другом понимании той или другой статьи Устава, могут обращаться за консультативным заключением или к Международному суду, или к комитету юристов «ad hoc», или к специально созываемой по этому вопросу конференции.

Эта комиссия наметила три таких способа. Если мы обратимся теперь к резолюции австралийской делегации, то оказывается, что в ней предпочтение отдаётся только одному способу, а именно обращению за консультацией к Международному суду. Все остальные способы в ней даже не упоминаются. Это даёт право считать, что, по мнению австралийской делегации и всех делегаций, которые поддерживают её проект, преимущество в способе решения коллизионных вопросов отдаётся обращению к Международному суду. Это одна сторона дела. Советская делегация считает, что это неправильно. Но в этом деле есть и другая сторона, более принципиальная, а именно: вправе ли мы, как это предлагается австралийской резолюцией, предоставлять Международному суду толкование Устава организации Объединённых наций? Мы считаем, что это неправильно. Позвольте изложить вкратце наше соображение и по этому вопросу.

Большинство шестого комитета, приняв позицию австралийской резолюции, тем самым поддержало те предложения, которые направлены на то, чтобы Международному суду предоставить право толковать Устав. И таким образом, в сущности говоря, во всех тех случаях, когда будет идти речь о понимании того или другого пункта Устава со стороны Генеральной Ассамблеи или Совета безопасности,— Международный суд будет поставлен над Генеральной Ассамблеей и над Советом безопасности.

В самом деле, что означает предоставление Международному суду права толкования Устава? Каковы будут последствия того, что Международный суд будет давать толкование Устава? Это означает то, что Генеральная Ассамблея должна будет принять толкование, данное Международным судом, как обязательное для себя. Такое направление и даётся, в сущности говоря, авторами австралийской резолюции; или же, наоборот, она должна будет отвергнуть толкование Международного суда. Что же получится? Здесь могут быть два случая. Первый случай — это если Генеральная Ассамблея отвергнет толкование Международного суда, не согласится с судом. В таком случае логично спросить: зачем же Генеральная Ассамблея обращалась к Международному суду, если она не желает считаться с толкованием или мнением Международного суда. Второй случай — это если Генеральная Ассамблея согласится с толкованием суда. В таком случае Генеральная Ассамблея будет явно дискредитирована. Придётся признать, что Ассамблея менее квалифицирована и компетентна в решении вопросов, по которым Международный суд разошёлся с Ассамблеей. При таких обстоятельствах не было ли бы более последовательным и логичным вообще решение всяких сложных вопросов передавать на предварительное заключение Международному суду. Но такое положение несовместимо ни с достоинством Генеральной Ассамблеи, ни Международного суда.

Мы в шестом комитете через наших представителей возражали против указанной рекомендации, считая, что принятие рекомендации,

основанной на австралийском предложении, явилось бы кроме всего остального прямым нарушением Устава. В самом деле, какие юридические основания для того, чтобы вводить такое новое правило, как предоставление Международному суду права толковать Устав? Я вас попрошу назвать мне соответствующую статью Устава. Тут выступил г-н Эватт. Я не слышал, чтобы он называл что-нибудь, кроме статьи 65, кроме статьи 36, кроме статьи, скажем, 96, если я не ошибаюсь. Но ведь, позвольте, в статье 36 говорится о том, что Международный суд имеет право толкования договоров, а не Устава. Но нам говорят: а разве Устав не есть договор? Конечно, в широком обывательском смысле Устав это есть договор. Но в юридическом смысле разница между Уставом и договором существует. Если бы такой разницы не было, то незачем было бы говорить об Уставе и о договоре отдельно. Между тем такая разница существует.

Если Устав и можно назвать договором, то договором особого рода, — то, что называется договор «*sui generis*», и признаком такого особого характера является, во-первых, то, что он оказывается не двусторонним и не трёхсторонним и не пятисторонним, а он является таким многосторонним и всеобъемлющим, который уже теряет свой характер соглашений в обычном смысле этого слова. Наконец, не является ли признаком этого своеобразия такого договора, этого договора «*sui generis*», то обстоятельство, что, например, в Уставе не существует указания, в каком порядке может то или другое государство денонсировать этот договор, что является обязательным признаком, принадлежностью, как говорят юристы, всякого договора.

Если вы внимательно прочтёте наш Устав, то вы же должны заметить, что в Уставе ООН нет статьи, которая говорила бы о денонсации Устава.

Наше отрицательное отношение к предоставлению Международному суду права толковать Устав вытекает из принципиального отношения к положению Международного суда как главного органа ООН к другим главным органам ООН. Конечно, вы можете сказать, что ведь всё-таки существует статья 65. И вот здесь, даже вчера, голландский представитель, отвечая моему украинскому товарищу, говорил о том, что если статья 36 не даёт основания Шоукроссу привлечь Вышинского к Международному суду, то во всяком случае есть для этого статья 65. Но если он желает пользоваться статьёй 65, то-есть правом получать от Международного суда консультацию по юридическим вопросам, то тогда ему вообще ко мне нечего обращаться, потому что если он нуждается в каких-нибудь советах юридических консультантов и специалистов, то пускай он к ним и обращается. Я в этих советах в данном положении не нуждаюсь и поэтому не имею никаких оснований ни принимать вызов Шоукросса, о чём громогласно и торжественно здесь заявил Шоукросс, ни отвергать этот вызов. Я считаю, что он обращён совершенно не по адресу и представляет собой простое сотрясение воздуха.

Таким образом, остаётся статья 36 Устава, которая совершенно точно определяет компетенцию Международного суда. Я утверждаю, что в статье 36 Устава не содержится никаких указаний на право Международного суда заниматься толкованием Устава. Прошу при-

помнить мнение экспертов в лице подготовительной комиссии в Сан-Франциско о том, что каждый орган, исполняющий Устав, и толкует Устав. В этой связи можно легко понять, почему в Уставе организации ничего не сказано о том, что Международный суд может заниматься толкованием Устава. Так ведь нельзя, кроме того, смешивать толкование Устава с консультацией: консультация, совет — это одно дело, а толкование — другое дело. Одно дело — толковать закон, а другое дело — консультироваться со специалистами или со специальными учреждениями по поводу того или другого закона.

Действительно, мы имеем статью 65, которая предоставляет право различным органам обращаться за консультацией к Международному суду. Но сказано: за консультацией по юридическим вопросам. Значит, если вы теперь на этом основании утверждаете, что Международный суд имеет право давать консультации по поводу статей Устава, то это должно означать не больше и не меньше, что вы считаете, что толкование статей Устава и самого Устава — это и есть консультация по юридическим вопросам. Но едва ли можно представить себе большее извращение действительного значения тех слов, которые употребляются, чем это допускается в данном случае. Если мы говорим относительно консультации по юридическим вопросам, то надо же иметь в виду, что толкование статей Устава вовсе не является чисто юридическим делом и консультация по юридическим вопросам вовсе не является тем, что называется толкованием Устава.

Возьмём конкретный какой-нибудь пример, аналогичный тем вопросам, которые здесь сейчас ставятся. Вот мы спорим относительно межсессионного комитета, или так называемой малой ассамблеи. Нам говорят, что межсессионный комитет учреждается или учреждён в соответствии со статьёй 22 Устава. И теперь г-н Шоукросс предлагает: вы не согласны с этим, вы говорите, что это нарушение Устава, — пойдёмте в Международный суд, пусть Международный суд скажет, нарушили ли мы — Генеральная Ассамблея — Устав или нет. Но это смешная постановка вопроса. Во-первых, не призван Международный суд решать, права или неправы Генеральная Ассамблея, принимая те или другие решения. Он не призван говорить и то, права или неправы та или другая делегация, возражающая против тех или других решений. Это вовсе не дело Международного суда, ибо мы здесь собираемся для обсуждения на свободной и равной основе без угрозы привлечения к моральной, юридической или политической ответственности перед каким бы то ни было судом, — пусть это будет хотя бы и Международный суд. Но дело в том, во-первых, что и по существу толкование Устава не есть юридическое толкование. Если вы спросите: правильно ли применена статья 22 к межсессионному комитету, то что же на это могут ответить юристы? Они скажут: статья 22 говорит о том, что Генеральная Ассамблея имеет право учреждать вспомогательные органы. Генеральная Ассамблея считает, что вот этот комитет есть вспомогательный орган. Следовательно, никаких нарушений статьи 22 нет. Вот как будет рассуждать юрист.

Но политик будет рассуждать иначе. Он скажет, что формально вы действительно можете сослаться на статью 22, но это формальное

пользование вашим правом и формальное применение этой самой статьи политически неправильно, это не соответствует тому духу и букве Устава, которой должно соответствовать каждое решение, принимаемое Генеральной Ассамблеей.

Вопрос о правильности применения в данном случае статьи 22 не может быть решён юридическим анализом этой статьи. В этой статье ничего не сказано о том, что именно надо понимать под вспомогательными органами и является ли межсессионный комитет вспомогательным органом. Но это нельзя решать путём юридического истолкования статей Устава, оторванно от толкования политического. Ведь неслучайно же даже Даллес здесь вот, с этой кафедры, разделил все мотивы и возражения на две категории — юридическую и политическую, — когда он говорил и защищал учреждение межсессионного комитета. Юристу, я говорю, поэтому здесь делать нечего, ибо этот вопрос не юридический, а в первую очередь политический вопрос, а юридический он лишь постольку, поскольку здесь нарушается дух Устава, который выражен юридическими формулами, — нарушается порядок изменения Устава, который выражен в его статьях, и т. д. и т. п.

Те, кто говорит, что толкованием Устава должны заниматься в Международном суде судьи, забывают правило, что судьи — члены Международного суда — меньше всего должны быть подвержены политическим тенденциям.

Если, скажем, конфликт между Албанией и Великобританией судьи Международного суда начнут разбирать с точки зрения политической, то я заранее знаю, что приговор будет вынесен против Албании, потому что политические симпатии этих представляющих разные правительства судей, к сожалению, таковы же, как и их представителей в Генеральной Ассамблее, а большинство этих представителей, как мы видели, настроено так, что мы не очень можем быть в восторге от этих настроений. Но если судьи будут рассматривать вопрос юридически, то я готов положиться на их компетенцию. Отсюда вывод: толкование Устава, которое является не столько делом юридическим, сколько политическим, как это видно, скажем, из вопроса относительно законности или незаконности учреждения греческой комиссии по контролю и надзору над суверенными государствами Югославией, Албанией или Болгарией, — ни с точки зрения юридических доводов, ни, в ещё большей степени, с точки зрения политических доводов, — не может быть предоставлено Международному суду.

Кроме того, нельзя допустить, чтобы какому-либо органу было дано право контролировать деятельность Генеральной Ассамблеи или Совета безопасности. Я утверждаю, что австралийское предложение не соответствует ни смыслу, ни духу, ни принципам нашей организации, ни началам суверенности каждого из участников этой организации, ни всему тому, что связано с понятием толкования Устава, с нашей практической работой. Ведь дело доходит даже до того, что предлагается, чтобы Международный суд участвовал путём толкования Устава ООН в формулировании таких принципиальных положений, которые представляется желательным видеть установленными на будущее. Что это означает? Это означает, что Международный суд дол-

жен быть вовлечён в ту практическую, политическую работу нашей организации, занимающейся выработкой принципов на будущее, то-есть политическими вопросами. Международный суд, оказывается, должен быть вовлечён в гущу политической работы, а значит и политической борьбы, которая сосредоточена и не может не быть сосредоточена в органах организации Объединённых наций.

Эта тенденция не имеет ничего общего с действительными задачами и принципами Международного суда, как это выражено в Уставе. Эта тенденция является выражением стремления поломать Устав, поломать его принципы.

Вот почему советская делегация считает необходимым возражать против австралийского проекта и голосовать против него.

Два слова разрешите сказать относительно другого документа, под № 169.

Советская делегация считает неправильным предложение, содержащееся в этой третьей резолюции,— это резолюция тоже шестого комитета, составленная специальным подкомитетом на основе совместного франко-иранского предложения,— она является совершенно излишней. То, что в ней правильно,— повторяет Устав организации Объединённых наций, а то, в чём она не повторяет Устав, то, где она, так сказать, проявляет свою оригинальность,— она является неправильной, противоречащей Уставу. Проект резолюции исходит из утверждения, что при разрешении споров между государствами необходимо наиболее часто преимущественно обращаться в суд, как говорят, использовать услуги суда. Но мы против такой, я бы сказал, сутяжнической тенденции. 33 статья Устава говорит иное. Она говорит, что стороны, участвующие в любом споре, продолжение которого могло бы угрожать поддержанию международного мира и безопасности, должны прежде всего стараться разрешить спор путём не обращения в суд, а путём переговоров, путём не обращения в суд, а путём посредничества, путём не обращения в суд, а путём примирения, арбитража, который есть тоже особая форма примирения и которую не надо смешивать с судебной формой, и затем уже путём судебного разбирательства, или обращения к региональным органам или соглашениям, или иными мирными средствами по своему выбору.

Вот смотрите, каким духом проникнут наш Устав, когда он в 33 статье говорит: если возникнут между государствами споры, то постарайтесь прежде всего устранить споры путём переговоров, примирения, арбитража, посредничества и т. д. Это — дух миролюбия. Это — та благородная мысль, которая пронизывает собою Устав от начала до конца.

Но эта благородная мысль кому-то не нравится. Не хотят, очевидно, чтобы в первую очередь обращались к переговорам между заинтересованными государствами, чтобы обращались к посредничеству, примирению, а уже потом, в крайнем случае, обращались к судебному разбирательству. Резолюция говорит совершенно недвусмысленно о том, что надлежит обращаться именно к судебному разбирательству в первую очередь. Она обращает внимание государств, не признавших обязательной юрисдикции суда, на необходимость при-

знать такую обязательность, она обращает внимание государств на желательность включения в договор условий согласительного характера, предусматривающих обращение к Международному суду по преимуществу. Почему по преимуществу, я спрашиваю? На каком основании я должен по преимуществу обращаться к Международному суду, вопреки той рекомендации, которая выражена в принципе и заложена в Уставе, в статье 33 — о переговорах, о примирении, о посредничестве и арбитраже? Советская делегация считает, что это — надуманное предложение.

Что касается франко-иранского предложения по данному поводу, то мы не можем признать, что оно имеет сколько-нибудь серьезное логическое основание. Больше того, оно находится в прямом противоречии со статьёй 33 Устава. Проект резолюции призывает государства, не признавшие обязательную юрисдикцию Международного суда, в соответствии со статьёй 36 (пункты 2 и 5) статута суда, признать такую юрисдикцию возможно большим числом государств с наименьшим числом оговорок. Но если в проекте резолюции обращается внимание на возможности, предоставляемые статьёй 36, то такой призыв в резолюции Генеральной Ассамблеи является совершенно излишним. Он только повторяет то, что говорится в самой статье 36. Но естественно, что никто не желает заниматься таким пустым делом, как простое повторение. Тут есть какой-то смысл. Какой же здесь смысл? А смысл тот, что статья 36 говорит о факультативности обращения, а здесь хотят эту факультативность превратить в обязательность, что противоречит основным принципам, выраженным в преамбуле статьи 36, в той самой преамбуле, за которую было немало борьбы в подготовительном периоде, потому что есть ряд государств и в числе их Советский Союз, которые не признают и не могут признать принудительную юрисдикцию.

Куда же нас ведёт это франко-иранское соглашение по поводу этой обязательной юрисдикции? Оно ведёт к нарушению статьи 36, пункт 2, Устава.

Ввиду изложенных соображений советская делегация не может присоединиться к этому соглашению, к этой резолюции и должна будет голосовать также и против этой резолюции, как находящейся в явном противоречии с установленными в этой области принципами Устава.

«Правда» № 308 (10699) от 19 ноября 1947 г.;
см. также «Делегации СССР, УССР и БССР
на второй сессии Генеральной Ассамблеи
Организации Объединённых Наций», Госполитиздат,
1948, стр. 546—558.

ПРИЁМ НОВЫХ ЧЛЕНОВ В ООН

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

(17 ноября)

Нам предложено целых семь проектов резолюций. Шведская делегация ограничивается тем, что она просит рассмотреть вновь, в свете принципа универсальности, заявления всех тех государств, которые подавали такие заявления о приёме в состав организации.

Польская делегация предложила резолюцию о том, чтобы постоянные члены Совета безопасности проконсультировались по этому вопросу. Остальные делегации, кроме делегации Бельгии, предложившей специфический проект резолюции с запросом в Международный суд по статье 4, предлагают рекомендовать Совету безопасности рассмотреть вопрос о приёме в состав организации Португалии, Эйре, Трансиордании, Австрии, Италии и Финляндии.

Советская делегация согласна только с одним предложением, которое здесь защищал сейчас передо мною польский представитель, потому что хотя постоянные члены Совета безопасности неоднократно уже консультировались между собой по этому вопросу и даже обсуждали в широком плане и голосовали предложения относительно приёма в состав ООН новых членов, но, конечно, нельзя возражать против того, чтобы они вновь проконсультировались по вопросу, по которому до сих пор не достигнуто необходимое единодушие.

Что касается всех остальных резолюций или проектов резолюций, то советская делегация должна занять по отношению к ним отрицательную позицию. Позвольте мне вкратце изложить наши соображения, не повторяя всех тех аргументов или даже большей части аргументов, которые были уже представлены советским представителем в Совете безопасности и в первом комитете.

Раньше всего я хотел бы остановиться на бельгийской рекомендации о запросе Международного суда. В сущности говоря, о чём предлагают запрашивать Международный суд? Говорят: дать толкование статьи 4 Устава в связи с настоящим вопросом, причём дать толкование по вопросу, как он средактирован в проекте резолюции, где говорится: имеет ли право член ООН, выражающий, согласно статье 4 Устава, своё мнение путём голосования в Совете безопасности или в Генеральной Ассамблее по вопросу о приёме какого-либо государства в члены ООН,— имеет ли право такой член организации обуславливать своё согласие на приём этого члена положениями, не предусмотренными определённо в пункте 1 указанной статьи,— и дальше: может ли такой член организации, признавая, что данное государство отвечает условиям, изложенным в этом положении, обусловить, кроме того, подачу своего голоса в пользу этого государства тем, что вместе с этим государством должны быть приняты в число членов организации Объединённых наций другие государства?

Так поставлен вопрос бельгийской делегацией и так принято было в предварительном порядке в первом комитете и рекомендуется сегодня это подтвердить решением Генеральной Ассамблеи.

Нам представляется, что не имеется никаких оснований для того, чтобы обращаться в Международный суд по такому вопросу с такого рода предложениями. Можем ли мы, действительно, обуславливать своё согласие на приём какого-либо члена в ООН не тем, что сказано в пункте 1 статьи 4 Устава? Не нужно обращаться в Международный суд для того, чтобы на этот вопрос дать отрицательный ответ. Конечно, нельзя. Нельзя руководствоваться какой-то другой статьёй, кроме той статьи, которая прямо говорит о порядке приёма новых членов. Когда статья 4 говорит, что новые члены могут приниматься тогда, когда они примут на себя обязательства, и которые, по суждению организации, могут и желают выполнить эти обязательства, предусмотренные Уставом, то, разумеется, нельзя, конечно, отрицать этого, что такое правило должно выполняться, и спрашивать Международный суд, как относиться к этому правилу, нет решительно никаких оснований.

Второе, в статье 4 в пункте 2 говорится, что приём любого такого государства в члены организации производится постановлением Генеральной Ассамблеи по рекомендации Совета безопасности. Это тоже настолько ясно, что запрашивать мнение Международного суда тоже нет оснований. Что же может при таких условиях сказать Международный суд и что может ожидать от него Генеральная Ассамблея? Вместо того, чтобы поставить вопросы, как они действительно встали на Ассамблее в процессе той дискуссии, которая ведётся по поводу приёма новых членов, тут совершенно надуманно, совершенно искусственно ставится вопрос: может ли какое-либо государство — член Совета безопасности или Генеральной Ассамблеи голосовать против приёма по условиям, не предусмотренным статьёй 4? Но ведь не об этом же идёт речь. Конечно, нельзя. Ещё раз повторяю: нужно руководствоваться статьёй 4.

И другой вопрос — можем ли мы обуславливать приём какого-либо государства, кроме того, ещё тем, чтобы и другие государства были приняты? Конечно, формально нельзя. Но дело вовсе не в формальном положении. Разве вопрос сейчас сводится к этим двум моментам? Я смею утверждать, что вопрос отнюдь не сводится к этим двум моментам.

В самом деле, известно, что советская делегация, как и Советское правительство возражают против приёма в ООН в соответствии со статьёй 4 и согласно с теми формальными правилами, которые установлены этой статьёй, — таких государств, как Португалия, Эйре, Трансиордания, Австрия или Италия, — причём о последней я скажу особо.

По каким мотивам?

По тем мотивам, что, во-первых, Португалия и Эйре вовсе не являются миролюбивыми государствами. Я не могу, понятно, сейчас, в конце уже всей этой дискуссии, входить в подробное обсуждение данного утверждения, тем более, что мы достаточно отчётливо, кажется, это говорили и можем сейчас повторить ещё раз. Пособники

фашизма в борьбе против Объединённых наций и миролюбивых народов, какими являлись и Эйре и Португалия, пособники фашизма в борьбе против мира, какими они являлись,— кстати сказать, и сейчас поддерживающие сердечные отношения с франкистской Испанией, с этим последним отпрыском, с последним остатком фашизма в Европе,— такие государства, мы утверждаем, нельзя признавать миролюбивыми государствами и, следовательно, нельзя говорить о том, что к ним применима статья 4, пункт 1, где говорится, что миролюбивые государства могут присоединиться к тем, кто подписал Устав ООН.

Если же вам угодно обращаться с запросом в Международный суд, то вам нужно обращаться не по поводу статьи 4, её редакции и проч. и не с тем, что вы здесь сформулировали, потому что то, что вы сформулировали, не требует никакого толкования Международного суда. Если вы хотите обратиться в Международный суд, то нужно поставить другой вопрос, а именно — правильно или нет считать Эйре и Португалию профашистскими государствами, правильно ли, что в великой войне демократических и миролюбивых народов против германского и итальянского фашизма они были не на стороне этих народов, а на стороне тех, кто боролся против этих народов. Вы готовы поставить этот вопрос? Но если вы готовы поставить этот вопрос, то в таком случае нет никаких оснований говорить ни о статье 4, ни заниматься толкованием пункта 1, а нужно заняться вопросом о политической и социальной природе тех государств, о приёме которых сейчас идёт речь.

Советская делегация заявляет — она ни на йоту не собирается и не собиралась нарушить и не нарушала Устав, возражая против положительного решения вопроса о приёме этих государств в состав ООН. Советская делегация возражала и возражает против приёма Эйре и Португалии не потому, что она неправильно толковала статью 4 Устава. К тому же вопрос о толковании этой статьи вообще принят сюда за волосы. Дело вовсе не в юридических формулах. Юридические формулы служат тому, чтобы выразить политические идеи, ибо право и политика служат одной цели и право без политики — пустой звук. Нет права без политики. Право служит для того, чтобы юридически сформулировать политические идеи. Мы говорим сейчас не о правовых формулах, мы говорим о политической стороне дела и утверждаем, что в течение всей войны Эйре и Португалия были пособниками фашизма — германского, итальянского и даже японского, поскольку они не отмежевывались от того или другого звена оси — Германии, Италии, Японии. Поэтому вопрос, поставленный в проекте бельгийской делегации, является совершенно лишённым почвы, беспредметным.

Предлагают запросить Международный суд, может ли какой-нибудь член Объединённых наций, возражая против приёма Эйре, ссылаться на обстоятельства, не предусмотренные статьёй 4 Устава? Вы так ставите вопрос. Я ещё раз говорю — бессмысленная постановка вопроса, так как никто и нигде не ссылался на обстоятельства, не предусмотренные статьёй 4. Вопрос можно поставить лишь так: являются ли Эйре и Португалия миролюбивыми государствами, о ко-

торых говорится в статье 4 и которые могут претендовать на приём в организацию Объединённых наций? На такой вопрос мы отвечаем отрицательно — не могут претендовать, так как они не являются миролюбивыми государствами, ибо миролюбивыми государствами являются те, которые были в лагере государств, боровшихся против фашизма, а те, кто боролись против миролюбивых государств, поддерживали фашизм, тех нельзя признать миролюбивыми государствами. Такова наша постановка вопроса.

Далее предлагают запросить Международный суд, можно ли обусловливать приём одних государств приёмом других государств? И с таким запросом нет оснований обращаться в Международный суд, так как двух ответов на такой вопрос и быть не может, если стоять на почве формально-юридической. Но дело вовсе не в формально-юридическом понимании. Большинство комитета, решившее рекомендовать принять Португалию, Эйре, Финляндию, Австрию, Италию и Трансиорданию, — довольно странное государство, которое трижды уже признавалось Англией самостоятельным, затем не признавалось самостоятельным, — в то же время отказывает в приёме в ООН Албании, Монгольской Народной Республике, Болгарии, Румынии, Венгрии, — разве это по Уставу, разве это справедливо и допустимо, мы спрашиваем?

Конечно, формально вы вправе ограничиться только одним государством. Но на каком же основании, какие у вас имеются моральные основания не принимать другие государства, которые удовлетворяют всем требованиям Устава? Принимать Финляндию и не принимать Венгрию, принимать Италию и не принимать Румынию, Болгарию, не принимать Албанию, Монгольскую Народную Республику, — почему, на каком основании? Вы руководствуетесь (я обращаюсь к большинству первого комитета, которое так решило) не юридическими правилами, не Уставом, а политическими мотивами. Позвольте, в таком случае, и нам тоже руководствоваться политическими мотивами. В таком случае вопрос, который вы здесь хотите поставить Международному суду, надо было бы дополнить, сказав: вправе ли большинство, которое решает принять одни государства, не принимать другие государства, удовлетворяющие всем требованиям Устава? Иначе говоря, вопрос опять-таки следует перенести в плоскость политических проблем, а вовсе не узко юридических формулировок.

Советская делегация утверждает, во-первых, что Эйре и Португалия не должны быть приняты как пособники фашизма, и сейчас ещё не освободившиеся от этого пятна, не смывшие с себя этого пятна. Мы утверждаем, что нельзя принять в ООН Трансиорданию, потому что она — не самостоятельное, не суверенное государство. А мы считаем, что когда в Уставе, в статье 4 говорится о государствах, то имеются в виду суверенные государства, а не просто то, что называют, по какому-то недоразумению, государством. Тем более, что ещё не ясно даже, действительно ли Трансиордания проникнута миролюбивыми целями, когда она в действительности мечтает и делает какие-то попытки осуществить свой план Великой Сирии. При таком положении вещей нет никаких оснований, даже если бы её признали

суверенным государством, что мы отрицаем, считать её миролюбивым государством, ибо она носится и сейчас, угрожая спокойствию мира, со своим планом Великой Сирии; угрожая другим государствам, она носится с идеей вооружённой рукой объединить под своей короной, под короной Абдуллы, другие государства.

Что касается Австрии и Италии, то мы говорим, что Австрия находится в положении перемирия и совершенно недопустимо принимать её в ООН, пока она не займёт положение независимого и суверенного государства, пока она находится под контролем других государств, ибо в составе Объединённых наций не могут быть государства, которые контролируются другими государствами. Мы поэтому возражаем против Австрии.

Что касается Италии, то мы возражаем против того, чтобы из пяти бывших сателлитов Германии была выдернута одна страна — Италия и поставлена в привилегированное положение, а все четыре были бы отодвинуты на задний план.

Советская делегация не может, кроме того, не обратить внимания на то странное положение, которое получится при таком решении в отношении Италии по сравнению с Албанией. Албанские патриоты героически сражались против итальянских и немецких войск, отвлекая на себя значительные силы от западного фронта. Албания в 1939 г. уже выставила пять партизанских отрядов против итальянских оккупантов. Она в 1942 г. довела число партизан до 10 тысяч, а в 1944 г. — до 70 тысяч. Ведь английские и американские военные власти в своё время признавали большие заслуги этого маленького героического албанского народа в борьбе против нашего общего врага. Они не отрицали этого, они признавали это. А теперь, когда речь идёт о том, чтобы принять в состав ООН Албанию, заслуги которой признаны перед всем миром и морально, и политически, и юридически, заявляют, что её, видите ли, нельзя принять в ООН, потому что какой-то там инцидент был в проливе Корфу, причём ещё, кстати сказать, вовсе не доказано, что в этом инциденте виновата Албания. Наоборот, по всем данным, Албания в этом инциденте не виновата. Но, независимо ни от чего, предвосхищая даже решение Международного суда, который должен ещё разобрать этот инцидент, уже отказывают Албании в приёме в организацию Объединённых наций. Не считаются ни с чем, не считаются, например, с тем, что в мирном договоре с Италией Албании отведён целый ряд статей: 27, 28, 29, 30, 31, 32, что за Албанией признано право на репарации с Италии. И вот получается поистине картина для богов: Италия, которая должна платить репарации Албании за то, что она нанесла ей ущерб в войне против миролюбивых народов, она будет принята в ООН, а Албания, — обиженная, униженная, оскорблённая, ограбленная итальянскими фашистами, пострадавшая от этой войны, за которую Италия должна нести ответственность, Албания останется за порогом, за дверьми ООН.

Что же о нас скажут простые люди?

Скажут, что мы принимаем бывшее фашистское государство, которое грабило, терзало Албанию, боровшуюся против фашистов, и в то же самое время Албанию, пострадавшую от Италии, которая

должна платить Албании репарации, мы отказываемся принять в ООН. И это вы называете справедливостью? И это логично? И это разумно? Советская делегация отвечает на эти вопросы — нет, нет, нет.

Это нелогично, это неразумно, это несправедливо.

А как обстоит дело с Монгольской Народной Республикой? Монгольская Народная Республика — маленькая республика, но она выставила свои войска против Японии, участвовала в борьбе против Японии, внеся свой вклад в это дело. Но говорят: позвольте, как же можно признать её миролюбивой страной, если Монгольская Народная Республика вторглась в пределы Китая? Но ведь это Китай вторгся на территорию Монголии, а не наоборот. В «Нью-Йорк таймс» от 23 августа один из авторов высказал удивление по поводу того, что Китай считает ту территорию, о которой идёт речь, китайской территорией. Документально доказано, что это не китайская территория и что не монголы вторглись на эту часть территории, а что китайцы вторглись на эту часть территории. И это выставляют как мотив, для того, чтобы отказать монгольскому народу в приёме в ООН. Это логично? Это разумно, это справедливо, вы скажете? Советская делегация на все эти вопросы отвечает твёрдо — нет, нет, нет. Нелогично, неразумно, несправедливо.

Что же остаётся тогда от этих резолюций? От этих резолюций ничего не остаётся. Это звук пустой, эти резолюции ничего не могут дать. Каждый из тех, кто сегодня будет голосовать за эти резолюции, знает, что, когда эти резолюции вернутся в качестве рекомендации в Совет безопасности, советская делегация будет так же бороться против них, как борется сейчас, будет отстаивать те же принципы, на которых она стояла раньше в этих вопросах и на которых она стоит сейчас. Каждому должно быть известно, что мы не отступим от этой принципиальной стороны дела. Следовательно, передача этих рекомендаций в Совет безопасности означает только политическую демонстрацию. Мы так это дело и рассматриваем.

Но во имя чего вы демонстрируете, господа, вы — большинство? И что вы хотите продемонстрировать?

Вы демонстрируете поощрение и покровительство профашистам и профашистским государствам, и вы поддерживаете их и в то же время вы направляете свой отрицательный вотум против демократических государств, которые боролись против фашизма и которые явятся верными союзниками и в будущей борьбе против фашизма, в какой бы форме он ни явился.

Советская делегация поэтому будет поддерживать польскую резолюцию. Советская делегация будет голосовать против всех остальных резолюций как неприемлемых, несправедливых, противоречащих принципам организации Объединённых наций.

«Правда» № 310 (10701) от 21 ноября 1947 г.; см. также «Делегации СССР, УССР и БССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций», Госполитиздат, 1948, стр. 477—485.

ПРОТИВ ФАШИСТСКОГО РЕЖИМА ФРАНКО

РЕЧЬ К. В. КИСЕЛЕВА
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

(17 ноября)

Испанский вопрос неоднократно обсуждался на международных конференциях и в организации Объединённых наций. Однако франкистский режим в Испании всё ещё существует. Естественно возникает вопрос, почему до сих пор существует франкистский режим в Испании? Почему Франко остаётся у власти? Почему победа демократического лагеря над фашизмом не стала ещё победой для испанского народа? Почему не приняты надлежащие меры к тому, чтобы в Испании было образовано демократическое правительство?

Эти вопросы задают все свободолюбивые народы мира, все те, кто активно боролся против гитлеровской Германии и фашистской Италии. Нам необходимо дать ответы на все эти вопросы.

Установлено, что Франко является представителем фашизма в Европе. Об этом говорится в резолюции от 12 декабря 1946 г., принятой на первой сессии Генеральной Ассамблеи, в которой сказано, что «по своему происхождению, природе, структуре и общему поведению режим Франко является фашистским режимом, установленным по образцу нацистской Германии Гитлера и фашистской Италии Муссолини, и в значительной степени благодаря полученной от них помощи». Так сказано в резолюции организации Объединённых наций.

Вот уже 11 лет, как Испания переносит фашистскую оккупацию, и испанский народ героически борется против франкистского режима. Франкистская Испания стала центром в Европе, где собираются все недобитые остатки фашизма, где вынашивается идея реванша. Франкистская Испания стала центром сосредоточения и местом укрытия тысяч германских, итальянских и иных фашистов, которые ждут удобного случая, чтобы вновь начать борьбу за восстановление фашизма в этих странах. Франкистская Испания является серьёзной угрозой для мира и безопасности народов Европы, является фактором, укрепляющим и обнадеживающим силы реакции в других странах.

Как известно, вторая мировая война закончилась полным разгромом и безоговорочной капитуляцией гитлеровской Германии, фашистской Италии и империалистической Японии — этих главных очагов фашизма и агрессии. В решениях трёх великих держав антигитлеровской коалиции неоднократно подчёркивалось, что первоочередной и важнейшей задачей является искоренение фашизма и предоставление народам возможности беспрепятственно строить свою жизнь на демократических началах.

В декларации об освобождённой Европе, принятой Крымской конференцией, говорится о необходимости уничтожения последних следов нацизма и фашизма, как о главном условии закрепления до-

стигнутой победы. Я позволю себе остановиться более подробно на этом вопросе. Я должен сказать, что в ряде стран недостаточно решительное и последовательное осуществление Крымского решения имеет своим следствием попытки активизации уцелевших фашистских групп и группочек. Реакционные силы многих стран, потерявшие опору, которую они имели в лице германского и итальянского фашизма, стараются всеми силами и имеющимися у них в распоряжении средствами задержать процесс очищения политической и общественной жизни от фашистской заразы, оказывая всяческую поддержку фашистским режимам в Испании, Португалии и Греции.

В открытой вооружённой борьбе фашисты оказались разбиты, но остатки фашизма ещё не добыты до сих пор. Исключительно серьёзным фактом является то, что международная реакция не отказалась от расчётов на восстановление нацизма в Германии. Испанский вопрос тесно связан с германской проблемой.

Я должен сказать, что в западных зонах Германии, оккупированных английскими и американскими войсками, практически очень мало сделано в отношении искоренения нацизма. Опубликованный недавно отчёт международного комитета по изучению европейских проблем прямо указывает, что денацификация в западных зонах «почти полностью провалилась» и что там «нацистская партия управляется после первого потрясения, вызванного поражением».

Германские монополистические объединения, служившие опорой гитлеровского режима и вдохновлявшие его агрессию, не только не ликвидированы, но пользуются поддержкой английских и американских властей. На ответственных хозяйственных и административных постах и сейчас можно найти немало гитлеровцев. Из печати известно, что германская реакция, при поддержке реакционных кругов в Англии и Америке, пытается собрать свои силы. Имеют место террористические акты и саботаж, создаются нелегальные фашистские организации, делаются даже попытки возродить гитлеровскую партию. Некоторые наиболее оголтелые представители германского империализма несомненно вынашивают планы реванша, предлагая свои услуги новым претендентам на мировое господство. Все эти условия создают благоприятную почву для активизации фашистов.

План промышленного восстановления Рурского бассейна под руководством германских монополистов способствует активизации недобитых остатков германского фашизма. В западных зонах Германии ещё не ликвидированы монополистические объединения крупного капитала, не осуществлена демократическая земельная реформа и не ликвидированы крупные поместья — юнкеры. До сих пор не проведена денацификация учреждений и предприятий, не проведено в достаточной мере наказание военных преступников, не предоставлено широких прав в руководстве промышленными предприятиями профессиональным союзам и производственным советам, не проведено радикальных мер по уничтожению корней фашизма. Всё это не может не тревожить мировое общественное мнение и особенно те народы, которые перенесли гитлеровскую оккупацию.

Фашизм, этот воинствующий авангард международной реакции, принёс народам неисчислимые бедствия. Никто теперь не отрицает,

что вторая мировая война была исключительным бедствием для человечества. Прошедшая война охватила страны, в которых живут четыре пятых населения земного шара.

Победа над гитлеровской Германией, фашистской Италией и империалистической Японией была достигнута ценой огромнейших жертв и лишений. Доказанным является тот факт, что международная реакция оказала поддержку фашизму, видя в нём надёжный оплот против демократических устремлений народных масс. Война закончилась разгромом фашистских агрессоров. Но силы международной реакции остались, хотя они и лишились своих передовых аванпостов в лице германского и итальянского фашизма и японского империализма.

Великий вождь советского народа И. В. Сталин сказал, что войны с фашистской Германией нельзя считать войной обычной. Это была не только война между армиями, это была, вместе с тем, война свободолюбивых народов, не желавших склонить голову перед немецко-фашистскими претендентами на мировое господство. Следует сказать, что активизация фашизма имеет место не только в Германии. Совершенно открыто действуют фашистские силы в Италии. Италия не была очищена от фашистских элементов. Даже те немногие фашисты, которые были преданы суду, выпущены сейчас на свободу «за отсутствием улик». Фашистские организации в Италии при прямом попустительстве правительства де Гаспери, вопреки условиям мирного договора, обязывающего Италию не допускать на своей территории возрождения фашистских организаций, предпринимают попытки воссоздать фашистскую партию. Провокационные выступления и террористические акты в Риме, Неаполе и других городах Северной Италии говорят о том, как самоуверенно и нагло держатся итальянские фашисты, чувствуя свою безнаказанность, что не может быть в дальнейшем нами терпимо.

Я должен остановиться также на возобновлении деятельности фашистской партии Мосли в Англии. В 1946 г. в Лондоне вышла книга «Фашизм в Англии», автором которой является помощник редактора английского журнала «Трибюн» Фредерик Меллалли. В этой книге приводятся факты о деятельности английских фашистов в период между двумя мировыми войнами, а также после второй мировой войны. Я не буду занимать ваше внимание изложением истории возникновения фашизма в Англии, а остановлюсь только на деятельности фашистской партии после второй мировой войны, когда Мосли был выпущен из тюрьмы. Автор пишет: «Выразить во время боёв за Эль-Аламейн или Сталинград убеждение в том, что фашизм возродится в послевоенной Англии в качестве организованной политической силы, значило бы подвергнуться осмеянию, если не насилию. В разгар превратностей и случайностей войны мы полагали, что одно во всяком случае можно считать само собой разумеющимся: дни фашизма в Англии миновали. Возврата быть не может».

Но оказывается, что г-н Фредерик Меллалли был большим оптимистом и недооценил силы английской реакции. Сразу же после окончания войны Мосли и другие фашисты были выпущены из тюрьмы и вновь стали заниматься своим чёрным делом.

Мосли восстановил британский союз фашистов под видом издательской фирмы. Это издательство выпускает ежемесячный бюллетень «Мосли Ньюс леджер», ведущий разнузданную фашистскую пропаганду. Вновь восстановлена распущенная в 1939 г. имперская фашистская лига в Англии. Восстановлена национальная партия, возглавляемая герцогом Бедфордским. Возникшие многочисленные фашистские организации под разными наименованиями имеют высокопоставленных и влиятельных покровителей в Англии. В частности им оказывает серьёзную поддержку существующая с 1933 г. группа имперской политики, которая объединяет колониально-империалистических деятелей.

Обозреватель газеты «Ньюс кроникл» Каммингс писал: «Их (т. е. фашистов) численность возрастает, они становятся смелее в своих действиях, изощрённее в своих методах с каждым днём. Ни одно демократическое правительство не может оставаться безразличным к их деятельности». Как известно, этот вопрос неоднократно поднимался в английском парламенте.

Я приведу ещё одно высказывание газеты «Рейнольдс ньюс»: «Мы не считаем, что фашисты были бы вправе узурпировать политические права, над которыми они насмеяются и которые они собираются уничтожить. Мы полагаем, что призыв к расовой ненависти должен быть признан преступлением. Мы полагаем, что долг демократического народа заключается в том, чтобы защищаться от отвратительного учения, распространившего убийства и разрушения во всём мире и разгромленного только ценою миллионов жизней».

Несомненно эти высказывания отражают мнение английского народа. Я в этом глубоко уверен.

Но влиятельные политические круги Великобритании и Соединённых Штатов Америки фактически поддерживают Франко. Это в свою очередь способствует усилению деятельности реакционных сил в некоторых других странах, в частности во Франции.

Я уже говорил, что в Англии и Соединённых Штатах Америки имеются круги, не скрывающие своей заинтересованности в том, чтобы сохранить и поддержать не только фашистский режим Франко, но и разного рода фашистские организации в других странах Европы. Поддерживая эти фашистские организации в европейских странах, эти реакционные круги отводят им определённую роль в реализации своих авантюристических планов мирового господства.

Народные массы проливали свою кровь в борьбе с фашизмом не для того, чтобы снова подпасть под иго новых претендентов на мировое господство. Сейчас задача состоит в том, чтобы разбить преступные замыслы реакции и не допустить возрождения фашизма. Победа над фашизмом, завоёванная ценою огромных жертв, должна быть надёжно закреплена.

Франкистская Испания занимает видное место в попытках возрождения фашизма в Европе и остаётся не чем иным, как фашистским государством типа гитлеровской Германии. Чем можно объяснить, что фашистский режим Франко до сих пор находится у власти, несмотря на падение Гитлера и Муссолини? Это следует объяснить тем, что, во-первых, его поддерживают все реакционные силы мира,

во-вторых, он опирается на огромный аппарат насилия и террора, который душит испанский народ, в-третьих, тем, что иностранные капиталисты извлекают большие прибыли из своих вложений в Испанию.

Для подтверждения последнего положения я могу указать на то, что английский капитал господствует в добывающей и металлургической промышленности Испании. Английские фирмы разрабатывают медные рудники Рио Тинто и Уэльва, железные рудники Альконера де Бискайя и контролируют другие важнейшие предприятия, которые остались испанскими лишь по названию.

Под контролем американских монополистов находится большая часть текстильной промышленности Каталонии, нефтяные ресурсы, телефонная связь, авиатранспорт, заводы электрооборудования, производство автомобилей, шин, строительство судов, электрические станции, химическая промышленность. Фалангистские верхи и группы капиталистов накапливают огромные богатства за счёт голода и нужды народных масс. Глубокий экономический кризис, вызванный хозяйничанием Франко в Испании, рост сопротивления народных масс, борющихся вместе с народами всего мира за ликвидацию последних остатков фашизма,— всё это создаёт чрезвычайно напряжённую ситуацию. Нужда и голод угрожают огромному большинству населения городов и сёл. Я позволю себе привести высказывания центрального органа фалангистской партии, газеты «Арриба» от февраля 1946 г.: «Предмесья Мадрида,— писал корреспондент,— представляли собой раньше пустынные холмы. Теперь там среди груд балок, мусора ютятся в страшной тесноте люди, оставленные без материальной и медицинской помощи, без школ. Нет там никакого освещения, вода стоячая, водосточные трубы открыты. Больше полумиллиона человек живёт в таких условиях, и их число продолжает расти».

Вот констатация фактов.

Рисуя эту жуткую картину, фалангистская газета «Арриба» отличалась тем, что призывала власти запретить людям, гонимым голодом из дому, стекаться в столицу, а для того, чтобы прогнать оттуда тысячи собравшихся несчастных, прозябающих в описанных выше условиях, обстрелять из пушек эти холмы.

Вот, господа, образец нового подхода к разрешению социальных проблем в Испании.

За последнее время террор в Испании усилился. Аресты и казни испанцев продолжаютя в течение всего периода существования франкистского режима, и редко проходит день, чтобы газеты не сообщали о новых случаях убийства испанских демократов. Согласно неполным данным, в течение 1945—1946 годов различные франкистские суды приговорили к смерти 1 863 человека.

Во франкистских тюрьмах находится в настоящее время больше 200 тысяч испанцев. Но, несмотря на этот террор, героический испанский народ ни на одну минуту не прекращает своей борьбы с франкистским режимом, несмотря на трудные условия, в которых эта борьба происходит.

Господа, пора уже принимать действенные меры против франкистского режима. Мы много говорим, принимаем решения, а Франко

остаётся у власти. Время показало, что меры морального воздействия на режим Франко не дали существенных результатов.

Генеральная Ассамблея в своём решении предусматривала возможность того, что принятые меры окажутся недостаточными и не приведут к установлению демократическим путём нового режима в Испании.

Делегация Белорусской ССР уже на первой сессии рекомендовала, чтобы каждый член организации Объединённых наций прекратил не только дипломатические, но и экономические отношения, включая прекращение железнодорожных, морских, воздушных, почтовых и телеграфных связей с франкистской Испанией.

Белорусская делегация и сейчас считает разрыв дипломатических и экономических связей с франкистской Испанией необходимой мерой для радикального исправления существующего положения.

За этот период мы убедились, что стремление демократических стран мира к установлению в Испании демократии встречает серьёзное сопротивление со стороны реакционных кругов некоторых стран. Эти круги срывают общий демократический антифашистский фронт, налаживая и укрепляя свои экономические связи с фашистской Испанией, оказывая этим самым экономическую и политическую поддержку режиму Франко.

Некоторые страны стремятся использовать испанскую проблему для быстрого захвата экономических позиций в Испании, для её экономического подчинения.

Делегация Белорусской Советской Социалистической Республики надеется, что Генеральная Ассамблея найдёт справедливое решение этой важной проблемы и что будут приняты действенные меры к ликвидации франкистского режима в Испании.

«Делегации СССР, УССР и БССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций», Госполитиздат, 1948, стр. 460—468.

О ДИСКРИМИНАЦИИ ИНДИЙЦЕВ В ЮЖНО-АФРИКАНСКОМ СОЮЗЕ

ВЫСТУПЛЕНИЕ А. А. ГРОМЫКО НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ (20 ноября)

Советская делегация имела уже возможность высказать свою позицию по данному вопросу на предыдущей сессии Генеральной Ассамблеи, когда делегация Индии впервые поставила этот вопрос, а также в политическом комитете, когда эта делегация поставила данный вопрос вторично на Генеральной Ассамблее. Это освобождает меня от необходимости говорить теперь подробно по данному вопросу. Я поэтому ограничусь несколькими общими замечаниями, главным об-

разом, в связи с дискуссией, которая состоялась сегодня на пленарном заседании Ассамблеи.

Какой основной довод приводился в подтверждение правильности своей позиции теми, кто возражал и возражает против рассмотрения этого вопроса на Генеральной Ассамблее и против принятия ею соответствующего решения? Основной довод этих людей состоит в том, будто бы вопрос о положении индийцев в Южно-Африканском Союзе является вопросом, находящимся исключительно в области внутренней компетенции Южно-Африканского Союза.

Советская делегация и подавляющее большинство других делегаций, выразивших своё отношение к этому вопросу, не разделяют такой точки зрения и считают её несостоятельной и необоснованной. Советская делегация исходит при этом из того, что сам факт, что Генеральная Ассамблея вынуждена была заниматься данным вопросом на двух сессиях, свидетельствует о том, что он перестал быть вопросом внутренней юрисдикции Южно-Африканского Союза или, во всяком случае, перестал быть вопросом *только* внутренней юрисдикции. Этот факт свидетельствует о том, что поставленный делегацией Индии вопрос приобрёл международное значение, так как, в противном случае, Генеральная Ассамблея не принимала бы соответствующих рекомендаций ещё в прошлом году.

Но этот вопрос имеет и другой аспект, кроме этого формально-юридического аспекта. Этот вопрос имеет непосредственное отношение к выполнению государствами — членами Объединённых наций тех обязательств, которые они взяли на себя, подписывая Устав Объединённых наций. Это — вопрос выполнения принципов и целей организации Объединённых наций. Советская делегация, определяя своё отношение к обращению Индии, исходила также из того, насколько можно согласовать действия Южно-Африканского Союза с целями и принципами организации Объединённых наций. Мы уверены, что это принимают в расчёт и другие делегации, разделяющие точку зрения делегации Индии, делегации Советского Союза и многих других делегаций, поддержавших в политическом комитете резолюцию, представленную индийской делегацией.

Я не собираюсь приводить здесь на пленарном заседании Генеральной Ассамблеи факты, подтверждающие все основные обвинения, выдвинутые правительством Индии против Южно-Африканского Союза. В распоряжении не только советской делегации, но, я уверен, — каждой делегации, представленной на Генеральной Ассамблее, имеются десятки и сотни фактов, подтверждающих, что в Южно-Африканском Союзе проводится политика грубой и недопустимой дискриминации в отношении национальных меньшинств. Именно на эту политику и обратила внимание Объединённых наций делегация правительства Индии в связи с дискриминацией, проводимой в отношении проживающих на территории Южно-Африканского Союза индийцев.

Делегация Индии в своих заявлениях, а также в документах, представленных Генеральной Ассамблее, привела многочисленные факты, подтверждающие обвинения, выдвинутые ею против правительства Южно-Африканского Союза. Но, если в таком положении

находятся индийцы, проживающие в Южно-Африканском Союзе, то можно себе представить, в каком положении находятся сотни тысяч и миллионы населения других национальностей, проживающих на территории этой страны, в частности, негритянское население.

В ходе дискуссии на Генеральной Ассамблее в этом году делегации почти не касаются положения других национальностей на территории Южно-Африканского Союза. Но я хорошо помню дискуссию, которая состоялась в прошлом году. Многие делегации указывали тогда на положение не только индийцев, но попутно также на положение и других национальностей, которое гораздо хуже, чем положение индийцев.

Что же происходит в Южно-Африканском Союзе, и как мы можем охарактеризовать ту политику, которая проводится правительством Южно-Африканского Союза в отношении индийцев? Эту политику нельзя иначе охарактеризовать, как политику фашистского толка, политику, которую проводили в своё время гитлеровцы в Германии до войны и во время войны.

Конечно, есть разница между положением в Южно-Африканском Союзе и положением, существовавшим в фашистской Германии. Германский фашизм ставил перед собой задачу завоевания мирового господства. Для этой цели он воспитал целое поколение в духе расовой ненависти и перевёл в годы войны свою расовую политику на практический язык, построив десятки так называемых «лагерей смерти», уничтожая в этих лагерях русских, украинцев, белоруссов, поляков, чехов, французоз, англичан.

Политика, которая проводится в Южно-Африканском Союзе, несовместима с Уставом, с принципами и целями организации Объединённых наций. Поэтому она является недопустимой и, более того, потенциально опасной.

Как развивается наша дискуссия на Генеральной Ассамблее по этому вопросу? Она развивается по тем же линиям, по которым развивалась дискуссия по вопросу о фашистском режиме Франко. Здесь борются две основные тенденции: одна тенденция является выражением того, что некоторые государства стоят за необходимость искоренения остатков нацизма и фашизма в области теории и практики. Эти государства стоят за эффективные меры против режима Франко. Эти государства стоят за то, чтобы устранить явления, которые имеют место в Южно-Африканском Союзе, позорящие не только Южно-Африканский Союз, но и нашу организацию.

Другая тенденция является выражением попустительства со стороны некоторых государств в отношении фашизма и фактическим поощрением со стороны этих государств наиболее реакционных сил, являющихся в настоящее время носителями фашистской теории и фашистской практики, что видно из примеров с обсуждением вопросов о режиме Франко и о положении индийцев в Южно-Африканском Союзе.

Именно по этим двум линиям разделились представленные в Ассамблее государства. Кто защищает режим Франко? Кто защищает и выгораживает политику в области национального вопроса Южно-Африканского Союза? Защищают в основном те же государства и из

них прежде всего — Соединённые Штаты Америки, Великобритания, британские доминионы и, конечно, Сальвадор, Аргентина, Перу, Доминиканская республика. При рассмотрении обоих этих вопросов впереди этой колонны «шествует» Сальвадор. Сзади эту колонну подпирают Соединённые Штаты. Я повторяю: Соединённые Штаты не просто идут, а подпирают эту колонну.

Мы в этой колонне встречаем почти все знакомые лица, которых мы уже встречали при обсуждении вопроса о Франко. Советский Союз не может не занимать позицию решительной борьбы против этой тенденции и против носителей этой тенденции. Я думаю, что делегатам нетрудно понять, как реагирует советский народ, не знающий расовой дискриминации, на подобного рода явления, имеющие место в Южно-Африканском Союзе. Он осуждает с негодованием такого рода позорное явление, как расовая дискриминация.

Делегация Южно-Африканского Союза не может отрицать некоторых основных фактов. Например, я задам ей вопрос, — имеются ли на территории Южно-Африканского Союза гетто для индийцев или нет? Ясно, что гетто имеются. Это было подтверждено фактически и делегацией Южно-Африканского Союза.

Делегация Южно-Африканского Союза указывала, что не только индийцы живут в отдельных районах, но и белые живут в отдельных районах. Она, очевидно, пытается доказать, что не только индийцы живут в гетто, но и белое население живёт в гетто. Но это бессмыслица, ибо гетто были учреждены лишь для некоторых национальностей в Южно-Африканском Союзе в результате политики правительства Южно-Африканского Союза, возглавляемого фельдмаршалом Сметсом, за широкие плечи которого южно-африканская делегация, как и некоторые другие делегации, пытается спрятаться при обсуждении этого вопроса.

Кто поддерживает Индию в этом вопросе? Индию поддерживает в этом вопросе не только Советский Союз и не только делегации некоторых других восточноевропейских государств, но Индию поддерживают также делегации ряда других стран, прежде всего стран, имеющих традиции национально-освободительной борьбы, в памяти народов которых ещё свежо колониальное угнетение. Правительства этих стран вынуждены считаться с настроениями своих народов.

Я не могу не остановиться на одном замечании, которое сделал здесь представитель Сальвадора. Он заявил, что дискриминация существует не только в Южно-Африканском Союзе, но что нечто похожее имеется и в некоторых других странах, в частности в Эстонии, Латвии и Литве. Он сослался на какие-то официальные документы, которые попали в его распоряжение. Но эти документы, наверно, написаны группой отщепенцев и предателей своего собственного народа, нашедших убежище под крылышком американцев. Представитель Сальвадора и другие, которые разделяют его точку зрения, должны знать, что рабочим, крестьянам, служащим, представителям умственного труда во многих странах мира приходится только мечтать о тех правах, которыми располагают трудящиеся в Эстонской, Латвийской и Литовской Советских Социалистических Республиках.

Представитель Соединённых Штатов пытался доказать необходимость передачи этого вопроса в Международный суд. Вообще в последнее время стало модным при обсуждении любого острого политического вопроса вносить предложения о передаче его в Международный суд. Это имеет место не только в Генеральной Ассамблее, но и в Совете безопасности. Когда обсуждался, например, вопрос о выводе британских войск из Египта, немедленно было внесено предложение передать этот вопрос в Международный суд. Поддерживают такого рода предложения, конечно, прежде всего Соединённые Штаты и Великобритания. Когда рассматривается вопрос о приёме новых членов в организацию Объединённых наций, сейчас же вносится предложение передать его в Международный суд. Когда рассматривается вопрос о положении индийцев в Южно-Африканском Союзе, то тоже вносится предложение передать его в Международный суд.

В защиту этих предложений обычно приводятся смехотворные доводы, вроде довода о том, что Международный суд всё равно не имеет вопросов и ему всё равно нечем заниматься, поэтому нужно найти для него какую-то работу. Казалось бы наоборот, раз у Международного суда нет вопросов, то это свидетельствует о том, что вопросы, подлежащие рассмотрению суда, не возникают, что государства улаживают разные вопросы путём непосредственных переговоров.

Предложение о передаче разбираемого сейчас вопроса в Международный суд нельзя расценивать иначе, как попытку выхолостить политическое содержание этого вопроса и приковать внимание Генеральной Ассамблеи только к его юридической стороне. Мы не исключаем того, что в этом вопросе, возможно, имеется и юридический аспект. Но правительство Индии поставило перед нами не юридический вопрос, а вопрос большого политического значения. Поэтому мы ни в коем случае не можем согласиться с предложением о передаче всего этого дела на решение Международного суда, так как такого рода предложения предназначены для того, чтобы умалить значение этого вопроса и потопить его в море юридических дефиниций, лишённых политического содержания.

Советская делегация считает, что Генеральная Ассамблея не может, без ущерба для своего авторитета и престижа, отступить от тех позиций, которые она заняла уже в 1946 г. на своей сессии. Генеральная Ассамблея поступит правильно, если она подтвердит ту резолюцию, которая была, по предложению Индии, уже принята на политическом комитете.

Что касается советской делегации, то она будет, как и в политическом комитете, голосовать за эту резолюцию.

«Делегации СССР, УССР и БССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций», Госполитиздат, 1948, стр. 497—502.

О ПРИНЦИПЕ ЕДИНОГЛАСИЯ ВЕЛИКИХ ДЕРЖАВ

РЕЧЬ А. Я. ВЫШИНСКОГО
НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ
ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

(21 ноября)

1. ПОХОД ПРОТИВ ПРИНЦИПА ЕДИНОГЛАСИЯ (ВЕТО)

Представитель США в своём выступлении только что делал попытку изобразить принятое первым комитетом решение о передаче вопроса о принципе единогласия, или, как его обыкновенно называют, о «вето», в межсессионный комитет и о тех целях, которые при этом преследуются, в очень упрощённом виде. Он заявил, что это очень простые и умеренные решения, которые сводятся к решению этого вопроса, к консультации межсессионного комитета с комиссией, которая может быть выделена Советом безопасности, к предложению о консультации по этому вопросу между пятью постоянными членами Совета безопасности. Всё сказанное им дальше преследовало цель показать, что ничего серьёзного в политическом смысле этого слова в первом комитете не было принято и что весь этот вопрос, в сущности говоря, является обыкновенным, как говорят, рутинным вопросом, больше имеющим значение для улучшения техники голосования, чем для решения тех или других принципиальных вопросов.

Это, конечно, совершенно неправильно. Представитель США, давая такое объяснение, в сущности говоря, попытался отвлечь внимание Ассамблеи от действительных политических проблем, которые связаны с этим вопросом, и, я уже не буду этого вновь подчёркивать, преуменьшить значение этих проблем.

Между тем вопрос о принципе единогласия, о так называемом правиле «вето», является одним из центральных, одним из важнейших вопросов в жизни и деятельности ООН. В этом вопросе столкнулись, как это не подлежит никакому сомнению, две основные политические линии, два основных политических направления, — направления, определяющие всё содержание современной внешней политики. На это обстоятельство советская делегация имела возможность и случаи указывать и ранее и, в частности, когда на первой сессии Генеральной Ассамблеи вопрос о праве единогласия был выдвинут некоторыми делегациями, зарекомендовавшими себя в качестве непримиримых противников этого принципа и правила, выступавших против него ещё в то время, когда только вырабатывался Устав ООН. Правда, эти делегации, как, например, аргентинская, кубинская, филиппинская и некоторые другие, как известно, приняли Устав ООН с тем правилом единогласия, которое выражено в статье 27 Устава. Они таким образом приняли это правило и эту статью 27, как и ряд других статей, где также выражен этот принцип единогласия, например, 108 и 109 статьи Устава. Казалось бы, что присоединение этих делегаций к организации на основании дан-

ного Устава, хотя бы в нём и была статья для них неприемлемая, вызывающая их возражения, обязывает и обязывало с самого начала все эти делегации и всех членов организации относиться к Уставу и его принципам с должным уважением, быть верными этим принципам.

Приняв Устав, члены организации Объединённых наций, казалось бы, должны были отказаться от борьбы против Устава и его основных принципов, каким является, несомненно, принцип единогласия великих держав при решении непроцедурных вопросов в Совете безопасности. Ведь нельзя признать нормальным такое положение, когда государства, подписавшие Устав и, следовательно, принявшие на себя обязательства, выраженные в этом Уставе, сейчас же после того, как они подписали этот Устав, присоединились к нему, начинают борьбу против Устава и стараются всеми мерами поколебать или уничтожить один из важнейших устоев этого Устава.

Нельзя признать нормальным, когда, войдя в организацию, одним из основных принципов которой при решении политических вопросов было установлено правило единогласия, какое-либо государство начало систематическую борьбу против этого принципа, подтачивая таким образом самые корни организации, к которой это государство только что присоединилось; но именно такое положение создалось с теми членами организации Объединённых наций, которые, подобно Аргентине, Кубе, Филиппинам, Австралии и некоторым другим, из месяца и — теперь можем сказать — из года в год ведут систематическую борьбу против принципа единогласия, добиваясь его отмены. Одни из них откровенно требуют уничтожения принципа единогласия, делая это требование всем удержанием, я бы сказал, программой всей своей работы в ООН, мешая таким образом спокойной работе ООН, бросая эту организацию в лихорадку, подвергая её политической трясучке, всячески повторяя изо дня в день одно и то же требование: «Вето должно быть уничтожено». *Carthaginem esse delendam* — «Карфаген должен быть разрушен».

Современные шпионы, вроде аргентинской и австралийской делегаций, ни о чём другом не думают, как только об уничтожении правила единогласия. Аргентинский представитель на последнем заседании первого комитета заявил, что он, как хирург, добивается того, чтобы «вето» было ампутировано. Можно подумать, что Генеральная Ассамблея для него является чем-то вроде хирургического госпиталя или поликлиники или клиники, в которой каждый по своему будет ампутировать те или другие части Устава, как ему это заблагорассудится с точки зрения его хирургических талантов.

Менее откровенно, но то же стремление к ликвидации этого правила единогласия выражено и австралийским представителем, который заявил, что линия поведения Аргентины в этом вопросе не представляет выгоды в настоящее время. Г-н Эварт, следовательно, не против предложения Аргентины, — он тоже готов был бы быть ассистентом этого хирурга по ампутации, но он считает, что ещё не пришло для этого время, что плод ещё не созрел, чтобы его можно было сорвать, как торопится это сделать слишком уж тороп-

ливый аргентинский представитель, что на данном этапе в настоящее время достаточно ограничиться менее радикальным мероприятием, чем ампутация, с которой носится аргентинский представитель. Тем не менее, г-н Эватт заявил, что со времени Сан-Франциско австралийская делегация всегда считала и продолжает считать, что пользование правилом «вето», как он выразился, является пятном на Уставе, что это является, как он сказал, пропуском, который в Сан-Франциско оказалось необходимым сделать, чтобы позволить подписать Устав. Это чудовищно, но это — факт. Оказывается, что некоторые делегации решили сыграть роль троянского коня в этом деле. Они соглашались с «вето», с правилом единогласия лишь потому, что рассматривали это своё согласие присоединения к Уставу, свою подпись под Уставом и под его основными принципами как тактический маневр, только лишь для того, чтобы позволить подписать Устав, втайне решив продолжать борьбу против Устава и против принципа, выраженного в нём, несмотря на своё присоединение к этому Уставу. Это, конечно, достаточно характерно для того, чтобы определить степень искренности и добросовестности таких делегаций и их отношение к Уставу и его принципам, к которым присоединяются не потому, что они верят в эти принципы, готовы их отстаивать, считают их важными для своей деятельности в ООН и для деятельности самой этой организации, а только для того подписывают Устав, чтобы дать возможность этому Уставу войти в действие, оставляя за собой полную возможность бороться против Устава. Это с самого начала изобличает эти делегации, представителей такой позиции, не как сторонников Устава или как сторонников организации, опирающейся на этот Устав, а как противников этого Устава и противников этой организации.

Аргентинское предложение — созвать специальную конференцию для отмены «вето», — повидимому, представляет собой также тактический маневр, поскольку даже такие противники правила единогласия, как австралийская делегация или делегация вроде Кубы, или Перу, или Филиппин, открыто не решаются поддерживать аргентинское предложение. Они опасаются, очевидно, наткнуться на слишком серьёзное сопротивление других членов организации, сохраняющих веру в её принципы, понимающих, что значит затеянная господами аргентинцами возня вокруг правила единогласия. Эта возня уже сейчас заставляет некоторые делегации насторожиться. Эти делегации, как, например, египетская делегация или шведская делегация, повидимому, чувствуют, к чему может в конечном итоге привести эта возня, какие серьёзные политические последствия могут возникнуть для ООН, если эта свистопляска вокруг принципа о так называемом «вето», или, правильнее говоря, принципа единогласия в Совете безопасности между пятью великими державами, не будет приостановлена или эта свистопляска вовсе не будет устранена из нашей организации.

Не подлежит сомнению, что сознание назревающей в недрах организации ООН опасности для самого существования этой организации не может не вызвать чувства законной тревоги у всех честных сторонников международного сотрудничества, у всех честных сторон-

ников политики мира и безопасности народов. Это не могут не учитывать, разумеется, противники такой политики, горящие нетерпением, чтобы ампутировать «вето», чтобы ликвидировать принцип единогласия, чтобы ослабить таким образом ООН, мешающую проведению политики, преследующей цели и задачи, не имеющие ничего общего с целями и задачами ООН. Они чувствуют, что игра ва-банк будет проиграна на данном этапе и что замечание даже нидерландской делегации о том, что или в ООН будет существовать «вето», или вовсе ООН не будет существовать,— стоит того это замечание, чтобы призадуматься перед тем, как идти ва-банк.

Аргентинское предложение — это тактический маневр, не имеющий никакого серьёзного практического значения. Я бы сказал: это — холостой выстрел. Мы уже привыкли к таким выстрелам. Мы не сомневаемся, что этот выстрел сделан по приказу или по приказу из штаб-квартиры американской делегации, как это уже заведено в дипломатической практике США, когда сами США не считают нужным тратить зря даже холостые снаряды и предоставляют это удовольствие своим послушным последователям. В ряде случаев позиция Соединённых Штатов решительно выступать против неудобных им принципов или предложений кончается провалом. В результате Соединённые Штаты вынуждены соглашаться на меньшее, чтобы спасти своё лицо. Не лучше ли, в таком случае, не рисковать собственными боками, тем более, что всегда найдутся не очень требовательные и не очень щепетильные охотники предоставить Соединённым Штатам Америки свои собственные бока, тем более, что это возможно сделать в порядке взаимного ленд-лиза, предоставить эти собственные свои бока, на которых можно отыгаться так же успешно, как и на всякой барабанной шкуре. Не потому ли в данном случае Аргентине предоставили сомнительную честь здесь выступить с самостоятельным предложением о созыве конференции для ампутации «вето». При этом сами организаторы этого предложения, как я уже сказал, отлично знают, что эти предложения не будут и не могут быть приняты и поддержаны, по крайней мере, необходимым большинством Ассамблеи и что они, эти подстрекатели к такого рода предложениям, к ампутации «вето» и конференциям для этой цели, не смогут поддержать это предложение. Ведь не случайно то обстоятельство, что при последней дискуссии в первом комитете по аргентинскому предложению речь шла вовсе не об аргентинском предложении. Кажется, кроме Дании и Кубы, если я не ошибаюсь, и ещё кое-кого не нашлось ни одной делегации, которая заявила бы о готовности к такому самопожертвованию. Даже представитель Соединённых Штатов г-н Даллес заявил, что американская делегация согласна с советской делегацией в том, что принцип, или правило, единогласия действительно является защитой каждого государства, что принцип единогласия защищает, как он сказал, права меньшинства против произвола большинства. Так в чём же тогда дело? Из-за чего тогда загорелся весь этот сыр-бор?

О выступлении г-на Даллеса я, впрочем, скажу несколько дальше особо. Я здесь замечу, что на этот раз Соединённые Штаты также не решились открыто выступить против правила единогласия, хотя

своё заявление по этому вопросу обставили такими оговорками, которые на деле готовят почву для отмены этого правила единогласия, являются по существу первым шагом к тому, чтобы свести это правило единогласия на-нет. В то время как Аргентина кричит об ампутации «вето», когда Куба и ещё кое-кто подусскивают на это Аргентину, Соединённые Штаты Америки и, скажу кстати, Великобритания предпочитают не очень форсировать события, не бросаться в омут борьбы против правила единогласия очертя голову. Они, наоборот, на словах продолжают стоять якобы за «вето», за принцип единогласия, а на деле осторожно и хитро, но последовательно и неустанно пытаются обкратить его, сузить его, уничтожить не принцип единогласия, — боже упаси, ведь они сторонники этого принципа, — они так говорят, — а самое применение этого принципа в целом ряде случаев, из которых и составляется вся практическая работа Совета безопасности. Они, конечно, сочувствуют Аргентине, но предпочитают действовать более осмотрительно и спокойно, надеясь, что время работает на них, что делегации, сегодня ещё упорствующие и не желающие к ним присоединиться в этом вопросе, через некоторое время будут вынуждены изменить свою позицию под влиянием развития событий, которые всё больше и больше будут ослаблять самостоятельность разных государств под давлением финансовых, экономических мероприятий, как доктрина Трумэна или план Маршалла.

В этой связи я должен коснуться этого вопроса. Выступая на днях в конгрессе в защиту своего плана, который он назвал планом восстановления Европы, г-н Маршалл старался изобразить дело так, будто главная цель этого плана — облагодетельствовать Европу или, как он выразился, европейское сообщество, которое должно включать в себя и Западную Германию в качестве одного из устоев международной безопасности. При этом не обошлось без устоявшего извращения фактов, поскольку дело изображалось так, будто бы к западу от линии, на которой во время войны встретились англо-американские войска с советскими войсками, европейские государства решают послевоенные проблемы без давления со стороны Соединённых Штатов Америки или Великобритании, тогда как европейские государства к востоку от этой линии находятся под воздействием руки чужеземцев. Конечно, всем ясно, о каком чужеземце здесь говорил Маршалл. Достаточно ознакомиться, однако, с речью Маршалла в конгрессе от 10 ноября, чтобы убедиться в том, как, в сущности говоря, беззастенчиво правительство Соединённых Штатов Америки собирается обойтись с этим европейским сообществом, опутываемым долларовыми займами, субсидиями и ещё больше — обещаниями займов. Г-н Маршалл пока не всё ещё говорит на этот счёт. Но его заявление о том, что Соединённым Штатам придётся в Европе выполнить важные функции, для чего будет назначен специальный посланник для Европы, как он сказал, в целях координации разных мероприятий, говорит само за себя. Этот посланник для Европы по плану Маршалла должен будет наблюдать за тем, чтобы правительство Соединённых Штатов Америки действительно получило от соответствующих европейских стран гарантию

того, что помощь, которую оно оказывает, будет эффективно использована для скорейшего восстановления Европы. Ещё не раскрывается сущность этих гарантий, еще не говорят о том, в чём же будут заключаться эти гарантии, но в чём бы они ни заключались, гарантии есть гарантии. Известно, что гарантией для Шейлока служил фунт человеческого мяса. Таким образом, не европейские страны, а американский посланник для Европы будет определять, что эффективно и что неэффективно в деле восстановления той или иной европейской страны. До сих пор мы считали, что это суверенное право каждой страны определять, какие мероприятия эффективны для восстановления хозяйства этой страны, а какие неэффективны. Теперь откровенно заявлено нам 10 ноября, что это будет определять американский посланник для Европы. Можно сказать, что от суверенности этих европейских стран остаются рожки да ножки. Вот что, оказывается, означает утверждение Маршалла, что восстановление Европы будет осуществляться без экономического и иного давления со стороны Соединённых Штатов. Вот чем пахнет эта так называемая американская помощь Европе!

Об американской помощи Европе специально говорил на днях и сенатор Ванденберг в своём выступлении 3 ноября в Мичиганском университете. Сенатор Ванденберг указал на то, между прочим, что Соединённые Штаты не должны игнорировать «сознательный риск, на который они должны пойти». Для чего? Для того, чтобы предупредить, как он выразился, «опасность фактического исчезновения черт западной цивилизации, на которых основано наше, т. е. Соединённых Штатов Америки, правление и наш, т. е. Соединённых Штатов Америки, образ жизни». Так в этих словах сенатора Ванденберга раскрывается политический замысел правящих американских кругов, собирающихся оказывать Европе эту якобы бескорыстную так называемую экономическую помощь. Именно поэтому в речи сенатора Ванденберга было уделено так много места и расколу организации Объединённых наций на два лагеря, и самовосхвалению по поводу ленд-лиза, и напоминаниям американцам, что «пока мы обсуждаем вопросы, независимо от того, в каком сердитом тоне происходит обсуждение, мы всё же не стреляем», и праву «вето», которое для блага США должно быть якобы ограничено, так как этого добивается на Ассамблее американская делегация, с точностью следующая директивам сенатора Ванденберга, наконец, безответственным намёкам на тех, кто ожидает экономического краха Соединённых Штатов, с тем якобы, чтобы, как он выразился, покончить со всякой демократией. Всё это раскрывает действительное политическое значение и смысл всего этого плана Маршалла теперь уже гораздо более определённо, чем это было некоторое время тому назад. Поскольку идёт речь о том, что с Востока идут нападки на план Маршалла, замышляют покончить со всякой демократией, можно сказать, что, очевидно, по мнению оратора, американские капиталистические монополии и являются надёжным оплотом демократии. Но в таком случае остаётся только пожалеть демократию.

Но всё это нам уже известно. Мы это уже слышали десятки раз. Но каждый раз мы задаём вопрос: разве такие рассуждения

видных представителей американских правящих кругов, рассуждения с довольно прозрачными намёками на время, когда не спорят, а стреляют,— это и называется в этих кругах призывом к сотрудничеству? Чем же это отличается, позволительно спросить, от угроз и от попыток политической психической атаки?

Всё это нельзя упускать из виду при обсуждении вопроса о принципе единогласия. Мы видим, что делегация Соединённых Штатов Америки заявляет, по существу, что она сейчас не готова поддерживать аргентинское предложение. Она предлагает меньшее: ограничить применение правила единогласия тем, что говорится в Уставе, за исключением VI главы, которая предусматривает мирные способы разрешения в Совете безопасности споров и ситуаций, угрожающих миру и безопасности народов, а также за исключением вопросов, касающихся приёма новых членов. Вот здесь, в этой области, Соединённые Штаты Америки предлагают не применять в Совете безопасности правила единогласия. Но эти мероприятия США не предлагают проводить уже сейчас, в данное время. Г-н Даллес уверял первый комитет,— он повторил это здесь сегодня,— что задача достаточно сложна, чтобы её сразу решить, что поэтому полезно пока заняться изучением этой проблемы. Он уверял, что данная сессия не может сейчас заняться таким изучением, так как это потребует много времени, и поэтому настаивал на передаче этого изучения в межсессионный комитет, правда, оговорив, что, если советская делегация будет возражать, он готов пойти на комитет «ad hoc». Но это, так сказать, компромиссное предложение нельзя не рассматривать как тактический маневр, который преследует цель продемонстрировать якобы уступчивость Соединённых Штатов Америки, которые, видите ли, хотя и готовы даже пойти на учреждение комитета «ad hoc». Но, как показал затем ход событий в первом комитете, США вовсе и не думали уступать, предлагая этот специальный комитет «ad hoc». Дело в том, что они заранее были уверены, что советская делегация не пойдёт ни на какой специальный комитет «ad hoc», ни на вообще какой-нибудь комитет, цель которого, в конце концов, подготовить организацию Объединённых наций к той хирургической операции, о которой мечтает наш хирург — аргентинский делегат Арсе.

Ведь, несомненно, не для того создавался межсессионный комитет, чтобы не использовать его, это очень удобный инструмент большинства, особенно после того, как в этот комитет не вошли СССР и ряд других государств,— не использовать его для таких острых политических целей, как отмена правила единогласия.

Явно стремясь усыпить внимание противников какого бы то ни было пересмотра Устава и тем более отмены принципа единогласия, г-н Даллес в первом комитете — и это он сделал также и сегодня — старался изобразить дело так, что речь идёт не об изменении этого принципа единогласия, а об изменении прав применения этого принципа. Дело, оказывается, в том, если послушать г-на Даллеса, что со времени Сан-Франциско изменился, как он выразился в первом комитете, политический аспект этого вопроса. Кроме того, оказывается, принцип единогласия не достиг своей цели и привёл, как он

сказал, к разногласиям. Поэтому в Устав и, в частности, в статью 27 необходимо внести поправки. Г-н Даллес требовал рассмотреть этот вопрос на более широкой основе, учитывая позицию других государств, но отложив рассмотрение этого вопроса по существу на следующую сессию. Вся его речь на первом комитете, когда я слушал его, мне очень напоминала лстивые речи лисы, расхваливавшей в известной басне ворону, державшую во рту кусочек сыра. Остаётся только подождать, чтобы ворона по своей вороньей наивности каркнула и выпустила сыр из клюва, а хитрая лиса сумеет уже потом справиться с ним, как нужно.

Свой поход против правила единогласия Соединённые Штаты, Великобритания, Австралия и некоторые другие страны изображают, как поход не против принципа единогласия, а против злоупотребления этим принципом. Это — тоже не новый приём, господа. Этот приём рассчитан на то, чтобы обмануть колеблющихся, политически их обмануть и перетащить на свою сторону. Кто же, в самом деле, будет отстаивать всякие злоупотребления, кто же, в самом деле, не согласится на то, что должны быть приняты меры, чтобы не было таких злоупотреблений? Разве таким образом, под таким соусом, под лозунгом борьбы против злоупотреблений не легче добиться того, чтобы сначала было ограничено правило единогласия, а потом, как сказал аргентинский представитель, и вовсе ампутировано. Хирурги для этого налицо.

Вот как мы, советская делегация, рассматриваем всю эту затею, результатом чего явилась резолюция первого комитета, которая является не чем иным, как походом против правила единогласия. Сейчас этот поход идёт, как я показал, или старался, во всяком случае, показать, под знаком борьбы якобы с злоупотреблением этим правом, причём это злоупотребление приписывается, конечно, Советскому Союзу, поскольку Советский Союз в ряде случаев нынужден был воспользоваться этим правом, вынужден был воспользоваться им для того, чтобы предотвратить принятие большинством членов Совета безопасности несправедливых и неправильных решений.

2. НЕ ЗЛУПОТРЕБЛЕНИЕ СВОИМ ПРАВОМ, А ЗАЩИТА ПРАВОГО ДЕЛА

Я хотел бы несколько подробнее разобраться в этом деле, ибо здесь содержатся уже обвинения не только самого принципа единогласия, но и тех, кто является наиболее последовательными и решительными защитниками этого принципа, как мы говорили, являющегося, в свою очередь, защитой прав народов и их интересов, защитой меньшинства против произвола большинства. С этим не мог не согласиться в первом комитете даже аргентинский представитель. В самом деле, что мы имели в тех случаях, когда применялось «вето», — злоупотребление правом «вето» или защиту правого дела при помощи этого правила единогласия? Известно, что за истекшее время Совет безопасности рассмотрел ряд вопросов большого политического значения. Значительную часть этих вопросов Совет безопасности рассматривал по несколько раз, поскольку большинство членов Совета настойчиво добивалось проведения своей линии,

не встречавшей единодушной поддержки всех членов Совета. Такие вопросы, как испанский, как вопрос об инциденте в проливе Корфу, рассматривались Советом по два раза. Вопрос о положении на северных границах Греции рассматривался три раза, вопрос о приёме новых членов в ООН рассматривался даже десять раз. Таким образом, по трём вопросам советская делегация, применяя и используя правило единогласия, применяла «вето», которое механически подсчитали противники этого принципа и объявили, что «вето» применялось советской делегацией 17 раз. Однако все эти 17 раз были повторением первых трёх раз. Ничего нового сюда не прибавлялось. Если таким образом эти вопросы провокационно ставить в Совете безопасности 170 раз, а не 17 раз, то 170 раз пришлось бы применять самое «вето», ибо дело шло об одних и тех же предложениях, с которыми советский представитель не был согласен.

Во всех случаях применения «вето» представитель Союза Советских Социалистических Республик действовал совершенно правильно, так как он не был в состоянии присоединиться к позиции большинства членов Совета безопасности, поскольку эта позиция не оправдывалась ни конкретными, фактическими обстоятельствами данного дела, ни теми морально-политическими соображениями, которые могли бы быть положены в основу решения, предлагавшегося большинством. Я не могу, разумеется, разбирать все эти случаи, но позвольте на некоторых из них остановиться для того, чтобы рассеять эти совершенно неправильные, я бы сказал, клеветнические утверждения о том, что Советский Союз неосновательно применял правило единогласия, пользовался этим правилом единогласия и применял право, принадлежащее ему и вытекающее из этого права, для того, чтобы тормозить работу Совета безопасности. Это — клевета! Советский Союз в Совете безопасности последовательно применял предоставленное ему право в случаях, которые были достаточно серьёзными для того, чтобы это право применить. Я вам назову только несколько примеров.

Испанский вопрос. Известно, что Советский Союз при нескольких голосованиях по этому вопросу высказывался против решений большинства, — решений, которые по существу сводились к тому, чтобы оправдать франкистский режим, потому что решения, которые предлагались в Совете безопасности по испанскому вопросу, были не чем иным, как выражением покровительственного и снисходительного отношения к Франко. Для того чтобы это было яснее, я просто обращаю ваше внимание на то, что происходило на этой Ассамблее, когда некоторые делегаты выступали с открытой защитой Франко, — тот же аргентинский представитель. И вот представьте себе, каково же должно было быть положение советского представителя в Совете безопасности, когда предлагались резолюции, являвшиеся, в сущности говоря, поощрением франкистского режима? Конечно, Советский Союз должен был возражать и раз, и два, и если бы этот вопрос ставился 22 раза, то все 22 раза Советский Союз применял бы своё право, предоставленное ему Уставом. Не для того мы подписывали Устав, не для того мы входили в организацию, чтобы приспосабливаться к обстоятельствам, отбрасывая в сторону

борьбу за принципиальную политическую линию. Мы вошли сюда для того, чтобы отстаивать те принципы, которые выражены в Уставе, но франкистский режим несовместим с этими принципами, но те предложения, которые вносились по испанскому вопросу в Совете безопасности и всякий раз натывались на сопротивление советского представителя,— несовместимы с духом и принципами основ, на которых построен Устав нашей организации и сама наша организация. Естественно, что Советский Союз голосовал против резолюции, и он был прав, и эту его правоту подтвердила прошлогодняя сессия Генеральной Ассамблеи, когда она 13 декабря 1946 г. приняла резолюцию, которая осуждает франкистский режим, чего никогда не осмеливался сделать Совет безопасности, и рекомендует отозвать из франкистской Испании послов и посланников демократических стран. Демократические страны это сделали. Некоторые страны, претендующие на то, что они демократические страны, этого не сделали, наоборот, усилили свои связи с Франко, усилили свои дружественные, сердечные с ним отношения.

Кто же был в этом случае прав?

Советская делегация, которая боролась в Совете безопасности против принятия гнилых, компромиссных, сомнительных и покровительствующих режиму Франко резолюций, Советский Союз и Генеральная Ассамблея, которая 13 декабря приняла серьёзную, политически важную, ответственную резолюцию против режима Франко с категорическими рекомендациями, которые шли в направлении осуждения этого режима, т. е. когда Ассамблея стала на позицию, которую защищал, пользуясь правилом единогласия, так называемым «вето», советский представитель в Совете безопасности.

Возьмём другой случай применения «вето». Это о приёме новых членов. Советский Союз твёрдо отстаивает свою позицию, которая, мне кажется, достаточно ясна. СССР возражает, с одной стороны, против приёма в организацию Объединённых наций таких государств, как Эйре, Португалия, Трансйордания и Австрия, по разным, неодинаковым мотивам, и, с другой стороны, настаивает на том, чтобы одновременно и на равных основаниях были приняты в организацию Объединённых наций пять бывших сателлитов Германии, не одна Италия, которую хотят вырвать из общей суммы всех пятерых, а чтобы все пять были приняты одновременно и на равных основаниях,— и Италия, и Румыния, и Болгария, и Венгрия, и Финляндия. А не так, чтобы вырвать Италию с одного конца, Финляндию — с другого конца,— принять их в организацию Объединённых наций, а остальных трёх не принимать, приписывая им совершенно без всяких оснований такие качества, которых они не имеют, и выдвигая эти надуманные мотивы против возможности принятия этих государств в организацию Объединённых наций. Мы говорим, что такие государства, как Эйре и Португалия, в организацию Объединённых наций нельзя принимать, потому что они не отвечают требованиям статьи 4 Устава. Об этом здесь уже мы говорили подробно, и я не могу, конечно, всё это сейчас повторять. Мы утверждаем, что всё поведение Эйре и Португалии во время второй мировой войны,— вся их внешняя политика была направлена не в интересах Объ-

единённых наций, боровшихся с гитлеровской Германией, а была направлена на пособничество гитлеровской Германии. Разве не факт, что Ирландия,—эти ворота Европы в Атлантический океан,— была правительством де Валера закрыта на замок для того, чтобы не допустить прибытия из Соединённых Штатов Америки снаряжения и войск для помощи Великобритании, для борьбы против гитлеровской Германии, для того, чтобы разгромить этот очаг фашизма в Европе, для того, чтобы освободить Европу от фашистского ига, как это было условлено между руководителями трёх государств ещё в Ялте, в резолюции об освобождении Европы? Разве не факт, что в Дублине в течение всей войны сидели германские разведчики, благодаря покровительственному отношению Эйре к Германии и Италии, и с большим удобством для себя осуществляли отсюда немецкий шпионаж на всех Британских островах. А теперь нам говорят, что Ирландия (Эйре) — это миролюбивая страна и что её нужно принять в состав ООН и выдать, таким образом, ей патент на миролюбие.

В значительной степени аналогичное положение мы видим и в отношении Португалии. Так называемый нейтралитет Португалии, под маской которого Португалия неизменно оказывала во время войны содействие гитлеровской Германии в её борьбе против демократических стран, достаточно характеризует это государство. Известно, что ведь через Португалию шёл вывоз испанских цветных металлов, направлявшихся в страны гитлеровского блока. Португалия в течение почти всей войны не давала возможности союзникам пользоваться портами Азорских островов как базами для воздушных сил и для военного флота, что особенно было важно на известных этапах войны. Лишь когда судьба Германии была уже решена, Португалия согласилась предоставить союзникам возможность пользоваться своими портами. И вот за эти заслуги Португалии перед гитлеровской Германией, за эти заслуги португальского правительства в войне, которую навязали миру гитлеровские разбойники, теперь, очевидно, и предлагают принять Португалию в организацию Объединённых наций и выдать ей патент на миролюбие.

Советская делегация не могла согласиться и не может согласиться с такого рода предложением, ибо это есть грубейшее нарушение и издевательство над принципами Устава, требующими борьбы против фашизма во всех видах. Не может советская делегация сидеть рядом с Португалией, которая поддерживает дружественные отношения с франкистской Испанией, не смывшей ещё со своих рук крови, пролитой испанской «Голубой дивизией» в СССР. Не может советская делегация пойти на такие компромиссы. Вот, г-н Макнейл, где начинается действительная торговля лошадьми — horse trading. Своими принципами советская делегация не поступится, как никогда не поступалась.

Нам теперь говорят: вы злоупотребляете правом «вето». Но, господа, если позиция Советского Союза и наложение «вето» по испанскому вопросу, по вопросу о приёме в нашу организацию и Ирландии, и Португалии — пособников фашистов в мировой войне, врагов не наших врагов, а врагов наших друзей,— если вы это назы-

ваете злоупотреблением правом «вето», то позвольте спросить, что же тогда правильное применение правила «вето»?

Возьмём ещё один пример — инцидент в проливе Корфу. Когда в Совете безопасности было выдвинуто обвинение против Албании в подрыве английских миноносцев в проливе Корфу, советская делегация возражала против такого обвинения. Советская делегация действовала так потому, что этот инцидент в проливе Корфу изображался тенденциозно, вопреки фактам. Английские представители игнорировали действительные факты. Они стремились во что бы то ни стало обвинить Албанию вопреки фактам.

Могли ли мы пойти на соучастие в этом деле?

Нет, не могли. Мы в целом ряде случаев, не будучи согласны с большинством и имея полное формальное юридическое право применить так называемое «вето» в Совете безопасности, не применили его. Здесь отметил г-н Пароди, французский делегат, что советская делегация взяла на себя инициативу толкования воздержания не как «вето», хотя и для этого имеются достаточные юридические основания, чтобы облегчить решение некоторых вопросов. Но это советская делегация допускает по вопросам, которые не затрагивают принципов, составляющих сущность работы нашей организации, и, уничтожив которые, мы уничтожим моральное лицо самой нашей организации. Организация, построенная на практике оппортунистического приспособления одной делегации к другой, на кулуарных всякого рода соглашениях, на кулуарной торговле (что справедливо осуждается), на готовности пожертвовать принципами со стороны одних, если готовы пожертвовать своими принципами другие; организация, опирающаяся на такую политику, — это мёртвая организация. Это не поле битвы за право и правду, а это кладбище, где покоятся под тяжёлыми могильными плитами великие принципы демократии и права. Советская делегация не пойдёт, не станет на такой путь, всегда оставаясь последовательным сторонником тех принципов, которые мы записали в Устав нашей организации.

Перехожу к инциденту в проливе Корфу. Я назову вам несколько фактов, которые отрицать никому не следует потому, что их отрицать нельзя, и вы должны будете тогда сказать, злоупотребление было или нет правом «вето» со стороны советской делегации тогда, когда она при наличии фактов не могла присоединиться к резолюциям, которые обвиняли Албанию в преступлениях, не совершённых ею.

Вот первый факт. Существует так называемая средиземноморская коллегия по тралению мин. В обязанности этой средиземноморской коллегии по тралению мин входит очистка от мин водных пространств Средиземноморского бассейна. Известно, что в числе этих водных пространств имеются территориальные воды Албании. Не естественно ли было предоставить Албании право принять участие в протраливании своих собственных вод для очистки от мин на равных основаниях с другими суверенными государствами? А между тем, что получилось? Средиземноморская коллегия по тралению мин отказала Албании в её праве участвовать и в комиссии, и в тралении этих самых мин. И больше того, средиземномор-

ская коллегия возложила обязанность тралить от мин территориальные воды Албании на кого? На Грецию. Это всё равно, как если бы поручили, скажем, кошке заботиться о здоровье и благополучии мышки. Вы знаете отношения, которые существуют между Грецией и Албанией. И в этих условиях говорят: Греция будет очищать албанские воды от мин, но не Албания. Почему? Потому, видите ли, что у Албании нет минных тральщиков. Но позвольте уже самой Албании организовать свою работу так, как она сочтёт это нужным. Занять ли у кого-нибудь эти тральщики, купить ли у кого-нибудь эти тральщики.

Но как же можно Албанию лишить права в своих собственных территориальных водах тралить эти воды от мин?

А между тем так именно и было. Албанский представитель и советский представитель в этой средиземноморской коллегии несколько раз требовали допустить Албанию к протраливанию своих собственных вод от мин наравне с другими государствами, участвующими по этому соглашению в средиземноморской комиссии по тралению мин. Это систематически отклонялось благодаря настояниям Великобритании и Греции.

Второй факт. В албанских водах, как у себя дома, хозяйничают разные иностранные суда. Так, например, 15 марта 1947 г. от берегов Италии прибыло к берегам Албании судно без всякого разрешения и даже предупреждения албанского правительства. Таким образом, суверенитет албанских территориальных вод постоянно и систематически нарушался английскими и греческими судами, о чём также существуют документы. Не очевидно ли, что при таких обстоятельствах албанское правительство никак не может нести ответственности за то, что делается в его территориальных водах и, в частности, в проливе Корфу. Следовательно, Албания не могла нести ответственность ни за какие инциденты, какие могли бы здесь быть, следовательно, и за инцидент, который был 22 октября с двумя английскими миноносцами.

Третий факт. Мы имеем экспертизу французского эксперта, которая полна всякими противоречиями, на что уже указывал в своё время мой коллега Громыко в Совете безопасности. Я называю этот факт к сведению тех, кто захотел бы познакомиться с этим делом.

Четвёртый факт. Заявление колумбийского представителя г-на Сулета, что нет фактов, на основании которых можно было бы сделать, не допуская сомнений, выводы, что именно Албания поставила мины или знала, что мины поставлены, в чём её обвиняют. Между тем это обвинение до сих пор служит основным препятствием для приёма Албании в ООН.

Наконец, пятый факт, и ещё более важный, относится к вопросу о фарватерах в проливе Корфу. Известно, что английские власти без предварительной консультации с Албанией неоднократно переносили фарватер протраленных вод с одного места на другое, углубляясь в албанские территориальные воды и грубо, таким образом, нарушая суверенитет Албании. Я не могу не отметить такой значительный факт, как то, что фарватер, в котором подорвались два английских миноносца 22 октября 1946 г., не совпадает с тем фарватером, ко-

торый был протрален и о котором упоминает английская нота от 9 декабря 1946 г. Этот факт указывает, что английские корабли забрались не туда, где было безопасно плавать, что они забрались в албанские воды, которые не были показаны как протраленные, и, следовательно, сами взяли на себя риск плаванья в этих водах.

Да разве такие случаи, кроме того,— и это шестое соображение,— разве такие случаи подрыва судов в водах, которые были объявлены протраленными и свободными от мин,— разве не было таких аналогичных случаев подрыва на минах, разве это был только единственный случай? Я напомним, что 26 июля 1946 г. на протраленном англичанами фарватере в районе Дьеппа подорвалось французское судно «Компъен». Я напомним, как 26 августа 1945 г. на протраленном фарватере в районе острова Вальхерен, за траление которого несла ответственность Бельгия, подорвалось на мине голландское судно «Христиан Хисченс». Я напомним, что за время с 8 мая 1945 г. по 31 августа 1946 г. в европейских водах на минах подорвалось не больше, не меньше, как 196 кораблей разных национальностей, причём на фарватерах, которые были объявлены официально протраленными от мин, т. е. безопасными для плаванья, подорвалось не больше, не меньше, как 30 судов.

Но ведь ни в одном случае никому не пришло в голову обвинять бельгийское правительство или обвинять английское правительство, когда дело касалось голландского судна, или французского судна, или каких-либо других, в том, что они совершили преступление против человечности, как было сформулировано в Совете безопасности обвинение против Албании. Вы только обратите внимание на эти факты, и вам станет совершенно ясно, что вся эта история с ответственностью Албании за якобы совершённые ею преступления против человечности является искусственной, что это обвинение продиктовано нездоровыми политическими тенденциями. Естественно, что советская делегация, Советский Союз не могли голосовать за такое предложение.

Я мог бы привести целый ряд фактов, которые проходили через Совет безопасности, где советская делегация, пользуясь правом, возражала против несправедливых, незаконных, необоснованных, фиктивных, искусственных, ложных обвинений, выступая в защиту малых демократических стран, потому что они не могли защищаться так, как может защитить их великая держава, применяя право «вето».

Но я ограничусь только сказанным. Мы обязаны, по крайней мере, представить убедительные аргументы, если не выиграть в голосовании, ибо, как сказал уже здесь югославский представитель: у меньшинства — аргументы, у большинства — голоса. Но как же можно при таком положении вещей говорить о злоупотреблении правом, выраженным в 27 статье? Разве не делает грубой ошибки, например, премьер-министр Великобритании г-н Эттли, который недавно в палате общин заявил, что «вето» использовалось в Совете безопасности в ущерб Совету безопасности, что оно использовалось, видите, по «пустяковым делам», по «пустяковым вопросам», что в результате это сводит к нулю уважение, как сказал г-н Эттли, достоинство и полномочия Совета безопасности! Разве это не является

грубой ошибкой, свидетельствующей о совершенно неправильном представлении о фактическом положении вещей? Я должен указать на определённые политические тенденции в американских и английских руководящих кругах по отношению к так называемому праву «вето», — тенденции, которые заключаются в том, чтобы опорочить это право «вето».

Оказывается, если послушать этих руководителей, советские представители в Совете безопасности применяют «вето» по «пустяковым» делам. Оказывается, что поощрение фашистского режима Франко — это пустяковое дело; что принятие в ООН фашистских пособников Эйре и Португалии — пустяковое дело; обвинение Югославии, Болгарии и Албании в агрессивных намерениях, от чего вынуждены были отказаться теперь, по крайней мере, в открытой форме даже авторы этих обвинений, — это пустяковое дело; обвинение Албании в преступлении против человечности — это пустяковое дело.

Ну, знаете, если всё это пустяковые дела, то при такой тенденции теряется способность различать дела пустяковые и дела серьёзные. С такой позицией нельзя согласиться, так как она опирается на ложные основания, что не может не привести, разумеется, и к ложным выводам. Вот так обстоит дело с обвинениями в злоупотреблении так называемым правом «вето». Никаких злоупотреблений нет! Если говорить о злоупотреблении, то надо говорить о злоупотреблении своим правом со стороны большинства, атакующего меньшинство. Именно большинство злоупотребляет своим положением, стараясь опорочить позиции меньшинства, заклеймить позиции тех, кто якобы злоупотребляет правами, предоставленными Уставом.

Всё, что я сказал, — я убеждён в этом, — всякому беспристрастному человеку достаточно убедительно покажет, что действительно собой представляет право «вето» как подлинное орудие в защите прав меньшинства и прав любого государства в правовом деле, как несправедливы обвинения в злоупотреблении этим правом и как в действительности это обвинение приводится только для того, чтобы открыть лазейку для ликвидации этого права, неудобного для сколоченного большинства, занимающего на Ассамблее господствующее положение. Да разве вчерашнее голосование по южно-африканскому вопросу не говорит, какие тенденции здесь преобладают, когда в Ассамблее не нашлось достаточно голосов для осуждения южно-африканской дискриминационной политики против индийцев.

Вы хотите, чтобы мы были с этим согласны?

Не будет этого и не может быть, потому что здесь нарушены основные принципы организации Объединённых наций.

3. ПРИНЦИП ЕДИНОГЛАСИЯ — ОСНОВА МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Организация Объединённых наций призвана поддерживать международный мир и безопасность, принимать эффективные меры в этих целях, развивать дружественные отношения между нациями на основе принципа равноправия и самоопределения народов, осуществлять международное сотрудничество на основе принципа равнопра-

вия и самоопределения народов, быть центром для согласованных действий наций, для достижения общих целей.

Для достижения этих целей Устав указывает надлежащий путь и надлежащие средства. Он говорит об уважении принципа суверенного равенства всех членов организации; говорит об обязанности добросовестно выполнять принятые на себя по Уставу обязательства.

В этой связи мы должны подчеркнуть особо обязательства, возложенные на Совет безопасности, который, по выражению статьи 24 Устава, несёт главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности, действуя при этом не только как Совет безопасности — 11 членов, — но действуя, как говорится в этой статье, от имени всех членов организации. Это — высокая ответственность и большая ответственность. Сознание всей важности такой ответственности и вызвало необходимость установить такую процедуру решения вопросов в Совете безопасности, которая в максимальной степени обеспечивала бы правильное функционирование механизма Совета безопасности. Именно это и вызвало необходимость возложить на Совет безопасности чрезвычайные полномочия, и эти чрезвычайные полномочия, возложенные на Совет безопасности, потребовали, чтобы постоянные члены Совета безопасности, которых покойный президент Рузвельт в своё время назвал «главными хранителями мира», — чтобы они взяли на себя, — он же говорил, — «моральное руководство и чтобы они действовали во всех решениях Совета согласованно, не подвергая опасности свои жизненные интересы».

Так писал покойный президент США Рузвельт маршалу Сталину в послании от 14 декабря 1944 г. Он указывал, что постоянные члены Совета безопасности должны действовать, никоим образом не нарушая основного принципа единогласия во всех решениях Совета, затрагивающих их интересы, и что великим державам должна быть предоставлена специальная роль в деле сохранения мира при помощи силы. Эта же позиция, как известно, была подтверждена и в американском заявлении в Ялте 7 февраля 1945 г. и спустя четыре месяца после этого на конференции в Сан-Франциско, в заявлении от 7 июня четырёх приглашающих правительств, о котором г-н Даллес сказал в первом комитете, что это заявление не является соглашением и ещё менее является соглашением, связывающим на продолжительное время. Позиция Даллеса, конечно, не есть его личная позиция. Это позиция американской делегации, которая тоже выражает собою не свою позицию, а позицию американского правительства. Эта позиция, с нашей точки зрения, абсолютно неправильная, ибо как обязательство, взятое на себя в своё время президентом Рузвельтом от имени Соединённых Штатов Америки, так и те заявления, которые были официально сделаны на промежутке всего этого времени от 1944 г. по 1945 г. представителями Соединённых Штатов Америки, это не выражение личных мнений, а это — подтверждение обязательств, которые были взяты на себя Соединёнными Штатами Америки. Отказываясь теперь от этих обязательств, хотя нам преподнести «вето» как отсутствие обязательств, когда выступает Даллес со своим рискованным лозунгом: «Не будет возврата к Ялте,

Потсдаму и Тегерану». О чём это говорит, как не о желании ликвидировать эти обязательства, принятые в своё время на себя, которые теперь уже неудобны, которые не соответствуют теперь новому курсу, потому что, конечно, при жёстком курсе не могло бы быть таких обязательств, которые взяло на себя правительство Соединённых Штатов Америки, искавшее дружбы и сотрудничества с Советским Союзом и с другими демократическими странами. Наоборот, отказ от таких обязательств вполне естественен, когда ищут повода отказаться от сотрудничества, подорвать самую основу сотрудничества.

Какие основания были у представителя американской делегации говорить, что это заявление не является связывающим?

Никаких.

С таким заявлением Даллеса нельзя согласиться, так как заявлением 7 июня 1945 г. четыре приглашающие державы, по существу, подтвердили принятые на себя в Ялте обязательства действовать на основе правила единогласия и выразили при этом уверенность, что это правило отвечает реальным интересам договаривающихся сторон и реальным интересам всей ООН. Поэтому соглашение 7 июня, которое так третируется сейчас представителем Соединённых Штатов Америки, нельзя рассматривать как никого ни к чему не обязывающий документ. Наоборот, это очень важный документ, который проливает, притом полный, свет на то значение, которое учредители ООН придавали принципу единогласия, как основному принципу, на котором должна стоять организация Объединённых наций.

Я позволю себе напомнить некоторые места из этого заявления. Они, может быть, лучше моих слов, — я не сомневаюсь, что лучше, разумеется, чем мои слова, — покажут, насколько неосновательно было говорить о том, что этот документ ничем никого не связывает, по крайней мере, на продолжительное время. Обратите внимание на четвёртый пункт этого заявления, где говорится: «Решения и действия Совета безопасности могут иметь крупные политические последствия и могут даже положить начало цепи событий, которые могут в конце концов потребовать, чтобы Совет безопасности, выполняя свои обязанности, предпринял меры принуждения, предусмотренные в разделе «в» главы VIII». Это соответствует нынешней главе VII. И дальше: «Эта цепь событий начинается тогда, когда Совет решает произвести расследование или определяет, что пришло время обратиться к государствам с призывом разрешить их разногласия или сделать сторонам рекомендации».

В пункте пятом заявления говорится: «Решение сделать рекомендации, даже когда все стороны просят об этом, или призвать стороны, участвующие в споре, выполнить обязательства, предусмотренные в настоящем Уставе, может быть первым шагом в направлении действия, от которого Совет безопасности сможет уклониться только с риском не выполнить лежащие на нём обязанности».

В пункте седьмом говорится, что ялтинская формула голосования, т. е. правило единогласия, не предоставляет постоянным членам никакого нового права, а именно права вето, которым постоянные члены совета Лиги наций всегда обладали. В этом пункте подчёрки-

вается, что предложенная формула о принятии в Совете безопасности решений большинством 7 членов делает деятельность Совета менее подверженной обструкции, чем это было в Лиге наций, правила которой предусматривали полное единогласие.

Вы видите эти пункты — 4, 5 и 7. Вы видите, на какую громадную принципиальную высоту они в этом заявлении подняли вопрос о правиле единогласия. Вы видите, что они сформулированы с исключительной тщательностью и точностью, определяя к тому же не только ближайшие цели, ближайшие последствия того или другого шага, который предпринимает Совет безопасности, но и отдалённые звенья той цепи событий, которые неизбежно могут развернуться впоследствии в связи с принятием Советом безопасности того или иного решения.

В заявлении 7 июня 1945 г. далее говорится, что даже решения о том, чтобы назначить расследование какого-нибудь факта,— о чём, между прочим, у нас в обсуждении вопроса о межсессионном комитете говорили так, как будто это ничего не значащая функция или, во всяком случае, значащая очень мало, функция, которая принадлежит, дескать, каждому вспомогательному органу, что, конечно, абсолютно неправильно,— что, даже принимая решение произвести какое-то расследование, Совет безопасности должен учитывать все те последствия, которые могут проявиться в дальнейшем, к чему Совет безопасности должен быть готов, чтобы его первое решение не превратилось в... бумажку, как очень часто мы это наблюдаем с рекомендациями Генеральной Ассамблеи.

Как можно видеть, четыре приглашающие державы исходили, устанавливая правило единогласия, из чрезвычайной ответственности за дело поддержания мира и безопасности, которое лежит на великих державах, располагающих для осуществления указанной цели необходимыми материальными средствами, организационными возможностями и военными силами. В этом заявлении приглашающие державы исходили из трезвого учёта реальной обстановки. Это отчётливо сказалось особенно в следующем пункте 9, в котором указывается, что ввиду основной ответственности постоянных членов от них нельзя ожидать, при настоящих условиях, существующих в мире, чтобы они приняли на себя обязательства действовать в таких серьёзных делах, как поддержание международного мира и безопасности, в соответствии с решениями, с которыми они не согласны. «Поэтому,— говорится в этом пункте,— для того, чтобы принятие решений Советом безопасности по большинству голосов было возможным, единственным практичным методом будет предусмотреть в отношении процедурных решений единогласие постоянных членов плюс совпадающие голоса, по крайней мере, двух непостоянных членов».

Отсюда был сделан, естественно, и правильный вывод. В заявлении говорилось: «По всем этим причинам четыре приглашающих правительства согласны с ялтинской формулой и представляют её этой конференции как необходимую для того, чтобы была создана международная организация, через которую все миролюбивые нации могут эффективно нести их общую ответственность за поддержание международного мира и безопасности».

Теперь это соглашение четырёх держав представитель США пытается дезавуировать. Мы не можем это объяснить ничем иным, как попыткой расчистить дорогу к отказу от выполнения обязательств в отношении правила единогласия, которое принято было на себя в своё время правительством Соединённых Штатов Америки. Вполне понятно, что когда в том же 1945 г. в комитете по иностранным делам сената Соединённых Штатов Америки был задан государственному секретарю США Стеттиниусу вопрос, что произойдёт, если один из пяти постоянных членов использует правило единогласия, чтобы остановить принудительные действия против себя самого,— тогдашний государственный секретарь США ответил:

«Если одна из этих наций когда-либо пойдёт по пути агрессии, результатом будет ещё большая война, безразлично, каковы будут постановления о членстве и голосовании в Совете безопасности. Устав не предоставляет великим нациям каких-либо прав, которыми они не обладают уже в действительности, и без Устава власть этих наций поддерживать или нарушать мир уже существует. Устав делает лишь то, что налагает особую, связывающую обязанность на великие нации,— обязанность использовать власть, которая в их руках, вместе и в согласии для мира, а не порознь для войны».

Стеттиниус в своём докладе выразил мнение всей делегации США, что требование единогласия пяти постоянных членов с гарантиями, которые были предусмотрены, не только существенно для успеха ООН в ближайшие годы, но что это требование признаёт и подтверждает полномочие, которое, по мнению большинства американцев, США должны иметь ввиду большой ответственности, которую они неизбежно должны принять на себя для поддержания мира. Правило единогласия, говорил в то время тогдашний государственный секретарь, есть выражение этой специальной обязанности и соответствующей ответственности.

Поскольку сейчас всё более и более настойчиво раздаются голоса против суверенности государств, против суверенного равенства народов, о чём категорически говорится в Уставе, нелишне напомнить, что в докладе тогдашнего государственного секретаря Соединённых Штатов Америки был дан отпор такого рода тенденциям, хотя и менее категоричным и определённым, чем это имеет место на нынешней Ассамблее. В этом американском документе можно прочесть следующее:

«Генеральная Ассамблея — не законодательный орган. Это международное собрание представителей суверенных наций. Поэтому голосование по важному вопросу едва ли будет иметь место до исчерпания всех средств соглашения, обычных при переговорах между нациями с целью достичь общей точки зрения». Здесь нужно, конечно, отметить отличие этого правила, этого принципа от той практики, которая у нас ведётся уже второй год. Мы видим, как эта практика и этот принцип расходятся между собой на деле.

«Большая часть критики правил о голосовании в Уставе,— говорилось в этом же документе,— возникает потому, что забывают, что Объединённые нации не федерация, не мировое государство и что процедура голосования суверенных членов — наций не может по

необходимости рассматриваться на той же базе, как процедура голосования в парламентах штатов или в конгрессе». Сейчас эта позиция меняется. Сейчас американские представители на деле принимают все меры к тому, чтобы дезавуировать принятые на себя Соединёнными Штатами два-три года назад обязательства в отношении принципа единогласия, хотя и стараются прикрыть это рассуждениями о том, что дело идёт вовсе не об устранении этого принципа, а только об устранении каких-то несуществующих злоупотреблений при применении этого принципа.

4. ПРАВО ВЕТО — НЕ ПРИВИЛЕГИЯ, А ОБЯЗАННОСТЬ

Некоторые выступавшие в первом комитете по этому вопросу заявляли, что право «вето» является привилегией великих держав, нарушением принципа суверенного равенства всех членов Объединённых наций. Они глубоко заблуждаются. Привилегия, о которой они говорят, в действительности является не привилегией, а той особой ответственностью, которую по Уставу организации Объединённых наций члены организации возложили на Совет безопасности, по преимуществу, в лице его постоянных членов.

Минувшая вторая мировая война показала, что стоит великим державам эта так называемая «привилегия». Это — не привилегия, а это положение исключительной ответственности, о котором совершенно правильно говорило американское правительство в 1945 г. и от чего представители американского правительства отказываются в 1947 г.

Поддерживающие предложение Соединённых Штатов Америки некоторые делегации живут, очевидно, воспоминаниями о Лиге наций, о том квазидемократизме, который выражался в поголовном равенстве голосов каждого из членов Лиги наций, независимо от того, каков удельный вес этих государств и действительно ли они равны друг другу, действительно ли каждое из них равно другому с точки зрения тех реальных возможностей, которыми располагает данное государство в поддержании мира и безопасности, в борьбе против агрессии. Это нужно иметь в виду. Нельзя смешивать равенство государств с равенством людей. Поэтому говорить о каких-то привилегиях, которые якобы присвоили себе пять великих держав, якобы нарушив, таким образом, принцип суверенного равенства народов и другие демократические принципы, — можно только из явных демагогических побуждений, не отдавая себе отчёта в том, что в действительности является демократией и что является отрицанием демократии.

Лига наций весьма кичилась своим демократизмом. Но в действительности это был лжедемократизм, который в эфемерном, абстрактном равенстве утопил всякую реальную возможность бороться за мир и безопасность народов, а это-то и является прямым отрицанием целей и предпосылок демократии. Ведь не случайно поэтому борьба против принципа единогласия переплетается с борьбой против демократии. Не случайно, что дело складывается, — это мы видим

и на настоящей Ассамблее,— так, что противниками этого принципа единогласия выступают, как правило, те государства, которые проводят политику «сердечных отношений» с режимом Франко, в котором нельзя найти даже отдалённого сходства с демократическим государством. Не случайно, что именно те, кто поддерживает Франко, здесь выступают главными противниками правила единогласия. Это не случайно потому, что правило единогласия есть один из устоев демократии и демократизма в работе организации Объединённых наций. Но в данном вопросе, господа делегаты, господин председатель, есть ещё одна сторона дела, на которую я считаю необходимым обратить внимание, ибо эта сторона немаловажная.

Советский Союз является наиболее последовательным проводником демократических идей, наиболее последовательным борцом против всяких попыток подменить международное сотрудничество на здоровых демократических основах политикой диктата и давления при помощи всяких экономических, финансовых и т. п. рычагов. Советский Союз является представителем того направления во внешней политике, которое стремится к укреплению международного сотрудничества, к укреплению мира и безопасности народов. Однако это расходится с интересами некоторых других государств и раньше всего Соединённых Штатов Америки, внешняя политика которых преследует цели экспансии и мирового господства, что находится в противоречии с принципами и целями организации Объединённых наций, ставшей ареной столкновения этих двух противоречивых направлений во внешнеполитических отношениях. Стремление к осуществлению этих целей и вызывает в недрах организации Объединённых наций борьбу против самих принципов этой организации, против её Устава, а, следовательно, и против того сотрудничества, которое не может осуществляться иначе, как на основе Устава и при наличии полного и безусловного уважения к принципам, выраженным в Уставе.

Делегация США доказала всей своей деятельностью на этой Ассамблее, что она пренебрегает этими принципами и самим Уставом. Она доказала это тем, что явилась инициатором и застрельщиком на этой сессии многочисленных нарушений Устава путём таких предложений, как учреждение межсессионного комитета, призванного сыграть роль одного из главных органов организации Объединённых наций, но замаскированного под вспомогательный орган; принятие решения о назначении комиссии по греческому вопросу, явно нарушающего принцип суверенного равенства народов, провозглашённый Уставом; нарушение статьи 23 Устава и принципа избрания в Совет безопасности непостоянных членов, связанное с ожесточённым сопротивлением со стороны англо-американского блока во главе с США избранию в Совет безопасности представителя Украинской Советской Социалистической Республики; рекомендация по корейскому вопросу, противоречащая договорённости великих держав по поводу Кореи; включение в повестку вопроса о вето и передача этого вопроса на рассмотрение межсессионного комитета; произвольная рекомендация с обращением к Международному суду по поводу толкования четвёртой статьи Устава, явно противоречащая Уставу; произвольная

и политически тенденциозная рекомендация Совету безопасности по поводу принятия в организацию Объединённых наций таких государств, как Эйре, Португалия, Трансйордания, Австрия и другие.

Вот далеко неполный перечень тех актов Ассамблеи, предпринимаемых на этой сессии по инициативе делегации Соединённых Штатов Америки и под прямым их давлением. Эти акты изобличают действительных виновников подрыва международного сотрудничества, подрыва организации Объединённых наций. Между тем представители США, как, например, сенатор Остин, обвиняют СССР в подрыве Устава организации Объединённых наций, заявляя, что отказ Советского Союза участвовать в комиссиях, созданных с нарушением Устава, подрывает основные устои и всё здание Устава Объединённых наций.

Вот уже поистине валят с больной головы на здоровую.

В действительности, основные устои организации Объединённых наций подрывает не отказ от участия в незаконно созданных органах организации, а создание этих незаконных органов. Устои организации подрывает в неменьшей мере методически ведущаяся кампания против таких принципов организации, как правило единогласия. Мы должны помнить, что 18 ноября Даллес в первом комитете заявил, говоря о принципе единогласия, что гармония пяти великих держав была результатом объединения великих держав в борьбе против общего врага, но теперь не существует общего врага, и эта гармония в значительной степени перестала существовать. Он заявил, что предпосылки принципа единогласия, утверждённого в качестве основного принципа организации несколько лет тому назад, оказались неправильными.

Что может означать такое заявление, как не призыв к коренной ревизии Устава, как не удар по его основным устоям?

Соединённые Штаты находят поддержку со стороны некоторых делегаций и в первую очередь Великобритании, Китая, Франции. Выступления Шоукросса, Веллингтона Ку, Пароди в первом комитете не оставляют сомнения в том, что они идут по той же дороге. Нас не могут обмануть всякие звонкие фразы в пользу принципа единогласия при одновременном осуждении практики применения этого принципа, при одновременных попытках на деле сломать правило единогласия.

Г-н Шоукросс говорит, что только путём полного единогласия можно было бы обеспечить согласованность между великими державами, но в то же время он поселяет сомнение в возможности обеспечить такую согласованность. Он говорит, что нужно улучшить международные отношения и что Великобритания не хочет уничтожить правило единогласия, и вместе с тем он предлагает заключить джентльменское соглашение между постоянными членами о более правильном, умеренном, как он говорит, применении вето.

Но как можно говорить о каком-то джентльменском соглашении между постоянными членами Совета безопасности, если, по словам Шоукросса, международные отношения мешают достижению такого соглашения. Шоукросс считает, что великие державы могли бы договориться между собой по целому ряду пунктов в отношении приме-

ния правила единогласия и что в выработке такого соглашения должна заключаться якобы задача межсессионного комитета.

Но остаётся вопрос: как может с такой задачей справиться межсессионный комитет, когда в нём не принимают участия и не примут участия ни Советский Союз, ни другие пять государств, которые не согласны с учреждением такого комитета?

Другой вопрос: как можно рассчитывать на выработку такого соглашения по поводу принципа единогласия в межсессионном комитете, если, как утверждает г-н Шоукросс, дело заключается не в правиле единогласия, а в международных отношениях?

Не ясно ли, что все эти lamentации британского представителя представляют собой пустые разговоры. За деревьями всяких прекрасноречивых слов о согласованности, о джентльменских соглашениях и прочем хотят скрыть лес мрачных намерений, направленных на ликвидацию правила единогласия, или, как сказал г-н Маршалл, на либерализацию процедуры голосования, что одно и то же. Мы знаем, что словами о либерализме нередко прикрываются реакционные идеи и реакционные дела.

Британская делегация, как и большинство других делегаций, идёт по стопам США, которые явно тяготеют к наличию правила единогласия в Уставе ООН, которые считают, что изменился политический аспект с того времени, когда этот принцип был утверждён, что исчезает или исчезла уже гармония пяти держав и что, следовательно, является уже архаизмом этот устаревший и немодный теперь принцип единогласия.

Передачу вопроса о принципе единогласия или о вето в межсессионный комитет нельзя, поэтому, рассматривать иначе, как этап на пути к отмене и ликвидации принципа единогласия, что поставили своей целью США.

Сейчас нам предлагают отказаться от этого принципа в отношении главы VI, т. е. во всех тех вопросах, которые связаны с мирным урегулированием споров и ситуаций. По замыслу американской делегации, это правило не должно применяться, например, в случаях, указанных в статье 34, т. е. когда речь идёт о расследовании споров и ситуаций, которые могут привести к международным трениям или продолжение которых может угрожать поддержанию международного мира и безопасности.

Американское правительство предлагает при принятии решения о расследовании споров и ситуаций, указанных в статье 34,— а мы видели, что это очень важное решение, связанное с решением очень важных вопросов,— не применять правило единогласия. Иначе говоря, нынешнее американское предложение бьёт прямо по принципу, провозглашённому в Сан-Франциско и вошедшему в Устав, как одно из средств, как одна из гарантий, призванных обеспечить единство великих держав. Ясно, что с таким предложением не может согласиться ни одна делегация, ни одно государство, уважающее себя и сознающее свою ответственность за выполнение обязательств, принятых на себя при подписании и ратификации Устава.

5. ВЫВОДЫ

Я кончаю. Позвольте сделать выводы. Принятая 19 ноября первым комитетом резолюция является прямым покушением на правило единогласия, являющееся, в свою очередь, одним из важнейших и основных принципов ООН, одним из могучих и реальных средств, обеспечивающих единство великих держав, основой сотрудничества миролюбивых народов. Эта резолюция завершает собой определённый этап похода против принципа единогласия,— похода, ведущегося под руководством правительства Соединённых Штатов Америки, на котором и должна лежать вся полнота ответственности за последствия, которые неизбежно повлечёт за собой принятие и реализация этой резолюции. Ведь не случайно, что в документе, воспроизводящем эту резолюцию, стоящем четвёртым пунктом нашей повестки дня, воспроизводится аргентинское предложение, которое говорит о созыве конференции для упразднения права «вето». Не случайно межсессионному комитету, этому незаконному детищу произвольного обращения с Уставом, со стороны большинства первого комитета Генеральной Ассамблеи поручается рассмотреть вопрос о порядке голосования в Совете безопасности, учитывая все предложения, которые могут быть представлены Генеральной Ассамблее на её второй сессии или межсессионному комитету. Это значит, что межсессионный комитет должен будет учесть, если вы примете эту резолюцию, также и предложение Аргентины, которое требует созыва конференции для упразднения права «вето». Но если вы примете эту резолюцию, то вы этим подтвердите то, что вы действительно хотите поддержать предложение Аргентины, направленное на ампутацию принципа единогласия. Вы не только передаёте этот вопрос в межсессионный комитет. Вы даёте ему вместе с тем директиву учесть предложение Аргентины, которое прямо и откровенно говорит: уничтожить право «вето», отменить принцип единогласия.

Советская делегация считает глубоко ошибочными рекомендации, принятые первым комитетом по этому вопросу. Советская делегация голосовала против этих предложений в первом комитете. Она будет голосовать против этих предложений и этой резолюции и здесь, на Генеральной Ассамблее.

Теперь всё ясно. Теперь ясны все позиции борющихся в этом вопросе политических направлений. Ясны противоборствующие друг другу политические стремления, отголоском которых в организации Объединённых наций является борьба за международное сотрудничество или за мировое господство, за ООН или против ООН. Так поставлен сейчас вопрос. Будущее покажет, кто победит в этой борьбе. Что касается нас, советских людей, то мы приложим все усилия к тому, чтобы обеспечить победу принципов мира и демократии над тёмными силами реакции, ненавистной миллионам и миллионам простых людей во всём мире.

«Известия» № 278 (9500), 279 (9501), 281 (9503) и 282 (9504) от 26, 27, 29 и 30 ноября 1947 г.; см. также «Делегации СССР, УССР и БССР на второй сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций», Госполитиздат, 1948, стр. 242—276.

ПАЛЕСТИНСКИЙ ВОПРОС

РЕЧЬ А. А. ГРОМЫКО НА ПЛЕНАРНОМ ЗАСЕДАНИИ ГЕНЕРАЛЬНОЙ АССАМБЛЕИ

(26 ноября)

Советский Союз, как известно, не имеет в Палестине каких-либо прямых материальных или иных интересов. Он заинтересован в вопросе о Палестине как член организации Объединённых наций и как великая держава, которая наряду с другими великими державами несёт особую ответственность за поддержание международного мира. Этим определяется та позиция, которую заняло правительство Советского Союза в вопросе о Палестине.

Позиция Советского Союза была уже высказана достаточно полно на специальной сессии Генеральной Ассамблеи в начале 1947 г., а также в ходе дискуссии на настоящей сессии Ассамблеи.

Советское правительство при обсуждении вопроса о будущем Палестины на специальной сессии Генеральной Ассамблеи указало на два наиболее приемлемых варианта решения этого вопроса. Первый вариант: создание единого демократического арабско-еврейского государства с равными правами для арабов и евреев. Если этот вариант окажется нереальным в случае, если арабы и евреи заявят, что они не смогут жить вместе ввиду испортившихся отношений между ними, то Советское правительство через свою делегацию на Ассамблее указало и на второй вариант: раздел Палестины на два самостоятельных независимых демократических государства — на арабское и еврейское.

Специальная сессия Ассамблеи, как вы знаете, создала комитет, который тщательно изучил вопрос о Палестине с точки зрения нахождения наиболее приемлемого решения этого вопроса. После окончания работы этого комитета мы с удовлетворением констатировали, что предложение этого комитета, точнее — большинства комитета, совпадает с одним из двух вариантов, названных делегацией Советского Союза на специальной сессии. Я имею в виду вариант раздела Палестины на два самостоятельных демократических государства — арабское и еврейское.

Делегация Советского Союза поэтому не могла не поддержать этого варианта, рекомендованного специальным комитетом. Теперь известно, что не только специальный комитет, рассматривавший вопрос о будущем Палестины, принял вариант раздела, но что с этим предложением согласилось подавляющее большинство других делегаций, представленных на Генеральной Ассамблее. Подавляющее большинство стран — членов Объединённых наций пришло к тому же выводу, к которому пришло Советское правительство в результате всестороннего рассмотрения вопроса о том, как должен быть решён вопрос о будущем Палестины.

Возникает вопрос, почему подавляющее большинство делегаций, представленных на Генеральной Ассамблее, остановилось на этом

варианте, а не на каком-либо другом. Объяснить это можно только тем, что всякие другие варианты решения вопроса о Палестине оказались нереальными и непрактичными. При этом я имею в виду также и вариант создания единого независимого арабско-еврейского государства с равными правами для арабов и евреев. Опыт изучения вопроса о Палестине, включая опыт работы специального комитета, показал, что евреи и арабы в Палестине не хотят или не могут жить вместе. Отсюда следовал логический вывод: если эти два народа, населяющие Палестину, оба имеющие глубокие исторические корни в этой стране, не могут жить вместе в пределах единого государства, то ничего иного не остаётся, как образовать вместо одного два государства — арабское и еврейское. Никакого иного практически осуществимого варианта, по мнению советской делегации, нельзя было придумать.

Противники раздела Палестины на два самостоятельных независимых демократических государства указывают обычно на то, что это решение направлено будто бы против арабов, против арабского населения Палестины и против арабских государств вообще. На это особенно указывают делегации арабских стран по понятным мотивам. Советская делегация не может разделять такую точку зрения. Предложение о разделе Палестины на два самостоятельных независимых государства, равно как и решение комитета, одобрявшего это предложение, являющееся предметом нашего обсуждения, не направлено против арабов. Это решение не направлено ни против одной из двух основных народностей, населяющих Палестину. Напротив, по мнению советской делегации, это решение соответствует коренным национальным интересам обоих народов, интересам как еврейского, так и арабского народа.

Представители арабских государств указывают на то, будто бы раздел Палестины является исторической несправедливостью. Но с этой точкой зрения нельзя согласиться хотя бы уже потому, что еврейский народ связан был с Палестиной на протяжении длительного исторического периода времени. Кроме того, мы не можем упускать из виду, — и советская делегация уже указывала на это обстоятельство ещё на специальной сессии Генеральной Ассамблеи, — мы не можем упускать из виду положения, в котором очутился еврейский народ в результате последней мировой войны. Я не буду повторять того, что было сказано советской делегацией на этот счёт на специальной сессии Ассамблеи. Однако нелишне напомнить и сейчас о том, что в результате войны, навязанной гитлеровской Германией, евреи, как народ, потерпели больше, чем какой-либо другой народ. Вы знаете, что в Западной Европе не оказалось ни одного государства, которое сумело бы защитить в должной степени интересы еврейского народа от произвола и насилия со стороны гитлеровцев.

Касаюсь предложения о разделе Палестины, представители некоторых стран упоминали о Советском Союзе и пытались бросить тень на внешнюю политику Советского правительства. В частности, дважды на этот счёт упражнялся представитель Ливана. Я уже указывал на то, что предложение о разделе Палестины на два

самостоятельных независимых государства и позиция, которую занял Советский Союз в этом вопросе, не направлены против арабов, что, по нашему глубокому убеждению, такое решение вопроса соответствует коренным национальным интересам не только евреев, но и арабов.

Народы Советского Союза с сочувствием относились и относятся к национальным устремлениям народов арабского Востока. Советский Союз относится с пониманием и сочувствием к попыткам этих народов освободиться от последних оков колониальной зависимости. Поэтому мы не отождествляем неуклюжие заявления отдельных представителей арабских государств по поводу внешней политики СССР в связи с рассмотрением вопроса о будущем Палестины с жизненными национальными интересами арабов. Мы проводим разницу между такого рода заявлениями, сделанными, очевидно, под впечатлением минутных настроений, и коренными интересами арабского народа. Советская делегация уверена в том, что арабы и арабские страны не один раз ещё будут смотреть в сторону Москвы, ожидая от Советского Союза помощи в борьбе за свои законные интересы, пытаясь освободиться от остатков иностранной зависимости.

Советская делегация считает, что решение о разделе Палестины полностью соответствует также высоким принципам и целям организации Объединённых наций. Оно соответствует принципу национального самоопределения народов. Политика СССР в области национального вопроса, проводимая с момента создания Советского государства, есть политика содружества и самоопределения народов. Все народности, населяющие Советский Союз, именно поэтому и представляют собой единую и сплочённую семью, выдержавшую тяжёлые испытания в годы войны в борьбе с наиболее сильным и опасным врагом, с которым приходилось когда-либо встречаться миролюбивым народам.

Решение вопроса о Палестине на основе разделения её на два самостоятельных государства будет иметь большое историческое значение, так как такое решение будет идти навстречу законным требованиям еврейского народа, сотни тысяч представителей которого, как вы знаете, всё ещё являются бездомными, не имеющими своих очагов, нашедшими лишь временный приют в специальных лагерях на территориях некоторых западноевропейских государств.

Ассамблея упорно работает над тем, чтобы найти наиболее справедливое и практически осуществимое и в то же время наиболее радикальное решение вопроса о будущем Палестины. Она исходит при этом из некоторых неоспоримых фактов, в силу которых вопрос о Палестине и возник в организации Объединённых наций. Каковы эти факты?

Факт первый: мандатная система себя не оправдала. Я скажу больше: мандатная система обанкротилась. О том, что мандатная система управления Палестиной себя не оправдала, мы слышали заявления и со стороны представителей Великобритании. Такие заявления были сделаны на специальной сессии, а также на настоящей сессии Ассамблеи. Именно в силу того, что мандатная система

обанкротилась, правительство Великобритании и обратилось в организацию Объединённых наций за помощью. Оно обратилось к Ассамблее с просьбой принять соответствующее решение и тем самым взять в свои руки урегулирование вопроса о будущем Палестины.

Второй факт. Правительство Великобритании, обратившись в организацию Объединённых наций, заявило, что оно не может взять на себя ответственность за проведение всех тех действий, которые необходимо будет осуществить в Палестине в связи с возможным решением Генеральной Ассамблеи. Тем самым правительство Великобритании признало, что Генеральная Ассамблея может, в силу предоставленных ей, согласно Уставу, прав и полномочий, взять на себя ответственность за урегулирование вопроса о будущем Палестины.

Советская делегация считает, однако, полезным обратить внимание Ассамблеи на то, что со стороны Великобритании до сих пор Ассамблея не ощущает той поддержки, которую мы вправе были бы ожидать. С одной стороны, правительство Великобритании обратилось к Ассамблее за помощью в решении вопроса о будущем Палестины. С другой стороны, правительство Великобритании в ходе обсуждения этого вопроса на специальной сессии, а также на данной сессии Ассамблеи сделало столько оговорок, что невольно напрашивается вопрос, действительно ли Великобритания стремится к тому, чтобы вопрос о Палестине был урегулирован через организацию Объединённых наций.

На специальной сессии Ассамблеи представитель Великобритании, с одной стороны, заявил о готовности Великобритании проводить решения организации Объединённых наций при условии, что ответственность за возможные подлежащие проведению мероприятия будет нести не только Великобритания.

Сделав такое заявление, делегация Великобритании дала недвусмысленно понять другим государствам, что она готова сотрудничать с Объединёнными нациями в решении этого вопроса.

С другой стороны, на той же специальной сессии представитель Великобритании заявил, что его правительство готово проводить в жизнь соответствующие решения Генеральной Ассамблеи только в том случае, если арабы и евреи согласятся на каком-то решении вопроса. Всякому понятно, что первое и второе заявления противоречат одно другому. Если первое заявление свидетельствует о готовности Великобритании сотрудничать с организацией Объединённых наций в этом вопросе, то второе заявление свидетельствует о том, что правительство Великобритании может и не считаться с решением Ассамблеи.

Такого рода оговорки были сделаны представителем Великобритании и на данной сессии. Мы заслушали сегодня заявление г-на Кадогана по этому вопросу.

В несколько модифицированной форме он повторил мысль о том, что Великобритания согласна проводить в жизнь решение Ассамблеи при условии, что евреи и арабы будут в согласии. Но всем нам известно, что арабы и евреи между собой не договорились.

Обсуждение этого вопроса на данной сессии показывает, что они и не могут договориться. Перспективы на возможное соглашение между арабами и евреями не видно.

Такого мнения придерживается не только советская делегация, но и все делегации, которые пришли к выводу о необходимости принять определённое решение по этому вопросу уже на настоящей сессии Ассамблеи.

Все эти оговорки делегации Великобритании свидетельствуют о том, что со стороны Великобритании нет настоящего желания и по сегодняшний день сотрудничать полностью с организацией Объединённых наций при решении этого вопроса. В то время, когда подавляющее большинство делегаций, представленных на Генеральной Ассамблее, высказалось за определённое решение уже теперь вопроса о будущем Палестины — за раздел её на два государства, правительство Великобритании заявляет, что оно будет считаться только тогда с решением Ассамблеи, когда евреи и арабы между собой договорятся. Повторяю, выдвигать такое условие — это почти равносильно тому, чтобы ещё до вынесения Ассамблеей соответствующего решения похоронить это решение. Так ли должна действовать Великобритания в этом вопросе, особенно сейчас, когда после длительного его обсуждения стало ясно для всех, в том числе и для Великобритании, что подавляющее большинство государств стоит за раздел Палестины?

Если на первой сессии, когда впервые возник вопрос о возможном решении проблемы о будущем Палестины, можно было, по крайней мере, понять оговорки, исходящие от делегации Великобритании, то сейчас, когда мнение подавляющего большинства членов Объединённых наций известно, делать такие оговорки — это значит заранее объявлять, что Великобритания не считает себя связанной возможным решением Генеральной Ассамблеи. Мы вправе ожидать сотрудничества со стороны Великобритании в этом вопросе. Мы вправе ожидать, что в случае принятия Ассамблеей соответствующей рекомендации Великобритания будет считаться с этой рекомендацией, тем более, что существующие теперь в Палестине порядки ненавидят как евреи, так и арабы. В чём выражается отношение, в частности евреев, к этим порядкам, — вы все знаете.

Я считаю необходимым отметить также ещё один факт.

С самого начала обсуждения этого вопроса ряд делегаций, главным образом делегаций арабских стран, пытался убедить нас в том, будто бы этот вопрос не находится в компетенции Объединённых наций. Причём, как и следовало ожидать, они не могли привести каких-либо убедительных доводов, за исключением общих и ничем не мотивированных заявлений и деклараций.

Генеральная Ассамблея, как и в целом организация Объединённых наций, не только имеет право рассматривать этот вопрос, но при сложившейся ситуации в Палестине она обязана принять соответствующее решение. По мнению советской делегации, подготовленный комитетом план решения вопроса о Палестине, согласно которому практическое осуществление мероприятий по проведению его в жизнь должно лежать на Совете безопасности, полностью

соответствует интересам поддержания и укрепления международного мира и интересам укрепления сотрудничества между государствами. Именно поэтому советская делегация поддерживает рекомендацию о разделе Палестины.

Советская делегация, в отличие от некоторых других делегаций, заняла в этом вопросе с самого начала чёткую и ясную линию. Она последовательно проводит эту линию. Она не собирается маневрировать и производить соответствующие манипуляции с голосами, что, к сожалению, имеет место на Ассамблее и в связи с обсуждением палестинского вопроса.

«Правда» № 319 (10710) от 30 ноября 1947 г.;
см. также «Делегации СССР, УССР и БССР
на второй сессии Генеральной Ассамблеи
Организации Объединённых Наций», Госполитиздат,
1948, стр. 469—476.